

ПАШНЯ

ОКТАБРЬ 2023

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023

Практика

Как писателю получить
среднюю зарплату в России?

Сергей Пронин

Кэти Мари Уэйланг
«Архитектура сюжета»

Сборник Анны Лужбиной «Юркие
люди»

Перевод

Йосс. Красный мост. Перевод

Перевод Полины Елисеевой

Йосс. Ловкость рук. Перевод

Перевод Фатимы Таутиевой

Луисхе Мойано. Отпечатки
обуви. Перевод

Перевод Анастасии Орловой

Перевод с английского: письма
из прошлого

Автофикшн

Зонтик

Ирина Макшеева

Неслучившийся рейс

Екатерина Хэтрик

Несовпадения

Надежда Флайг

Предчувствие

Ольга Буянова

Детская литература

Волшебные пирожные

Надежда Ожигина

Убийца хомячков

Нина Кудякова

Хук справа

Лада Щербакова

Проза

Айфон

Ксения Кусова

Арабеска

Лица Оганесян

Бедовая Сашка

Евгения Моисеева

Дверь квартиры №36

Алексей Смирнов

Дом с любовью

Юлия Белашевская

Еще один день

Наталья Волкина

Жизнь с нуля

Оксана Акильева

Запах малины

Ирина Банах

Затмение

Дарья Франковская

Мечта

Рената Брюнеткина

Мы

Ева Зорина

Неперерабатываемый пластик

Евгения Приходько

Никому и ничему, потому что
никто не помнит

Валерия Фролова

Обмену и возврату не подлежит

Екатерина Вереникина

Плохие вещи

Екатерина Чижова

Побег

Анна Сватенко

Пожар

Наталья Тагер

Сигнал

Мария Цюрупа

Сон Иннокентия

Анна Муштакова

Стежки

Дарья Оверникова

Сяду, поеду...

Дарья Фомина

Талисман

Ксения Белозёрова

Экзамен

Константин Андреев

Конкурс

Кадровый голод

Екатерина Бобровская

Костик

Светлана Дымшиц

Стыг

Павел Самсонов

Как писателю получить среднюю зарплату в России?

Сергей Пронин

Экономист и писатель Сергей Пронин в своем канале «Саркастический путеводитель по жизни» провел большое исследование о том, работает ли писательство в качестве профессиональной занятости в России. На основе открытых данных автор постарался рассмотреть разные варианты писательского заработка. Делимся с вами результатами этого анализа, которые не претендуют на абсолютность, но дают почву для размышлений.

или НДФЛ (налог на доходы физических лиц) и получаем 49 802,28 рублей.

Итак, мы стремимся обеспечить нашему среднестатистическому писателю чистый месячный доход примерно в 50 тысяч рублей.

Назовём этого писателя Александр Сергеевич. Просто так.

Александр Сергеевич — законопослушный, но экономный и здоровый гражданин. Он зарегистрировался как самозанятый, поэтому он платит налог в 4% или 6%, пользуется только ОМС и не платит добровольные взносы в пенсионный фонд. Для простоты притворимся, что налоговый вычет уже истрачен и нет никакой дополнительной медицинской страховки, которая оплачивала бы писателю больничный.

Таким образом, Александру Сергеевичу надо зарабатывать в месяц 51 794,37 рублей для налоговой ставки 4% или 52 790,41 рублей для налоговой ставки 6%.

Предположим, Александр Сергеевич очень хочет зарабатывать именно писательским творчеством и именно собственным, то есть жить на гонорары от продажи книг под своим именем. Только как же их заработать? Давайте разбираться.

Часть 1. Знакомство со среднестатистическим писателем

Средняя зарплата в России в 2021 году составила 57 244 рублей по данным сайта для бухгалтеров «Главкнига», который ссылается на данные Росстата. Это, безусловно, средняя температура по больнице, потому что региональные отличия в России очень большие, и кому-то это покажется очень даже низкой зарплатой, а кому-то очень высокой.

Однако примем, что мы смотрим на среднего россиянина, живущего в городе Сергеевске в Среднероссийском Автономном Округе. Чтобы жить, как этот средний россиянин, среднестатистическому писателю нужно зарабатывать 57 244 рублей. Предположим, что средний россиянин работает на среднем предприятии, поэтому вычитаем из этого 13% подходного налога

Часть 2. Александр Сергеевич игнорит на «Литрес»

Александр Сергеевич решает стать эксклюзивным автором «Литрес». Предположим, на доходы от дописательской деятельности он получил продвинутый статус автора: у него есть 200 подписчиков авторской страницы и продано 200 экземпляров книги. Это значит, что Александр Сергеевич получает 70% роялти от цены книги после НДС.

Гонорары от «Литрес.Самиздат» будут облагаться по ставке 6% для самозанятых, так что нужно зарабатывать 52 790,41 каждый месяц. Значит, надо продавать книг на 90 497,85 рублей, с учётом 20% НДС.

Сколько же это книг? В 2021 году средняя цена книги на «Литрес» составляла 192 р. Александр Сергеевич — среднестатистический писатель, поэтому поставил цену в ровно 192 р. Каждый месяц ему надо продавать 472 копии своих книг. Примерно по 16 книг в день.

Для целей этого упражнения предположим, что Александр Сергеевич никаких расходов на создание книги не нёс. Сам обложку сделал, сам сверстал, сам отредактировал. Книги должны кормить только его. И да, Александру Сергеевичу пока было не до аудиоверсий, поэтому мы пытаемся торговать только текстами.

Значит, надо продавать 16 книг в день, чтобы получить среднюю зарплату, и при этом никаких расходов на продвижение. Если Александр Сергеевич уже не звезда или блогер с сотнями тысяч подписчиков, а он не таков, то как продвигаться вообще без расходов, не очень понятно.

Но пока оставим расходы на продвижение в стороне.

Реально ли вообще продавать по 16 книг в день? Звучит не слишком страшно, да?

Тут сложно сказать. Вот что мне удалось найти. По данным «Литрес», объём рынка цифровых книг в 2022 году был 11 миллиардов рублей, как и в 2021.

Сам «Литрес», по своим данным, контролирует 66% рынка, то есть общая выручка «Литрес» от электронных книг составила, видимо, 7.260.000.000 (семь миллиардов двести шестьдесят миллионов рублей). Трудно сказать, какую часть выручки группы компаний «Литрес» составляет собственно продажа электронных книг, ведь они получают доходы и от рекламы на LiveLib, а доходы от электронных книг «Литрес» получает и от своего флагманского сервиса, и от библиотеки MyBook, например. Тут долго и нудно описывать, как я это посчитал, но по косвенным данным выходит, что выручка именно сервиса «Литрес» от продажи именно текстовых электронных книг составила 3.492.225.000, то есть примерно 3.5 миллиарда рублей. А доля продаж независимых авторов в «Литрес.Самиздат» составила 25% в общем объёме выручки сервиса «Литрес». То есть 873.056.250, примерно восемьсот семьдесят три миллиона рублей.

Разделим это на 12 месяцев, затем на среднюю цену книги и на количество книг, которое требуется Александру Сергеевичу. И получается, что таких авторов, которые с продаж электронной текстовой версии при роялти в 70% будут получать среднюю зарплату в России, может на «Литрес.Самиздат» быть всего... 803 человека.

А на платформе «Литрес.Самиздат» в 2021 году было зарегистрировано 150 000 авторов. При текущих объёмах продаж на среднюю зарплату с продажи своих текстовых книг из них могут рассчитывать 0.5%.

Уютно ли Александру Сергеевичу играть с такими ставками? Мне кажется, не очень...

Но подождите-подождите, а что, если я всё не так посчитал? Ну, если я ошибся в 10 раз, то среднюю зарплату от «Литрес» могут получать 5% авторов. При условии, что все они получают 70% роялти. А это значит продвинутый статус автора и исключительная лицензия «Литрес».

А если Александр Сергеевич преодолеет аристократический консерватизм и позволит «Литрес» записывать аудиокниги по своим текстам? И будет получать доходы в той же пропорции, что и весь «Литрес», то есть 30% от аудио, а 70% от текстовых версий?

Посчитаем в следующей части.

Часть 3. Александр Сергеевич издаёт звук и MyBook

Помимо собственно текстов, Александр Сергеевич может уступить «Литрес» эксклюзивные права на создание аудиокниги. И с этих продаж роялти составит 40%. Александр Сергеевич преодолевает аристократический консерватизм и решает остаться верным эксклюзивности ради значительных роялти.

Предположим, что, как истинный среднестатистический писатель, Александр Сергеевич будет получать среднее распределение продаж между текстом и аудио, а для «Литрес» это, по данным самого «Литрес», 68-32.

Значит, из 52 790,41 рублей, которые Александру Сергеевичу нужны на апельсины, ЖКХ, химчистку сюртука и прочие важные штуки в месяц, собственно текстами нужно зарабатывать только 35 898,48 рублей, остальные можно звуком.

Тогда, не повторяя много расчётов из прошлой части, мы получаем, что Александру Сергеевичу нужно продавать всего 321 книгу в месяц и 116 аудиокниг. И в выручке «Литрес.Самиздат» таких среднестатистических писателей помещается теперь целых 1 182 человека. Стоило позволить аудио, как тут же вырастают шансы. Теперь среди авторов «Литрес.Самиздат» среднюю зарплату могут получать целых 0.8 %!

Но наш Александр Сергеевич не сдаётся. Ведь книги, опубликованные на «Литрес» могут быть доступны и в библиотеке MyBook. Есть ещё «Литрес.Подписка», но она, будем считать, входит в доход от всего сервиса «Литрес».

Что же творится в MyBook? Я нигде не смог найти данные по выручке MyBook, все только рапортуют о том, как стремительно она растёт. Число активных подписчиков тоже найти не смог. Придётся, как всегда, гадать.

В 2014 году в одном из интервью основные конкуренты MyBook, компания Bookmate, говорили, что у них полтора миллиона активных пользователей. Это было спустя 4 года после основания сервиса. Сам MyBook появился в 2012 году, в его развитие активно вкладывали, но сложно сказать, насколько сопоставимыми темпами он рос. В целом, рынок всей электронной литературы рос стремительно, и давайте щедро предположим, что MyBook рос так же и к 2016 году набрал те самые полтора миллиона подписчиков. Пусть он рос на 30% в год, будем великодушными. И вот, при средней цене подписки выручка сервиса должна была составить в 2022 где-то 2.8 миллиарда рублей.

Можно прикинуть по-другому. Если мы знаем, что доля сервиса «Литрес» в доходах группы компаний «ЛитРес» от электронных книг, по данным самого «ЛитРес» — 66%, то оставшиеся, видимо, это MyBook. Хотя во всех этих слоёных пирогах довольно легко запутаться: ясно нам никто не сообщает, что там в какую сумму входит.

Если MyBook работает по такой же системе, как остальные подписные сервисы, то он отдаёт ровно 50% подписки правообладателям, то есть Александру Сергеевичу и его коллегам. Да подписка ещё и НДС не облагается. Возможно, мы нашли место ещё для аж 2 300 средних писателей, которые могут получить среднюю зарплату от MyBook. Может быть, даже больше, потому что в «Литрес.Подписке», скажем, процент роялти переходит из статуса автора, а значит, может доходить и до 70%.

Но с MyBook есть одна проблема. Там, как это ни странно, чем больше читают читатели, тем меньше получают отдельные писатели.

Я не смог найти данные по модели роялти в MyBook, но все модели «ПроРата» делят деньги авторов примерно так: каждая книга, которую хоть чуть-чуть читал читатель, получает определённый вес в общем количестве прочитанного за месяц, и автор получает часть оплаты читателя за подписку, в соответствии с этим весом и своим процентом роялти.

На сайте «ЛитРес» приводится пример расчёта модели «ЛитРес.Подписка», когда у одного автора читатель прочёл 70% книги, у другого 20% книги, а у третьего 10% книги, и у каждого автора ещё свой собственный процент роялти. Роялти первого автора 50%, роялти второго автора 70%, и роялти третьего 35%.

Как говорил мой профессор математики, легко видеть, что при этом суммарное роялти составит около 210 рублей, и «Литресу» остаётся 189 рублей от стоимости подписки. Жить можно. Но также легко видеть, что если

читатель прочтёт каждую из этих книг полностью, то по этому примеру «Литрес» будет должен выплатить авторам 618 рублей, почти в два раза больше стоимости подписки. Либо тут какой-то очень хитрый расчёт, что никто больше 100% одной книги не осилит, либо это пример, который, скажем так, вводит в заблуждение, и на самом деле даже если читатель прочтёт все эти три книги на 100%, то каждый писатель получить свой процент роялти не от всей суммы подписки, а от какой-то её доли.

А как эта доля определяется, видимо, секрет. Тут я умываю руки. Быть можно дельным человеком, но считать с таким количеством неизвестных дело неблагодарное.

Ясно одно: миллиарды выручки далеко не означают, что огромное количество авторов может зарабатывать. При самых щедрых, самых гигантских допущениях получать среднюю зарплату за работу писателем от «Литрес» может от силы пара тысяч человек. А на самом деле, по другим данным по рынку и другим косвенным признакам, похоже, что зарабатывающих хоть что-то авторов на «Литрес» значительно больше, может, процентов пять, но огромная часть из них не зарабатывает даже близко к средней зарплате, может, пару тысяч или даже пару сотен рублей в месяц. И какой-то очень маленький процент, может быть, человек 50 из всех авторов, зарабатывают, скажем, 50 тысяч и выше в месяц.

Часть 4. Александр Сергеевич и рогео на Rideró

Платформ самиздата в России много, и среди них выделяется Rideró, которая даёт доступ не только ко многим электронным площадкам, но и сетям распространения книжных магазинов. Уже тут-то есть где развернуться

К счастью для Александра Сергеевича, Rideró раскрывает общую сумму выплаты авторских роялти за год, поэтому нам даже ничего ни с какими ухищрениями считать не надо.

Сумма авторских выплат в России составила больше 25 миллионов рублей в 2022 году. Из них, сообщает Rideró, больше 3.6 миллионов составил НДСФЛ. Хм, это ж неспроста, подумал Александр Сергеевич. Налог на доходы самозанятых называется «Налог на профессиональный доход», при чём же тут НДСФЛ? «Литрес.Самиздат» почему-то мне ни о каком НДСФЛ не говорил.

Оказывается, по типовому договору Rideró автор соглашается с тем, что Rideró выступает в роли налогового агента для сбора с доходов автора НДСФЛ. Дело в том, что Rideró заключает договор с автором как с физическим лицом, а не как с самозанятым, поскольку автор, согласно договору, не оказывает Rideró никаких услуг. Наоборот, это Rideró оказывает услуги по распространению книг и не обязательно даже авторам, а тем, у кого есть права на их использование. А значит, доход в форме роялти не может считаться доходом от оказания услуг.

А как же тогда с этим справляется «ЛитРес»? В оферте «Литрес.Самиздат» НДСФЛ всегда указывается с формулировкой «Если применимо», а в пункте 5.7.1 вообще описано, какова должна быть процедура, если автор самозанятый. Коротко говоря: автор должен на каждую выплату роялти предоставлять «ЛитРес» чек как самозанятый, тогда НДСФЛ вычитаться не будет. Почему сервисы работают настолько по-разному, я не очень понимаю и оценить юридическую сторону вопроса не могу, потому что я не юрист.

**Миллиарды выручки
издательских платформ
далеко не означают, что
огромное количество**

авторов может зарабатывать.

Разобрались. Но откуда выплачиваются эти 13%? Александр Сергеевич схватился за сердце. Неужели они вычитают их из моего рояли? Но нет, Rideró выплачивает НДСФЛ за автора, но деньги для этого берёт из своей комиссии. Таким образом, устанавливая роялти, автор указывает, сколько он хочет получать именно «на руки», а налог с этой суммы платит сам Rideró.

Как пояснила мне пресс-служба Rideró: «Авторы нашего сервиса получают роялти, которые они указывают, в полном объеме, ничего из них не вычитается. И да, при этом Rideró берет на себя функцию налогового агента и выплачивает НДСФЛ из своих средств, как этого требует законодательство. Грубо говоря, мы как комиссионка: автор сдал свой товар, мы его продали и отдали ему столько, сколько он попросил, но при этом еще за счет своей комиссии перечислили налоги согласно законодательству нашей страны».

Прекрасно, подумал Александр Сергеевич! Значит, ни платить дополнительные налоги здесь не нужно, ни регистрировать доход от Rideró как доход от самозанятого. По сравнению с другими сервисами — это очень простой и прозрачный механизм.

Вдобавок это несколько снижает планку целевого дохода до 49 802.28 рублей в месяц, чтобы Александр Сергеевич всё ещё получал среднюю зарплату. Тогда получается, что всех авторских роялти за 2022 год хватит на примерно 35 писателей со средней зарплатой (каждый из них, напомним, рассчитывает на 49 802.28 рублей в месяц, то есть на 59 7627,36 рублей в год, а всего сервис выплатил 21 400 000 рублей в России с учётом НДСФЛ). Если бы мы случайно распределяли эти 35 средних зарплат среди всех 725 000 пользователей сервиса, то шанс получить их был бы 0,06%. Хотя статистика сервиса не уточняет, что свыше 725 тысяч пользователей — это непременно авторы. Может, авторов там меньше, и соотношение не такое драматичное.

В реальности на Rideró зарабатывают больше авторов, но многие из них зарабатывают меньше средней зарплаты. 11,8% авторов в 2022 году заработали на продажах книг от 20 до 199 тысяч за год. 2% авторов получают от 200 тыс рублей до 1 миллиона рублей в год.

Ну, 200 тысяч в год звучит неплохо, правда, Александр Сергеевич?

Правда, на среднюю зарплату в 49 802.28 рубля годовой доход должен быть почти в три раза больше. Как вам этот расчёт, Александр Сергеевич? Сможете добраться до той части авторов, которые получают 600 000 рублей в год и выше?

Дай мне стакан вина,

Я весь дрожу... Сергей, однако ж деньги

Мне нужны.

Хорошо. А если по какому-то невероятному стечению обстоятельств Александр Сергеевич станет самым продаваемым автором Rideró, то тогда ему хватит на скромную жизнь в среднероссийской губернии?

По данным Rideró, самым крупным роялти в 2022 году стала выплата в 1 287 620 рублей. То есть самый зарабатывающий на Rideró автор зарабатывает около 2 средних зарплат в месяц.

Но разве нет удачи удалому?

А если нет, то нет правды на земле. Но есть ли ещё где-то? Александр Сергеевич решает дать последний шанс самиздату. Что, если все свои труды предать суду взыскательной аудитории сетевой литературы?

Часть 5. Александр Сергеевич и прога жизни

Помимо «Литрес» и «Ридеро», в русскоязычном сегменте интернета существует ещё несколько платформ для самиздата. И если значительная часть книг на «Литрес» и «Ридеро» некоторым образом мимикрирует под книги, изданные в рамках обычного издательского процесса, и даже попадает на полки магазинов, то книги с других платформ часто отличаются как в способе написания, так и в способе их чтения.

В попытках найти путь к честному, но более-менее хлебному писательскому труду, Александр Сергеевич отправляется в дебри сетевой литературы. Этим термином обычно принято обозначать тексты, публикуемые писателями на специальных платформах, где читатели имеют возможность не только читать книги целиком, но и читать книгу буквально в процессе её написания, оформляя на неё подписку. Получается, в этом случае автор пишет книгу буквально на глазах изумлённой публики, и, чтобы поток подписных денег не останавливался, нужно писать не переставая. В общем, в таком случае Александр Сергеевич был бы как Тригорин: «Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных».

Тут сошлюсь на собственный материал в «Литературе», где я брал интервью у нескольких сетевых авторов, там гораздо подробнее описаны все перипетии жизни в сетевой литературе. Вот, как раз прочтя мой текст, Александр Сергеевич решил и там попытать счастья.

Сетевых площадок довольно много, и хотя с февраля 2022 года ландшафт несколько изменился, их всё ещё много. «Автор.тудей», «Литмаркет», «Продаман», «Литнет» — и это ещё не всё. На каждом свои хитрости продвижения, своя система рейтинга, своё комьюнити и свои популярные жанры.

Но для целей нашего исследования интересен всё же другой вопрос: может ли Александр Сергеевич получать там среднюю зарплату?

И вот тут начинается настоящий сетевой туман. Ни одна сетевая платформа не отчитывается об общей выручке и не раскрывает общие заработки авторов, как это делают «Ридеро» и «Литрес». Блуждая по блогом сетевых авторов, я наткнулся как на истории оглушительного успеха, так и на истории сокрушительного провала, а также даже на довольно агрессивный пост какого-то гуру, который основал целую школу для сетевых авторов, обучая их основам СММ, продвижения и так далее. Вокруг большинства сетевых платформ есть и комьюнити авторов, которые постоянно делятся «лайфхаками». Есть знакомые или друзья друзей, которые «нормально зарабатывают».

Более того, среди материалов я даже нашёл такой, который заставил меня усомниться вообще во всей статистике сетевой литературы, и немного — в профессионализме журналистов газеты «Коммерсант». Они опубликовали результаты опроса (!), проведённого платформой «Литнет», в котором приводятся такие данные: в среднем сетевой автор зарабатывает 50-70 тысяч рублей в месяц.

Тут Александр Сергеевич подсказывает, кричит «Эврика» — и бежит на улицу в цилиндре и полотенце.

И я едва успеваю его остановить. Потому что у меня очень много вопросов.

Во-первых, в одной и той же статье журналист Ъ называет эту сумму и средним, и медианным доходом. Я человек простой и статистику в экономическом вузе учил всего 4 семестра. Или пять. Но не может быть интервал средним значением. И медианой интервал быть не может. И медиана — это не тоже самое, что среднее. Но это так, придирки, может, журналист не разобрался, а в опросе-то всё правильно.

Дальше оказывается, что по результатам этого опроса следует, что 68% опрошенных авторов зарабатывают на творчестве, а другие 32% — нет, потому что выкладывают книги бесплатно. А 20% опрошенных сказали, что ежемесячный доход у них больше 100 тысяч рублей.

Тут я снова хватаю Александра Сергеевича за полотенце.

По этим цифрам столько вопросов. Во-первых, почему это опросили всего 1 200 человек? Во-вторых, авторов каких платформ опрашивали? В третьих, как отбирали эту выборку, как определяли её репрезентативность? В-четвёртых, почему не выделили группы по доходам, например, сколько авторов получают меньше 10 000 рублей? А меньше 1 000?

И наконец, зачем «Литнет» вообще кого-то опрашивал, если у них, извините, скажу для Александра Сергеевича немного по-стариковски, у них «в компьютере» все эти данные и так есть. Они же роялти выплачивают, они знают заработки всех своих авторов до копейки, и не 1 200 человек, а всех. Почему не поделиться этими данными, как «Ридеро»?

Возможно, потому, что, как посчитал активный автор другой платформы, у 99% книг один читатель в день?

Ну ладно, Александр Сергеевич, бодритесь! Может, в расчётах ошибка! А рынок-то большой?

Тот же «Коммерсант», ссылаясь на тот же «Литнет», пишет, что общий объём рынка самиздата — 3.2 миллиарда рублей. И если с этой суммы все авторы самиздата на всех платформах получают роялти 70%, НДС — 20%, а налоги платят как самозанятые, то со всех платформ самиздата, кроме «Литрес», среднюю зарплату могут получать 1 837 авторов.

Заметим, я тут притворился, что «Ридеро» не существует, потому что я не знаю, сколько вычитать из объёма рынка даже примерно. То есть, как всегда пометим, что скорее всего не 1 837, а меньше.

Если взять оценку рынка самого «Литрес» в 3.65 миллиардов рублей, то получается 2 192 автора. Или меньше.

А сколько всего авторов самиздата? Ну, тут процентные доли даже считать не буду.

Ладно, видно, придётся по старинке. Хватит разыгрывать из себя гордого и независимого, пойдёмте, Александр Сергеевич, в издательства. Там работают профессионалы. Там наверняка при вашем-то таланте можно на квартплату в Болдино заработать.

Часть 6. Александр Сергеевич и мираж тиража

А пойдёмте-ка, Александр Сергеевич, к профи. Хватит искать счастья в независимости, давайте попробуем обрести счастье в системной работе.

Итак, мы отправляемся в издательства.

Договор с издательством в России приносит автору примерно 10% роялти от оптовой цены книги без НДС. Что такое оптовая цена книги без НДС? Это цена, по

которой издательства «отпускают» книги в книжные сети.

Почему я не написал: продают? Потому что бывает, что и не продают, а передают на реализацию. В этом случае между издательством и книжным магазином действует соглашение, что книжный магазин не платит за книги вперёд, и, более того, вернёт непроданные книги обратно издательству через какое-то время, чтобы они не занимали место на полке или на складе.

Довольно часто издательства выплачивают даже начинающим авторам аванс, но этот аванс фактически должен быть покрыт первоначальными выплатами роялти. То есть, например, выплачивают Александру Сергеевичу аванс в 20 000 рублей. И после этого начинаются продажи книги, и пока общая сумма выплат роялти не превысит 20 000 рублей, ничего Александру Сергеевичу больше выплачивать не будут.

Ну, хорошо. Зато издательство ведь отредактирует книгу, правда, Александр Сергеевич? И продвигать её будет. И заинтересовано в том, чтобы как можно больше книг продать. А автору и делать практически ничего не надо, знай себе пиши да роялти получай.

Однако если на книгу не делается ставка, то автору всё равно придётся работать на её продвижение. Но от работы-то мы не отказываемся, лишь бы честную зарплату платили.

Как всегда, никто не знает объёмов рынка. Издательская группа «Эксмо-АСТ» сообщает, что общий объём рынка бумажных книг в 2022 году составил 109 миллиардов рублей. Из них художественная литература составляет 49%, то есть 53.4 миллиарда рублей.

Сколько из этих денег получают издательства? Есть оценки, что для простоты можно разделить розничную цену книги на два, и получится та самая оптовая цена без

НДС. Проверить я это не могу, но доверимся профессионалам.

Если издательства получают половину, а автор 10% от этой половины, то на всём рынке бумажной художественной литературы среднюю по России зарплату могут получать 4 215 писателей. Конечно, как всегда, надо уточнить, что скорее всего какие-то выплаты получает значительно больше авторов, а выплаты, приближающиеся к средней зарплате — значительно меньше.

Хорошо, а сколько бумажных книг надо продавать? Самые свежие данные: год назад средняя цена книги в сети «Буквоед — Читай-город» составляла 439 рублей, а это, с учётом всех калькуляций, примерно 2 400 книг в месяц или 80 книг в день.

Сложновато, конечно, но, если поднапрячься, можно же! А вообще сколько у вас бумажных книг, Александр Сергеевич? Если мы вспомним, что Александр Сергеевич у нас писатель среднестатистический, то один тираж одной книги составил у него составил 3 551 экземпляр по данным на первое полугодие 2022 года.

Конечно, книги допечатывают и переиздают. Конечно, и книги, выпущенные в издательствах, часто выходят и в электронном виде, и часть продаж, а соответственно, и роялти, приходит и с электронных площадок, но чтобы получать среднюю зарплату, нужно продавать около 30 000 бумажных книг в год. И для этого их хорошо было бы напечатать.

По данным книжной палаты, в топ-20 самых издаваемых авторов в 2022 году вошло 10 российских писателей. И совокупные тиражи их книг составили примерно 18% от годового тиража русскоязычной художественной литературы. У автора на 20 месте, Лии Арден, совокупный тираж составил 3 190 000 экземпляров.

То есть Александру Сергеевичу с его скромными запросами надо напечатать в 10

раз меньше. И тут виднеется ещё одна проблемка. Оставшегося совокупного тиража всей русскоязычной художественной литературы для взрослых за год хватит всего на 823 Александра Сергеевича.

«Да как же так! Почему в самой читающей стране издаётся так мало книг!» — горестно кричит наш среднестатистический писатель.

Ну-ну, не нужно так волноваться, Александр Сергеевич. Во-первых, издаётся, и ещё как. Мы же забыли о второй части топ-20 авторов, а там тоже все свои, но не наши: и Стивен Кинг, и Эрих-Мария Ремарк, и Агата Кристи. И вот, к примеру, совокупный тираж топ-10 иностранных авторов в полтора раза больше, чем топ-10 отечественных.

Во-вторых, издаётся — не значит продаётся.

Но успокоить Александра Сергеевича что-то не получается. Так может, не книгоизданием единым, а, Александр Сергеевич? Может, можно ещё как-то себя, извините, монетизировать? Блог у вас точно должен быть, и раскрученный. А может, ещё курс какой можно запустить? Опыт-то накопился.

Часть 7. Александр Сергеевич и ставка на наставничество

Александр Сергеевич, как мы уже говорили, писатель средней руки. А это значит, что у него есть несколько изданных

книг, есть какая-никакая история успеха, особенно по сравнению с теми, у кого вообще ничего не написано. Это уже основание для того, чтобы начать какую-то преподавательскую деятельность.

А что вообще творится на этом рынке? А на рынке творится следующее. У кого ни спроси, все повторяют, что, мол, курсов развелось, что, мол, столько их, что аж не продохнуть. Но при этом многие повторяют, что именно там «все деньги».

Давайте проверим. И для начала дисклеймер: я намеренно беру все свои оценки по верхней планке и предполагаю самый лучший расклад для писателей, потому что моя задача — понять теоретические возможности для писателей и ёмкость рынка. Если ситуация не выглядит радужно даже с завышенными цифрами, то в реальности всё ещё грустнее.

Если статистики и цифр по самиздату крайне мало, то цифр по рынку образовательных услуг для писателей и вовсе практически не существует. Курсов действительно очень много, и мне, признаться, хочется прямо сосчитать их все, но пока на это у меня нет времени. К тому же, невозможно узнать реальные объёмы продаж, потому что никто не раскрывает никаких данных.

Поэтому попробуем зайти с другой стороны.

Сколько в мире русскоязычных писателей? Ответить точно практически невозможно, тем более что определение понятия «писатель» займёт, наверное, отдельный пост и отдельный спор в комментариях. Поэтому, памятуя о том, что мы хотим оценить объём рынка образовательных услуг, оттолкнёмся от максимально широкого определения: писатель — это тот, кто себя им считает и как-то проявляет это во внешнем мире.

На платформе «Ридеро» 679 795 пользователей, на сайте «Проза.ру» 530 863 и на сайте «Стихи.ру» 901 243. Конечно, не все из них что-то публиковали. И возможно, что многие писатели зарегистрированы сразу и там и там.

Однако есть авторы, зарегистрированные только на одном из этих ресурсов. Есть авторы, которые вообще не зарегистрированы ни на одном. Поэтому пойду на рискованный шаг и предположу, что всего у нас есть потенциальная аудитория из примерно 1.6 миллиона писателей. Это сумма всех пользователей «Ридеро», «Стихи» и «Проза.ру» с дисконтом в 25%. Это компенсация того, что кто-то из авторов и потенциальной аудитории образовательных услуг не зарегистрирован ни на одной из этих платформ, а кто-то зарегистрирован на нескольких.

Можно предположить также, что число потенциальных писателей постоянно растёт, потому что число зарегистрированных пользователей стабильно растёт год от года на каждой платформе.

Однако если писатели существуют, это не значит, что кому-то нужны литературные курсы. А те, кому они правда нужны, будут их искать.

Обратимся к статистике запросов в «Яндексе». Запросы «как стать писателем», «как написать книгу» набирают больше ста тысяч показов в месяц, но надо отметить, что, собственно, запрос «литературные курсы», «курсы письма» набирают всего около 10 000 показов в месяц. Рискну предположить, что это своего рода конверсия, и тут есть, наверняка какая-то погрешность, потому что я не могу предположить всех запросов, по которым ищут и находят курсы. Но мы можем оценить, что скорее всего, судя по этому соотношению, реально курсами заинтересованы 10-20% от тех, кто ищет по общим запросам о том, как научиться писать или стать писателем. Возьмем золотую середину и предположим 15%.

То есть каждый год примерно 15 000 писателей в месяц находят себе какие-то курсы. Предположим, что это каждый месяц новые 15 000 писателей, то есть 180 000 писателей каждый год покупают себе какой-то образовательный продукт. А сколько же они за них платят?

Сейчас на рынке огромное количество образовательных продуктов для писателей с очень большим разбросом цен. Поэтому, чтобы хоть как-то оценить ситуацию, обратимся к исследованию ВШЭ о рынке образования. По данным ВШЭ, в 2021 году на душу населения пришлось примерно 5 500 рублей платных образовательных услуг. Предположим, именно эту сумму в год тратят все заинтересованные писатели. Умножаем 180 000 на 5 500 и получаем примерно 10 миллиардов рублей.

Это конечно, очень большая натяжка, но в отсутствие других данных это всё, что я могу. Мой личный anecdotal evidence говорит о том, что многие начинающие писатели «подсаживаются» на курсы и проходят несколько курсов подряд в течение нескольких лет, но потом интерес несколько спадает. Либо писатель находит себя так или иначе, либо теряет надежду пробиться, либо просто теряет запал, либо кончаются интересные курсы.

Отчасти это подтверждается цифрами крупных известных мне школ. Школа «Бэнд» говорит, что у неё было 10 000 студентов за 7 лет, а CWS — 16 000 за 8 лет. Если разделить студентов на года, получается 1 428 и 2 000 студентов в год, это всего 2% от того объёма студентов, который я прикидывал, а ведь это, кажется, самые известные школы. Однако делить студенты на года неправильно, и это подтвердила Александра Гуськова, директор очных мастерских CWS. Школа начинает, как правило, с нескольких мастерских и небольшого числа студентов, то есть в первые годы и в CWS, и в «Бэнд» студентов было значительно меньше, чем, скажем, в 2022 году.

Но даже при этом возможно, что моя оценка общего числа покупателей образовательных продуктов для писателей

сильно завышена, потому что конверсия «ищет курсы — покупает курсы» может быть значительно ниже. Однако и средний чек на этом сегменте не обязательно равняется средней цифре из исследования ВШЭ.

Поэтому оставим мою крайне оптимистичную оценку объёма рынка в 10 миллиардов рублей.

Если моя оценка верна, то рынок образовательных услуг для писателей — это 10% рынка всей литературы в России, и он в 3 раза больше, чем весь рынок самиздата.

Предположим, что преподаватели получают 50% всего объёма продаж в качестве гонорара, и тогда на этом рынке может уместиться ещё где-то 800 получателей средних зарплат. Заметим, что 50% это тоже крайне завышенная оценка, если мы предположим, что многие писатели сами организуют курсы и получают значительную долю выручки. А если реальность не такая радужная, то...

Эх, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич... Негде вам голову преклонить.

Если моя оценка верна, то рынок образовательных услуг для писателей — это 10% рынка всей литературы в России, и он в 3 раза больше, чем весь рынок самиздата.

Среднему писателю средней зарплаты, видимо, не видать, если заниматься чем-то одним. Надо и книги писать, и преподавать, и, возможно, что-то ещё делать. Попробуем посчитать, как это могло бы выглядеть.

Часть 9. Александр Сергеевич уходит в тень

Мы с Александром Сергеевичем перевернули, кажется, каждый камень на литературном рынке. Чтобы у наших поисков были хоть какие-то границы, мы не будем заглядывать в смежные области, такие как киносценарии, драматургия, телесценарии и прочее, потому что там, как я подозреваю, проблемы примерно такие же. Я также не буду касаться различных услуг, которые можно оказывать в частном порядке, такие как: редактура, литературное наставничество и так далее. И мы не рассматриваем различные варианты трудоустройств, так или иначе связанные с текстом, начиная от работы в собственно издательствах, и заканчивая, к примеру, нарративным дизайном компьютерных игр.

Поскольку наша задача была попробовать найти возможность Александру Сергеевичу заработать собственными книгами, все эти смежные виды деятельности и трудоустройства означают для нашего героя следующее: «Найдите себе работу и пишите в свободное время».

Отчаянно переключая вкладки браузера, мы вдруг наткнулись на гострайтинг. Может быть, это наш шанс, а, Александр Сергеевич? Пусть книги будут подписаны не вашим именем, но это же будут ваши книги!

Итак, давайте разбираться.

Гострайтеры, писатели-призраки или, как иногда довольно уничижительно именуют таких специалистов в русскоязычном пространстве, литературные негры — это писатели, которые пишут книги за других людей.

«Как это, за других?» — переспрашивает Александр Сергеевич, понизив голос до степени полной нелегальности.

А вот так. Конечно, это звучит странно и даже несколько противозаконно, но на самом деле ничего противозаконного в этом нет. Возможно, это не всегда этично, но об этом ниже.

История гострайтинга насчитывает, пожалуй, многие столетия, потому что как минимум слухи о том, что за какого-то великого писателя его произведения написал кто-то другой, ходили и ходят со времён Шекспира, а то и Гомера. Однако достоверно известно, что, к примеру, в 1930-е годы несколько писателей в СССР были осуждены за то, что издавали под своим именем произведения других людей.

Сейчас я не буду залезать в конспирологию и обсуждать, чьи книги кем написаны, опишу, скорее, рыночную практику сегодня.

Гострайтинг считается совершенно нормальным и даже уважаемым делом в сегменте нон-фикшн. Здесь книги пишутся, чтобы повысить свой экспертный статус или суммировать свой богатый опыт в какой-то отдельной области, но мастер в области нефтедобычи, финансов или балета не всегда отлично владеет словом и прибегает к помощи гострайтера. Слова ваши — знания наши.

В сегменте фикшн гострайтинг, по слухам, востребован, скорее, в области массовой формульной серийной прозы. Тут у меня нет никаких данных, так что я не буду указывать пальцем и говорить, что вот, мол, тот автор не пишет сам. Но я точно знаю из первых рук, что как минимум некоторые книги очень популярный серий, таких как «S.T.A.L.K.E.R» или «Вселенная Метро 2033» писались коллективами авторов не всегда под своими именами. Не берусь утверждать, что кто-то из авторов там пользовался именно услугами гострайтинга, но как минимум у части книг тех серий вымышленные авторы-псевдонимы, под которыми писали одни и те же люди. Но это, как говорится, между нами.

А на Западе как? На Западе тоже довольно открыто говорят, что как минимум книги политиков и знаменитостей им помогают писать гострайтеры. Но и в художественной прозе, к примеру, если пользоваться таким ненадёжным свидетельством, как биржи фрилансеров, существует огромная потребность в гострайтерах любовных романов, ромфанта и тому подобных жанров. Там уже и издательства, и успешные авторы часто выстраивают целую фабрику по производству книг конкретного субжанра. Встречал я и объявления от авторов, которым требуются гострайтеры писать по жёсткому сюжетному плану, и от авторов, которые сами пишут с удовольствием, но вот сюжетные планы выстраивать не любят или у них закончились идеи, поэтому они даже готовы платить так называемым плот-райтерам, то есть людям, которые будут писать для них сюжетный план.

Конечно, и в случае сотрудничества с настоящим автором, и в случае сотрудничества с экспертом гострайтеру требуется не просто уметь хорошо писать, но тонко чувствовать своего клиента-коллегу. На мой взгляд, проще и честнее всего рассматривать этот процесс как сотворчество.

И наконец, третий сегмент гострайтинга — это книги в подарок. «Эх, Семён Иванович, такая у вас жизнь интересная была, — говорит директору завода его заместитель. — Хоть книгу пиши». И нередко заказывает книгу гострайтеру. Эта услуга, примерно как «Подари звезду» или «Узнай своих предков по ДНК», приятна прежде всего как знак внимания и, как правило, заказывается на какой-то юбилей. В числе прочих подарков юбиляру преподносится красиво изданная на дорогой бумаге книга о нём самом.

Юридически, как правило, эта услуга оформляется как договор о передаче «исключительных» прав. То есть гострайтер переуступает свои права, в том числе и авторские, либо агентству, либо другому человеку, и в некоторых случаях также подписывает соглашение о неразглашении. Это значит, что гострайтер не имеет права

публично указывать на то, что книга написана им или при его участии.

Именно такую книгу однажды написал я. Точнее, это была не книга, а небольшая пьеса по мотивам жизни одного человека. Никаких подробностей об этом я рассказывать не могу, гонорар я разглашать тоже не могу, но могу сказать, что это было точно больше, чем я мог бы получить за текст такого объёма как дебютант в любом издательстве.

Однако в силу значительной закрытости этого рынка могу только предположить, что он есть, потому что существует довольно много и отдельных авторов, и целых агентств, которые предлагают такие услуги.

Очевидно также, что это проектная работа, которая требует практики, связей, сарафанного радио и так далее. То есть больших надежд Александру Сергеевичу питать не стоит. Возможно, ему, как среднему писателю, то есть автору нескольких изданных книг, удастся довольно быстро зайти на этот рынок, но количество заказов будет зависеть от удачи и связей. Если в этом сегменте и можно заработать среднюю зарплату, то это будет сложно и хлопотно. Как, впрочем, и всегда.

Так что простите меня, Александр Сергеевич. Я сделал всё что мог. Если вы средний или медианный писатель, то средней зарплаты своими текстами вам не заработать никак.

Остаётся сделать выводы.

Часть 10. Александр Сергеевич и время неутешительных

Подошло к концу наше с Александром Сергеевичем путешествие в поисках средней писательской зарплаты.

Пришло время подводить итоги.

Что я хотел оценить?

Я хотел оценить совокупный возможный доход всех писателей на рынке и проверить, сколько средних зарплат «умещается» в этой сумме. На основании этого можно прикинуть, каковы шансы попасть в этот «клуб средних зарплат». То есть я пытался грубо и, скорее, завышая, чем занижая, прикинуть общий рыночный «зарплатный фонд» и понять, сколько человек на средней зарплате можно было бы на этот фонд «нанять». Конечно, это очень грубая оценка, поэтому мы не можем исходя из полученных данных оценить шансы отдельного писателя добиться такого дохода. Мы можем лишь констатировать с определённой уверенностью, что из всех, кто как минимум уже сделал какие-то шаги в направлении писательства, такое-то количество могло бы получать среднюю зарплату исходя из тех объёмов продаж, которые сейчас существуют на рынке.

А как на самом деле распределяется этот «зарплатный фонд»?

Я точно не знаю. Но судя по всем косвенным данным (данные о тиражах топ-10 писателей, данные о доходах авторов «Ридеро»), на самом деле доходы распределяются среди писателей неравномерно.

На все деньги, которые, по моей оценке, достаются писателям, можно нанять примерно 6 000-8 000 тысяч человек на средней зарплате. Но скорее всего, писателей, которые получают хоть какой-то доход, значительно больше, а писателей, которые получают доход, эквивалентной средней зарплате и выше, значительно меньше.

Что это значит? Мы можем оценить, с какой вероятностью писатель сможет жить на доходы от своих книг?

Нет, но мы можем показать, скольким писателям это уже удалось из тех, кто как минимум попробовал сделать хоть что-то. Это позволяет создать адекватный контекст для тех, кто принимает решение идти по этому пути.

Мы не знаем, сколько в России писателей, особенно если мы считаем тех, кто работает в сетевой литературе или самиздате, но моя очень грубая оценка показывает, что их может быть около миллиона или даже больше. Сколько из них просто выкладывает тексты на «Проза.ру» и сколько круглосуточно бьются над продвижением своих книг — мы не знаем.

К сожалению, любой анализ известных кейсов будет искажен ошибками выживших, потому что большинство из них — это примеры того, что может сработать. Это не значит, что шансы высоки.

Анализируя кейсы успеха, которые известны всем или известны только мне, можно попасть в плен когнитивного искажения, которое позволяет нам сохранять надежду.

Корректно было бы взять выборку писателей, которые находятся примерно в одинаковом положении в плане количества изданных текстов, которые тратят одинаковые усилия на продвижение и поиск издателей, которые пишут примерно в одном сегменте, и проследить их карьеры. Тогда, полагая, что и тексты все эти писатели пишут одинаково хорошие, можно было бы хотя бы примерно прикинуть шансы.

И что можно сказать в заключение?

Зарабатывать писательским трудом возможно. Жить только на гонорары от писательского труда возможно. Однако из существующих писателей это удалось долям процента.

Эпилог, или некоторые дополнительные наблюдения

Я часто слышу такое предположение: в писательстве, да и вообще в любой творческой профессии, главное не сдаваться. И ваше время придёт, ваша книга, картина, мелодия вдруг «выстрелит», и всё заработает.

По моим личным наблюдениям, этот фактор действительно играет довольно большую роль, и именно он серьёзно искажает статистику.

Конечно, определённая часть авторов вообще не стремится к деньгам, славе, читателям, признанию и так далее. Их можно сразу удалить из уравнения. Но даже после этого у нас остаются две группы авторов: те, которые в какой-то момент сдаются, и те, которые не сдаются.

И тут у нас снова искажённая картина. Есть кейсы, когда человек не сдавался и достиг цели. Например, знаю писательницу, которая несколько лет хотела написать некоторый роман по своей задумке, это было очень сложно, но она не сдавалась, не останавливалась ни перед какими затратами и проблемами, и вот её роман недавно вышел.

И я знаю людей вроде себя, которые, в общем, сдались. О таких людях мы знаем меньше, мало кто любит рассказывать о том, как ничего не получилось.

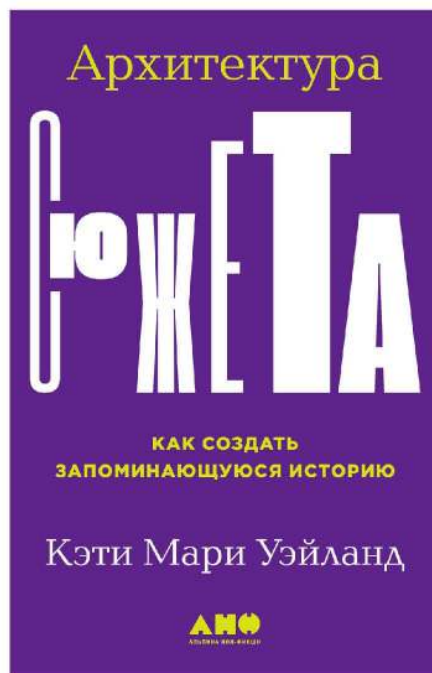
Но самое главное: мы не можем оценить, у кого из тех, кто остановился, могло бы получиться, а у кого — нет. Ведь нужно допускать, что кто-то принял правильное решение, остановившись и переключившись на какую-то другую область деятельности.

Поэтому мне кажется, что просто говорить «верьте в себя, и всё получится» не совсем правильно, поскольку у многих, кто это говорит, есть конфликт интересов. Писательским школам выгодно, чтобы как можно больше людей хотело. Большим издательствам выгодны новички, раскручивающие бесплатно вместе с собой серии книг и занимающие полки магазинов. Платформам самиздата выгодны авторы, бесплатно приводящие на платформу платящих пользователей.

Однако если вы сдадитесь, то точно ни опубликоваться, ни зарабатывать своим текстами не сможете.

Засим мы с Александром Сергеевичем откланиваемся. Он, думаю, продолжит писать книги, будет преподавать, вести курсы, редактировать и консультировать и, возможно, будет получать даже чуть больше средней зарплаты.

Кэти Мари Уэйланд «Архитектура сюжета»

Книга американской писательницы Кэти Мари Уэйланд, вышедшая в издательстве «Альпина нон-фикшн» посвящена структуре повествования — центральному понятию литературного процесса. Автор убеждена: в литературе, как и в архитектуре, умело выстроенная конструкция не подавляет творческие поиски, а облегчает работу автора.

О том, чем полезна эта книга писателям, рассказала Анастасия Кенейкина (портал Многобукв). А мы представляем фрагмент книги, рассказывающий о том, что нив коем случае нельзя делать в финале вашего текста.

«Архитектура сюжета» — книга для всех желающих разобраться в логике построения литературного произведения. Она будет особенно интересна тем, кто любит четкость, структурированность и отсутствие «воды» в учебниках по креативному письму. Как написать увлекательный текст, который сможет удержать внимание читателей, выстроить интересную сцену, создать напряжение и конфликт — об этом и многом

другом рассказывает американская писательница, автор пособий по сценарному и писательскому мастерству Кэти Мари Уэйланд.

Эта книга может стать неплохим учебником для тех, кто только начинает свой путь в писательстве и не понимает, как уместить ворох разрозненных идей в стройный, захватывающий текст. А для тех, кто уже имеет опыт в нелегком литературном труде, «Архитектура сюжета» пригодится как простой и понятный чек-лист для самопроверки: правильно ли введен «крючок», цепляющий читателя, вовремя ли заявлен конфликт, верно ли расставлены основные кульминационные точки. И хотя для многих пишущих людей подобная строгость и алгоритмичность создания текста представляется неправильной, противоестественной (подумать только: у сцены есть три основных структурных элемента и продолжение, которое, в свою очередь, делится еще на три структурных элемента, один из которых также разобран на три составные части...), все не так уж и страшно. Наверняка все эти элементы вам уже знакомы или интуитивно понятны, просто автор книги собрала их для вас, дала наименование и описала их роль в тексте. В книге множество примеров не только из

литературы, но и из мира кино — благодаря этим примерам вся теоретическая часть становится максимально ясной и доступной.

«Архитектура сюжета» содержит три основных блока, посвященных структуре целого произведения, отдельной сцены и предложения. Первая часть рассказывает о том, как зацепить читателя и удерживать его в ваших выдуманных мирах до последней страницы, как создать персонажа, который будет двигать и развивать сюжет (а вместе с тем и внутренне меняться), каким образом распределить сюжетные акты так, чтобы интерес читающего не ослабевал.

Во второй части все внимание уделено сцене: ее роли, структуре и способах создания напряжения даже в «спокойных» частях, где герой занимается обыкновенными бытовыми вопросами (нельзя же весь текст бороться, спасать мир или скрываться от погони, иногда можно и отдохнуть). Третья часть рассматривает менее объемный, но не менее важный элемент текста: предложение. Как улучшить стилистику, избежать путаницы и неясности, сделать фразу более емкой, но при этом не потерять уникальности авторского голоса. Кроме того, в каждой части немало внимания уделено разбору популярных ошибок и ответам на вопросы пишущих.

Эта книга, хотя и посвящена довольно узкой теме, затрагивает много смежных вопросов: искусство диалога, «оживление» и раскрытие персонажей, способы создания эмоционального напряжения. «Архитектура сюжета» помогает не только выстроить крепко стоящее здание, но и «заселить» его, вдохнув жизнь в голые бетонные стены.

Как во многих книгах по креативному письму, в «Архитектуре сюжета» основное внимание уделяется реакции читателя: грамотное строительство текста автор должен затевать ради того, чтобы заинтриговать потребителя, заслужить его доверие и любовь (и немного денег, конечно). Но если вам не особенно хочется разводить стройку исключительно ради хороших продаж, можно воспользоваться книгой хотя бы для того,

чтобы собрать беспорядочно витающие мысли в стройный текстовый ряд или, к примеру, продвинуть текст, который по какой-то причине «забуксовал».

Одним словом, название книги говорит само за себя: «писатели-архитекторы» точно ее оценят, но и «садовники» смогут найти что-то полезное. И даже если вы из тех, кто любит нарушать любые правила — хорошо бы знать, что именно нужно «сломать». Главное помнить, что словосочетания «это успешный роман» и «это действительно хороший роман» далеко не всегда могут оказаться по одну сторону строительных лесов.

Как не надо заканчивать историю

Ко времени завершения книги порой не остается ни сил, ни идей, от истории начинает подташнивать, и в финале вас может понести не в ту сторону. В результате обнаружится, что вы переступили черту, за которой вас поджидают следующие ловушки.

Разрушение кульминации с помощью *deus ex machina*

«*Deus ex machina*? Что за китайская грамота?» — спросите вы. Вообще-то, это латынь. В буквальном переводе это значит «бог из машины». Изначально выражение относилось к «богу», появлявшемуся в конце греческих и римских постановок, чтобы решить все проблемы смертных персонажей и устроить счастливый финал, — бога играл актер, которого опускали на сцену в «машине». В XXI веке мы переведем эту фразу как «не делайте это в своей истории».

На первый взгляд *deus ex machina* — идея уладить одним махом все сюжетные проблемы — может показаться довольно разумной. Но единственное, чего можно гарантированно

добиться с ее помощью, — это получить плохой отзыв читателей о вашей книге. Возможно, такой сюжетный ход и работал у древних греков и римлян (хотя Аристотель мог оспорить — и оспаривал — эту точку зрения), однако для современных авторов он представляет ряд трудностей:

- **Ввод нового элемента в последнюю минуту нарушает связность повествования.** Чтобы полностью реализовать потенциал истории, каждый ее элемент должен быть частью единого целого. Если в вестерне не было лошадей и всадников, то их появление в кульминации для спасения первопроходцев покажется нелогичным и непоследовательным.
- **Лишение персонажей возможности действовать самостоятельно раздражает читателей.** Читатели хотят наблюдать за тем, как герои, подвергаясь мучительным испытаниям, борются, проявляют упорство, находчивость и мужество и в итоге спасаются и побеждают. Если привязанную к рельсам девицу в последнюю минуту спасает прекрасный незнакомец, сама героиня теряет значимость.
- **Маловероятные совпадения ставят под угрозу доверие читателей.** В реальной жизни чудеса случаются, но в художественной литературе они вызывают лишь кривую усмешку. Если для того, чтобы рассчитаться за долги перед мафией, персонаж выигрывает в лотерею или его усыновляет старушка-миллионерша, это выглядит неубедительно и неправдоподобно.
- **Если не исполняются предчувствия, читатели чувствуют себя обманутыми.** Чтобы вызвать отклик в сердцах читателей, необходимо снабдить их всеми элементами пазла до того, как случится кульминация. Предчувствия, имевшие место в предыдущих испытаниях героя, подводят нас к моменту, когда он использует опыт, полученный в испытаниях, для победы в решающей схватке. Если в последний момент у него внезапно появляются магические способности, позволяющие уйти от опасности, это не понравится читателям, ведь они ожидали совсем другого.
- **Слишком быстрое избавление от опасности вызывает у читателей чувство разочарования.** Добравшись через триста страниц до кульминации, читатели *хотят* увидеть, что героям приходится несладко. Они хотят, чтобы герои, оказавшись на грани физических,

умственных и духовных возможностей, восстали из пепла и победили внутренних и внешних демонов. Если для спасения героев с небес спускается ангел мщеница, кульминации не будет. Вместо того чтобы вызвать волнение, такая концовка заставит читателя запустить книгу в стену.

«Бог из машины» может оказаться чем угодно, но, научившись его распознавать и искоренять на месте, вы и читателя избавите от желания обращаться к нелестным латинским идиомам.

Отказ от героя в кульминации

Какой бы великолепной ни была ваша книга или постановка, центральным ее элементом остается персонаж. Бурные события кульминации никогда не должны затмевать значимость личных проблем и трансформаций главного героя.

«Десять заповедей» (The Ten Commandments) режиссера Сесила Демиля — один из моих любимых фильмов на библейскую тему. Лента очень яркая и зрелищная, и, что еще важнее, в ней замечательно показано развитие персонажа. На протяжении трех четвертей истории происходит убедительная и захватывающая эволюция образа Моисея. Но, когда наступает третий акт, все портится.

Третий акт «Десяти заповедей» мне нравится меньше всего. С того момента, как Моисей видит горящий куст и возвращается в Египет, чтобы противостоять фараону и освободить израильтян, фильм теряет весь драйв. После столь чуткого отношения к герою в первых двух актах в третьем все резко меняется: его практически бросают на произвол судьбы, и все внимание нацеливается на так называемое «более важное событие» — исход евреев из Египта.

Вроде бы все правильно. Сам по себе исход — большая история, заслуживающая обстоятельного рассказа. Но фильм был бы сильнее, останься главный герой в центре внимания.

Старайтесь не увлекаться чрезмерно широкими возможностями кульминации. Убедитесь, что главный герой не остался без поддержки, тогда и все остальное встанет на свои места.

Обман читателей неожиданной концовкой

Большинству читателей нравятся хорошие неожиданные концовки. Сколько лет не оставляют людей равнодушными фильмы «Афера» (The Sting) и «Шестое чувство» (The Sixth Sense)? И кто из нас не хотел бы, чтобы его произведение вызывало у читателей такой же восторг и столь же долго оставалось в их памяти? Но у неожиданных концовок есть одна большая проблема. Если они срабатывают, то все замечательно. Если не срабатывают, читатели остаются недовольными, а авторы выглядят глупо.

Это относится не только к тем историям, в финале которых читателей ждет большой сюрприз. В какой-то мере это касается любой истории. Задумывая в концовке любую неожиданность, позаботьтесь о том, чтобы читатели не догадались о ней раньше времени. Самая очевидная причина, почему это нужно сделать, заключается в том, что догадка испортит весь сюрприз. Более того, она может навредить и книге в целом.

Может показаться, что я малость сгущаю краски, но вы все же задумайтесь. Возьмем, к примеру, детективы. В конце таких историй почти всегда есть неожиданный поворот, поскольку основная цель тут — не дать читателю вычислить преступника раньше, чем это сделает следователь. Только нынешних сообразительных любителей детективов так просто вокруг пальца не обведешь. Они видят

зацепки не хуже любого сыщика и в половине случаев раскроют секрет, еще не дочитав книгу.

Сама по себе догадка проблемы не составляет. Проблема возникает в том случае, если автор не замечает, что давно отстал от читателя. Он действует так, будто никому ничего не ясно, и изо всех сил продолжает нагнетать напряжение и подогревать интригу. Читателя, который уже давно во всем разобрался, это только раздражает.

В своем приключенческом романе «Неразделимые» Кристен Хейцманн подбрасывает нам некоторые идеи, как пустить читателя по ложному пути. (Если вы еще не знакомы с этой книгой, предупреждаю: сейчас будут спойлеры!) Сюжет строится вокруг внезапного открытия, что сестра-близнец главной героини, от лица которой ведется повествование, умерла много лет назад и существует лишь в воображении рассказчицы, хотя та ее считала живой.

Хейцманн со знанием дела подводит нас к этому открытию. Она не добавляет детали, чтобы заставить читателя поверить в то, что нужно ей, а по сути даже *умалчивает* о них. Она не обманывает читателей и явным образом не искажает правду. Скорее она делает так, чтобы рассказ пребывающей в заблуждении героини создавал впечатление, что ее сестра жива, и не предпринимает ничего, что могло бы разрушить это впечатление. Когда в финале ловушка захлопывается, читатели видят, как все элементы пазла становятся по местам, и у них не остается ощущения, что Хейцманн манипулировала ими или лгала.

Размышляя над тем, подходит ли неожиданный сюжетный поворот для вашей истории, держите в уме два предупреждения:

- **Поголовно всех обмануть невозможно.** Какой бы изысканный сюжетный ход вы ни придумали, кое-кто из читателей все равно его *разгадает* и, возможно, будет раздражен тем, что главную интригу он разгадал слишком рано.
- **Ухищрения отталкивают читателей.** Сюжетные повороты, которые недостаточно продуманы или используются в качестве дешевых трюков, не вызовут расположения читателей. Сюжетный поворот должен естественным образом вписываться в историю, но не должен составлять ее *суть*. Убедитесь, что ваш рассказ имеет собственную непреходящую ценность.

Уход от развязки: незакрытый финал

Писателям все время твердят, что сцены, главы и даже книги (если они являются частью цикла) следует заканчивать на самом интересном месте, чтобы поставить читателей перед выбором: продолжить чтение и узнать, что будет дальше, или медленно и мучительно умирать от любопытства. Но разве в этом заключается секрет хорошего рассказчика?

Когда дело касается сцен и глав, остановиться на самом интересном месте — хорошая идея. Это заставляет людей перелистывать страницу за страницей. (Единственная проблема: делать это нужно так, чтобы читатели не уставали от напряжения.)

Однако незавершенный сюжетный поворот в конце книги — совсем другое дело. По правде говоря, большинство читателей не любит книги с таким финалом. Убив массу времени на то, чтобы выяснить, удастся ли героине выжить в страшном плену, и обнаружив, что для этого придется подождать еще год, пока выйдет следующая книга, читатели по вполне понятным причинам будут сильно разочарованы.

И все же авторы продолжают «лепить» такие концовки в циклах книг. Что заставляет их это делать?

Ответ очевиден. Мы хотим (нет, мы отчаянно *нуждаемся* в том), чтобы читатели купили следующую книгу серии. Но парадокс заключается в том, что трепать людям нервы незавершенным финалом, оставляющим без ответа поставленные в истории вопросы, не самый лучший способ вызвать расположение к себе и к своим историям.

Существуют гораздо более эффективные приемы, чтобы заставить читателя взяться за следующую книгу, и не последний из них — хорошо проработать сюжет, идею, персонажей и тему. Если читателям нравится то, что вы делаете, они продолжат читать, чтобы провести больше времени в придуманном вами мире. Работая над циклом, вы, конечно, будете оставлять открытые сюжетные линии, переходящие из одной книги в другую. Как уже говорилось выше, необходимо создать ощущение, что история продолжается (даже во внецикловом произведении). Но незакрытый финал не самый лучший способ этого добиться. Нет никаких причин лишать каждую книгу в серии собственного начала, середины и конца.

Размывание финала послесловием

Как и предисловие, послесловие по определению представляет собой инородный, а потому зачастую излишний элемент. Очень часто послесловия пишут авторы, желающие напоследок потешить свое самолюбие и разжевать читателям все, что произойдет с персонажами по завершении истории. Но зачем читателям знать об этом? Если же им это нужно, то история завершилась слишком рано.

Большинство произведений создаются не для того, чтобы во всех подробностях рассказывать о жизни героя. История — всего лишь обобщенная картина, отдельно взятый период жизни персонажа, выбранный по той причине, что в нем достаточно ярко проявляется эволюция персонажа. Добавление элемента, который по своей сути является примечанием и рассказывает, что стало с персонажами, зачастую отвлекает внимание от главного в истории или ослабляет эффект концовки.

Разумеется, бывают и исключения. Например, в своей книге «Как купить любовь к чтению» (How to Buy a Love of Reading) Тэя Эган Гибсон использует послесловие, чтобы закрыть историю как для читателей, так и для персонажей. Ее послесловие работает по нескольким причинам, и в первую очередь потому, что оно необходимо. Поскольку сама книга заканчивается на трагической ноте, читателям нужно на мгновение заглянуть в будущее и убедиться, что у героев все сложится, что они оправятся после несчастья, станут жить дальше, а случившееся изменит их к лучшему.

В послесловии Гибсон отказывается от краткого изложения событий, произошедших после и не относящихся к истории, и представляет одну эффектную сцену. Автор мастерски уходит от педантичной привязки послесловия к истории, вместо этого она находит возможность ответить на волнующие читателей вопросы, причем у них все равно остается ощущение, что жизнь героев продолжится и после того, как книга будет закрыта. Если наша цель — создать произведение, которое будет *жить*, то, размышляя над тем, необходимо ли послесловие, в первую очередь следует подумать о том, поможет ли оно ощутить, что жизнь продолжается.

Сборник Анны Лужбиной «Юркие люди»

Сборник рассказов «Юркие люди» выпускницы Creative Writing School Анны Лужбиной вошел в финал премии для молодых литераторов «Лицей», а оттуда попал напрямую в издательство «Редакция Елены Шубиной». Мы поговорили с автором о героях историй, вошедших в дебютную книгу, а также предлагаем прочитать один из рассказов сборника.

Ваша книга «Юркие люди» — сборник рассказов о маленьких людях и их неприметных жизнях. Кажется, что это тема из классической литературы. Почему вы решили написать о них?

— Идеи писать о больших людях у меня почему-то и не было. Я и сама скорее маленькая, поэтому могу всмотреться внимательно, подойти ближе к тем, кто со мной одного размера. А вообще маленькие люди дарят разнообразие: бесконечное количество идей, образов, смыслов, и главное — возможность поиска неожиданного ракурса для привычного. Тогда их история перестает быть неприметной.

Также мне хотелось показать, что чувствовать себя гармонично можно в своей простой жизни: иногда странной, иногда нелепой, иногда кривой. Возможно, это и реакция на события последнего времени, когда так много стали говорить о том, как правильно думать и чувствовать.

Но и как психолог я понимаю: современного человека окружает нарциссизм. Все стараются спрятать свою хрупкую, слабую часть и надеть чужую, но привлекательную маску. А слабость важно признать, иначе человек не будет целостным, а нецелостным больно жить. Мне очень близка эта мысль.

Героями современной литературы реализма все чаще становятся обычные люди. Чем, на ваш взгляд, читателя привлекают такие истории?

— Ответ может быть и куда сложнее, но мне кажется, что искренностью. О героях мы создаем миф, в простом человеке видим свое отражение.

В персонажах вашей книги читателю легко узнать себя, свою бабушку, друга, соседа. Как вы решали задачу сделать на первый взгляд заурядных героев запоминающимися?

— Я работаю с самыми разными людьми и никогда не устану любоваться ими, а еще удивляться красоте их внутреннего мира. Чтобы увидеть волшебную тайну заурядного, нужно просто посмотреть незаурядно, сменить оптику.

Сегодня сильно вырос читательский запрос на разного рода фантастику. Героям таких историй позволено больше, чем героям реалистичных текстов, — они смелее, импульсивнее, ярче. Не было ли страха, что рассказы о будничной жизни будут неинтересны читателю?

— Очень хочется, чтобы книги были разными. Я исследую то, что интересно конкретно мне, иначе я не смогу написать ни строчки. Я даже с заданиями плохо справляюсь, если мне дают конкретную тему, обязательно выверну ее наизнанку, под себя. Пускай кто-то пишет о бабушках, а кто-то — о волшебных драконах.

Как появилось название? Какие они, юркие люди?

— Юркие люди увертливы. Они прячутся от чужих глаз и сливаются с окружающим миром. Недавно я вспоминала, как ребенком ловила в деревне ящериц на бревенчатом мостике через ручей. При этом важно было поймать так, чтобы рассмотреть ящерицу, сохранить ей хвост, а после — отпустить.

Получается, я не так уж далеко ушла за последние 25 лет от этого мостика.

В ваших текстах реальность близко граничит со сказкой, магией. Для чего вы использовали этот прием? Как он помог вам и вашему тексту?

— Это получается неосознанно, но для меня текст работает в том случае, если он открывает какое-то дополнительное измерение, дает возможность поставить лесенку к высокому забору и осторожно выглянуть за него.

На мой вкус, в словах должно быть что-то, что словами описать невозможно. Если все в лоб — мне становится скучно. Мой сборник назвали сказками без волшебства — это очень правильное определение того, как я чувствую и что ценю в любых видах творчества.

Ваша дебютная книга — сборник рассказов. Вы сами читаете рассказы?

— Да, я очень люблю рассказы, потому что они дают читателю разнообразие ощущений, а еще читательское удовлетворение. Романы часто не дочитывают, но можно читать по небольшому рассказу время от времени и чувствовать себя молодцом.

Кто из писателей вас вдохновляет?

— Я часто выбираю книги интуитивно, под настроение. Но если говорить конкретно о вдохновении, то это Андрей Платонов и Владимир Набоков из классиков — и очень много моих современников, как переводных (Ольга Токарчук, Герта Мюллер), так и русскоязычных (Денис Осокин, Дмитрий Данилов, Женя Некрасова, Алла Горбунова и многие, многие другие).

Что ощущает автор, когда его дебютная рукопись попадает в финал самой важной премии для молодых прозаиков — Лицей-2023, а затем выходит в самой авторитетной редакции «РЕШ»?

— Смесь ужаса, азарта и любви к тому, что я делаю, преследует меня с первого опубликованного рассказа. В литературном для меня очень много энергии. Конечно, очень страшно, тем более я привыкла ютиться в своей раковине. Но страх часто граничит с желанием, как мне кажется, и в этом, конечно, свой кайф.

Традиционный вопрос — ваш совет начинающим авторам.

— Смотреть сначала на себя, а уже потом — на других.

Юркие люги. Фрагмент

Зимовка

На теплотрассе у парка Кусково скоро зацветут одуванчики. Весна сюда приходит

рано: земля нагретая, голая. Открытые канализационные люки похожи на барсучьи норы. Из одного люка торчит голова Левы, он по привычке засовывает отросшие усы за уши.

Вокруг люков зелено, прошлогодняя и новая трава вперемешку. Бегают мыши-полевки, выползают из-под камней жуки и дождевые черви. На березе рядом — птичьи кормушки из молочных пакетов. Это Егорыч пил молоко, а потом вырезал птичьи кормушки.

— Зима под землей длится дольше, — объясняет Егорыч. — Вот я и резал.

— Фьюить.

В начале зимы Егорыч не смог перевернуться на бок. Он нащупал в темноте свое тело, но оно потеряло чувствительность. Кожа напоминала старый сапог. В полусне почему-то казалось, что в животе поселились мыши.

Под закрытой крышкой люка всегда как с зажмуренными глазами. Кружатся черно-красные точки, мерещится темный тоннель. Где-то в щелке кирпичной стены спрятаны спички. Егорыч повернул голову и позвал спящего в другом углу Леву. Тот чиркнул спичкой, подсветил Егорычу ноги, живот, лицо.

Мышей не было, только привычное тело. Егорыч смотрел на подсвеченную снизу бороду Левы и думал почему-то об ангелах. Лева сказал: у тебя аллергия на что-нибудь, например на орехи. Егорыч не смог вспомнить, ел ли орехи когда-нибудь. Спичка погасла, Лева выдохнул, снова стало темно и тихо. Егорыч стукнул кулаком в стену, но никто ничего не услышал, не заметил, а он — почти не почувствовал.

Наутро все было как раньше, кроме левой ноги. Неделю Егорыч расхаживал ногу и закалялся снегом. На тихих берегах сидели

серые безымянные птицы. Водка не лезла в рот, от нее закрывалось горло. Егорыч закопал водку, перешел на молоко и творог. Ему еще в детстве рассказывали, что там витамины (кальций). Егорыч тогда не слушался, он никого и никогда не слушался, но запоминал каждое слово.

К Новому году отнялась рука, стало тянуть в боку. Поясницу утром резало так, будто в нее кто-то вцепился зубами. Хотели вызвать врача, но Егорыч все равно убежал бы. Он всегда убежал, если кто-то решил ему сделать доброе.

— Цыц, — сказал Егорыч.

— Фьюить, фьюить.

Егорыч выглянул в щелочку между землей и люком, но ничего не увидел, кроме кусочка снега, ледяной травинки, крыла голубя или, может быть, утки.

Лева бросил водку от любви, так как дал обещание Марии. В начале зимы он гулял по теплотрассе и нашел несвежую газету. Лева сел на землю, раскинул ноги, начал читать. Часть газеты была испачкана, часть — покусана: видимо, птицы уже растаскали по своим. Лева поднял газету повыше, к солнцу, рассмотрел портрет красивой женщины, а еще — ее слова в ажурной рамочке.

«Мария, Тверь. Ищу порядочного мужчину для создания семьи. О себе: среднего возраста, среднего роста, средней полноты, высокого интеллекта...»

Больше всего Лева понравилась строчка про интеллект, а еще изящные руки Марии. Он не видел в жизни ни одной картины, но такие же пальцы рисуют художники, так подумал Лева. Он дал почитать газету Егорычу, и тот одобрил Марию. Но больше Егорыч заинтересовался статьей о бёрдвотчинге и советами знахарей.

— Из хорошей газеты каждый берет свое: и люди, и мыши, и птицы, — объяснил Лева.

Он отправил письмо с открыткой внутри и с пометкой: ответ не на дом, на ближайшую почту, до востребования. Через две недели пришел конверт, и в нем было не только письмо. Еще светлый, случайный волос, особенный запах и кое-что такое, что Лева не смог описать.

Егорыч увлекся бёрдвотчингом, особенно ему нравились снегири и дубоносы. В газете было написано: bird — птица, watch — смотреть.

— По-русски — птичничество, — додумал Егорыч. — Наблюдать за птицами, то есть птичничать.

— Фьюить.

— Кто здесь?

В черных ветках, белом снегу снегири — как зрелые яблоки, а у дубоносов смешные клювы.

У Егорыча внутри что-то успокоилось, ноги начали слушаться. Хотя один раз Егорыч птичничал и поймал себя на том, что не дышит. Когда-то он дышал просто так, а теперь нужно было думать. Казалось, если не стараться, то ничего не получится.

Егорыч лечился солнцем, снегом, землей, корой, березовым грибом. В птицах его удивляло, что они каждую весну начинают заново. Он ходил по лесу с растрепанной бородой, бледным лицом, опершись о палку. Находил потерянные перчатки, шапки, игрушки, украшал ими голые ветки.

Иногда останавливался у дерева и от усталости слегка дремал, свесив голову. Один раз его увидели дети и закричали, что Егорыч

— леший. Егорычу это понравилось, он взял нож и начал делать из бревнышек фигурки каких-то неизвестных божков с клювами. У некоторых из этих божков в животах сидели божки поменьше. Егорыч хотел потом купить краски и раскрасить их клювы в красный, глаза — в зеленый.

Лева предложил Егорычу украсить божками шахту. Он вообще стал ухаживать за их местом, а еще ухаживать за собой. Шахту он называл спальней, вынес из нее три мешка мусора. Укоротил усы, помылся в сугробе, пожаловался на глупую татуировку. Подземным сверчкам дал кошачьи имена, а Егорыча именовал сожителем.

Лева ходил на почту, а Егорыч ходил за молочкой. Один раз у магазина к Егорычу подошла девочка в розовом комбинезоне. Она держала в руках палку, на которую был нанизан снежок. Указав на Егорыча палкой, она попросила показать ежей. Кто-то ей сказал, что они у Егорыча в карманах зимуют.

— Зимующих тревожить нельзя, — пошутил Егорыч. — Поэтому до первого одуванчика я не моюсь.

— Значит, ты точно леший. Потерянные варежки на ветки тоже вешаешь ты.

Егорыч влажно и громко закашлялся, чтобы девочка отошла подальше. Он и правда иногда чувствовал, что в куртке кто-то шевелится. Егорыч засунул руку в карман, потом резко испуганно вытащил.

Мария и Лева договорились встретиться в марте, где-то в Твери, в тихом дворике. Лева начал писать стихи, но очень плохие. Егорыч попросил не читать стихи вслух, затыкал уши, говорил «ля-ля-ля». Но Марии нравилось, ей никогда не писали стихов.

В марте Егорыч птичничал, вернулся и не увидел Лева. Стоял какое-то время и смотрел на бутон одуванчика. Почему-то ему

показалось, что Лева без предупреждения уехал в Тверь. Но Лева выглянул из-за дерева бритым, в какой-то другой, непривычной одежде. Провел пальцами по пустым щекам и улыбнулся так, что стало видно зубы и удивительные ямочки на щеках.

— Да сколько же тебе лет?! — Егорыч схватился за уши. — Я думал, тебе как мне!

— Двадцать пять, — улыбнулся Лева. — Курлы.

— Да кто это?

— Что?

— Что?

Вся теплотрасса у парка Кусково покрыта цветами. Просыпаются прошлогодние мухи, летают лениво и медленно. Лева собирает сумку с вещами и рассматривает себя в осколок зеркала. Сумку он постоянно проверяет, ведь вокруг много маленьких животных. Марии он везет печенье «Мария», так как уже знает, что ее это рассмешит.

— Хорошая вышла зимовка, — тихо говорит Лева. — Даже жаль уходить.

Егорыч идет за Левой до конца теплотрассы, потом останавливается. По главной аллее парка Лева идет один. Здесь дорога еще зимняя, снег чавкает под ногами. Когда Лева становится маленьким, Егорыч возвращается домой.

Канализационный люк Егорыч не задвигает — боится, что не сможет открыть. Куртка становится легче, Егорыч оставляет ее наверху. Куртка шевелится, как будто и правда живая. Егорыч лежит какое-то время в спальне, смотрит в голубой круг. Думает, что, если подняться в космос, Земля будет выглядеть так же. Кирпичные стены спальни

пахнут как кожаная сумка. Егорыч утыкается в стену носом и видит приятные сны.

Через две недели на почту поступит письмо от Левы. Он напишет Егорычу, что начал семейную жизнь. Никто не знает наверняка, но, кажется, письмо вернется.

Солнце садится красно, закат как живот снегиря. Егорыч вылезает наверх, улыбается и ложится на землю. Сверху слышны тяжелые крылья, снизу шебуршится земля.

— Так вот ты какой! — удивляется Егорыч.
— Показался мне, значит.

— Фьюить.

Божки покрасили в красный цвет клювы и разбрелись по лесу, создали семьи. Потерянные перчатки растворились в потемневших весенних сугробах. Подземные сверчки забыли, как именно их зовут. Птицы расстроились, что люди птичничают теперь так мало. На теплотрассе появилось место, где круглый год цветут одуванчики. Замерзшего ежа нашла у помойки девочка в розовом комбинезоне. Она спрятала ежа в карман, тот отогрелся и ожил.

Йосс. Красный мост. Перевог

Перевог Полины Елусеевой

Посвящается Хорхе, который знаком с красным мостом и его двумя берегами и знает, какие ощущения там возникают.

Посвящается Анхелито за «Ла Пуэрку».

В тот момент, когда Умбертико по кличке Пиранья, спотыкаясь, появился во дворике, Яко понял, что это за ним, из-за Петры, и ему придется наконец решить, переходить через красный мост или нет. Он покосился на меня, будто искал поддержки, улыбки, кивка, шутки, простого «я ж говорил, за шашни», не знаю. Но я промолчал, что было еще хуже. Будто сказать «пофиг, не мое дело». Будто напомнить, что нельзя дать заднюю у меня на глазах.

Умбертико — худощавый жилистый мулат со щербатой улыбкой хищной рыбы и татуировкой на плече «А я его убил» поверх шрама от удара коротким мачете. Недавно вышел после шестилетней отсидки. Еще не избавился от настроженного взгляда зека, который всегда инстинктивно ищет стену. Чтобы ни к кому не повернуться спиной, чтоб не подставить задницу. В правой руке бутылка, а во рту запуталась пара ласковых, и пришел он за «этим здаовым белым укиным сыном, которому он сча яйца нахер аарвет за то, что трахает, кого не надо». Стоило ему появиться, как весь Двор (который в курсе насчет Яко и Петры, сестры Умбертико, потому что на Кубе все всё знают, а Двор — в первую очередь) остолбеневаает в мертвой тишине: умолкают фишки домино и застревают в горле шутки по поводу рогов, которые жена Дагоберто,

Толстозадая Берта, наставляет ему с Манолито по кличке Тренога, сыном Йепо.

Неизвестно, как Умбертико прознал про это, стукнул кто или нет. Об этом задумаются потом... если вообще задумаются. Главное, что он знает и собирается свести счеты. Отмыть кровью честь мулата-сидельца, заляпанную девственной кровью несовершеннолетней шлюшки-сестры. Око за око, кровь за кровь...

Когда кого-то собираются заставить перейти через красный мост или нырнуть в дерьмо, в воздухе чувствуется запах. Холодный и соленый, как запах сухого пота и застарелой мочи, пропитавшей грязное тряпье. Запах, который предвещает кровь, хотя собственно кровью еще не пахнет.

Мы с Яко были не такими уж и друзьями. На некоторые вещи мы смотрели совсем по-разному. В лучшем случае приятелями. При этом мы вместе выросли и были как Дон Кихот с Санчо Пансой и Бэтмен с Робинотом, но без голубизны, — просто приглядывали друг за другом, как и положено белым, которые хотят выжить в квартале вроде Двора. Особенно если один из них худосочный малец, а не здоровяк, каким всегда был Яко. Яко, которого мать окрестила Якобо — именем, которое он всегда ненавидел и считал идиотским и тупым: «Звучит, как дерьмо на палочке», — говорил он. Мы вместе выросли и постепенно научились быть мужиками и драться, не боясь, даже с такими громилами, при виде которых не знаешь, что лучше: напасть или драпануть, — в любом случае загоняешь страх куда

подальше и даешь оплеуху, даже если тебя потом убьют, потому что нужно быть мужиком, а мужики не дрейфят. По крайней мере, не во Дворе, а то прослывешь мудаком, последней шлюхой, козлом отпущения и терпилой. От страха перед страхом мы с ним стали мужиками, а это, даже если кто-то и против, имеет значение.

Яко всегда был на шаг впереди меня, с самого детства. Он лучше играл в бейсбол, ему больше везло с девушками, даже когда играли в парчис, ему кости улыбались, а мне лишь показывали язык. Везучий, зараза. Казалось, ему суждено стать как минимум каким-нибудь начальником, настолько легко ему все давалось, безо всяких усилий... А я вечно второй. Потом я поступил в университет, отслужив год срочником, а он отправился в самую настоящую армию, и каждый из нас пошел своей дорогой, мы стали взрослеть и набираться опыта. А может, стареть и дряхлеть, кто знает. И все пошло по-другому. Его звезда закатилась, и он остался во Дворе. Удача тоже порой перестает улыбаться, если ей не отвечают взаимностью, как говорят старики.

Яко с самого начала знал, что на этот раз дела не решить одними понтами и размахиванием рук в стиле «держите-меня-семеро», обычном для Двора, когда каждый выпендривается ради спасения престижа, — не тот случай. Вопрос стоял: да или нет, пустить кровь или кишка тонка. Конечно он помнил, как мы говорили три дня назад, что без страха дерутся только дураки, потому что умные знают, как много теряешь со смертью и как мучительна боль, знают, что именно это важно, и берегут себя. Но если беречься слишком сильно, то, каким бы умным ты ни был, окажешься трусом, а хуже этого во Дворе ничего быть не может. Похоже, он даже задался вопросом, а нет ли часом у Умбертико по кличке Пиранья пушки, потому что полез рукой в задний карман, где обычно носят платок, бумажник и расческу, а у нас во Дворе — лезвие и дурные намерения.

Он сделал это из чистого козлячества, чтобы отвлечь Пиранью и произвести на него впечатление. Потому что, ясное дело, ножа у

него не было. Он никогда не носил оружия. Здоровяк, который таскает с собой перо, всегда рискует, что его подкараулят и рубанут мачете, чтобы выставить самым что ни на есть распоследним придурком. Это нечестная игра; нужно рисковать, идти с голыми руками, дать сопернику преимущество в оружии, ведь за тобой в любом случае всегда фора в габаритах. Понятия Двора.

Мой товарищ Яко, баскетболист ростом метр девяносто, сплошные мышцы под молочной кожей, веснушчатый, со светлыми кучерявыми волосами и вызывающими голубыми глазами. Я ему всегда повторяю, чтобы он всерьез задумался о культуризме, пил меньше пива и самогона и качал мускулы тела, выпавшего ему в генетической лотерее, и тогда при небольших усилиях он сможет стать даже Мистером Олимпия, как Арнольд в свои лучшие годы. Но он предпочитает играть в баскетбол, сидеть на тротуаре, сосать сивушный ром и путаться с каждой вешалкой в юбке, проходящей через Двор. Жизнь на улице, полное погружение. Он смеется и говорит, что это не для него: ни бред про позы, демонстрирующие рельефность мышц, ни тягание железа, ни перспектива покрыться синяками, осваивая карате, да и не нужно ему все это: со здоровяками никто не связывается, и он показывает мне руки, каждая размером с обе мои вместе взятые.

Эти самые руки, которые сейчас нервно сцеплены за спиной, в то время как толпа во Дворе смотрит на него и все понимают, что он должен что-то сделать, начать драку, и лучше прежде, чем Умбертико встретится с ним взглядом и уже не будет другого пути. Чтобы выглядело, будто он сам вышел, а не его загнали в угол, как косатка кита в недавнем фильме: маленькая рыбина, надругавшаяся над большой. Да-да, и косатка, и кит — оба млекопитающие, но вся суть именно в этом: рыбина с более крутыми яйцами пожирает более трусливую, независимо от размера. Чтобы потом не говорили «он струсил» или «невероятно, кто бы мог подумать, что сын Качиты¹, на вид такой смелый, оказался таким слабаком...»

Через красный мост переходят или не переходят, но никто не делает этого по собственному желанию. Никто сильно не задумывается, просто вступает на него, делает шаг, чтобы не упасть, — и всё. Потому что каким бы придурком ты ни был, когда думаешь убить кого-то, приходится думать и о том, что тебя тоже могут убить. Но все делают вид, что это их решение, и никто не может отказать им в этом маленьком притворстве. Яко нравится такое определение свободы воли. Притворяться, будто делаешь выбор, когда знаешь, что не можешь чего-то избежать. Будто думаешь, размышляешь, хотя на самом деле тебя принуждают инстинкты и ситуация.

Яко крупно подфартило с армией: он не попал ни в Анголу, ни в отряды специального назначения. К тому же мы везучее поколение, если не считать «особого периода»². Ему, удачливому сыну Каридад, благодаря высокому росту и представительному виду с небес свалилось счастье служить в Церемониальном взводе. Полная лафа, увольнительные каждый вечер, сплошной кайф, иногда в форме оловянного солдата на церемонии пушечного выстрела³ с главным историком Гаваны Эусебио Леалем, и фотографирующиеся с ним иностранки в шортах, — вот она, жизнь. Там, в Ла-Кабанье, он и познакомился с Сильвией, когда она цепляла каких-то итальянцев. Мне же, прежде чем поступить в Технологический университет, пришлось потратить целый год на срочную службу с предварительной подготовкой, недоеданием, марш-бросками и дежурствами даже по праздникам. С единственной подружкой — мамитой Кулакитой и ее пятью детками, защищать свою задницу, как боевой петух. Потому что иногда военные — что заключенные, только с другими сроками.

Умбертико по кличке Пиранья наконец обнаруживает Яко в толпе и, взяв бутылку за горлышко, разбивает ее о стену. Потом направляется вперед, размахивая «розочкой», будто смертной дланью. Но Яко и весь Двор знают, что опасность не в ней, а в другой руке, которая свисает почти до колена и вроде как не при делах. Умбертико левша и, как бы пьян он ни был, понимает, что всем это известно, и поэтому пытается отвести людям глаза, но

сознает, конечно: ничего тут не скроешь, и в конце концов придется именно левой врезать белому мерзавцу, который влез на его четырнадцатилетнюю сестру, хотя он и стерег ее, как пес косточку.

Женщины в семье — это обуза для обитателей Двора, где ни один мужик не откажется от девахи, что сама идет к нему в руки: растишь их и живешь ради того, чтобы беречь их для других, и большим позором будет, если не уследишь... а хуже всего, что всегда именно так и происходит, и приходится бить во все колокола, извергать проклятия и, если до этого дойдет, пускать в ход оружие. Потому что мужик не может позволить, чтобы на его слова наплевали, особенно если он только что из тюрьмы, где стоит раз уступить и раздвинуть ноги — таким навсегда и останешься.

Им оказался Яко, хотя мог быть любой другой. Потому что с Петрой это должно было случиться, причем скорее раньше, чем позже. Ведь козу всегда тянет в огород, а у этой девки распутство в крови и шило в попе, да еще и тело подходящее, и из всего этого ее мать Томаса собиралась извлечь выгоду, прежде чем скопытилась от «чиспы-де-трен»⁴. Возможно, вырвись она из Двора, то стала бы моделью или танцовщицей в «Тропикане», кто знает. Но Двор — это трясина, и кто там остается, проматывает свое будущее, топит в литрах алкоголя, превращает в одно долгое настоящее в ожидании всего, или ничего, или Страшного суда, — никто не знает и никого это не интересует.

Петре, оставшейся без матери, всегда нравилось залезать на плечи брату, когда тот играл в домино, еще с тех пор, что она под стол пешком ходила, и к тому моменту, как задница ее стала выпирать из шорт, а футболка — топорщиться на налившейся груди, она уже была на «ты» со всеми бездельниками. Поэтому все зуб давали, что закончится всё ночью перед отелем «Коиба»... это был лишь вопрос времени и удобного случая: вырваться из-под бдительного ока старшего брата с его назидательным рукоприкладством и «если увижу, что лезешь, куда не надо, надеру задницу досиня и порешу

ублюдка, который тебя бросит». С кем-то у нее должно было быть в первый раз, и логично, что им оказался Яко, аппетитный белый красавчик, вдобавок ко всему любовник такой суперсексуальной и мегапривлекательной девахи, как Сильвия. Потому что женщины тоже одержимы этой манией: чем встречаться с мужчиной, который хорош в постели, они предпочтут мужчину, который был с женщиной, которая хороша в постели. И чтобы все об этом знали — так еще лучше. А здесь, во Дворе, особенно: если жена не следит строго за мужем, то только потому, что занята чужим.

Яко вернулся из армии с ощущением вселенской лени, с нежеланием что-либо делать: ни продолжать учебу, ни работать, ни даже стать на сторону зла и взяться за что-нибудь крупное типа грабить банки, давать займы американские доллары под 20 процентов, заниматься трафиком марихуаны, как мы иногда мечтали в детстве, улегшись на большую ветку мамонсилы в саду Йепо и покуривая свои первые сигареты «Populares», а потом были первые деньги, которыми больше всего в жизни наслаждаешься. Он вернулся унылым философом, наш малыш: хотел только часами играть в баскетбол, трахаться с Сильвией и каждой проходящей мимо него юбкой и говорить о трех вещах: о красном мосте, о Сальери и о теории дерьма. О работе не могло быть и речи, даже в шутку. Представить себя на стройке или охотником на крокодилов? Ни в жисть. Ему и незачем было искать что-то еще. Яко, доморощенный философ, пускающийся в пьяные рассуждения за бутылкой бухла перед любым, кто готов его слушать, дни которого сводятся к мячам с нарисованным ручкой логотипом NBA, спортплощадке за углом, на которой цемент потрескался от корней калофиллума, порнофильмам у Альфредо, бывшего моряка на торговом судне и последнего хахаля старой Томасы, и к Сильвии, которая бог знает почему все еще не вышвырнула его, хотя знает все его шашни наизусть.

Умбертико по кличке Пиранья выпаливает, что класть он хотел на чертову повитуху, мывшую задницу у поганой матери этого ублюдка Яко в день ее рождения, а поскольку он прекрасно знает, что та уже умерла, то уверен, что петушок не может не

защитить ее память. Алкогольный смрад подкрепляет его слова. Выйди, мол, если мужик, посмотрим, есть ли у тебя яйца, чтобы драться, как мужик, как они были у тебя, когда ты воспользовался невинной девочкой. Его сестренка такая же невинная, как Двор — престижный жилой комплекс, но сейчас с его подачи то, что утворил Яко, звучит как правда, как надругательство и унижение. Четырнадцать лет — это четырнадцать лет, пусть даже у нее грудь пятого размера. Итак, посмотрим, что он за говнюк: пусть начнет, пусть ударит, если пупок не развяжется, а то я его разделаю, как бог черепахи, чтобы впредь не путался под ногами у мужиков. Яко опять делает вид, что проверяет карманы, но Пиранья только что из тюрьмы и знает все трюки и не ведется на блеф, ему известно, что здоровяки ходят без оружия, с голыми руками. Он сплевывает густой, как страх и стыд, слюной Яко прямо на новенькие Nike, последний подарок Сильвии. И ждет. Стоит такая тишина, что постоянное бормотание Слюнявого звучит громко, как рычание тигра.

Все расступаются, освобождая место для чего бы то ни было, потому что все знают, что когда жребий брошен, и не тобой, нужно наблюдать. Яко-Цезарь, совершенно не желая переходить Рубикон, наклоняется и счищает зеленоватый плевок с носка кроссовки, — и вот он уже на краю красного моста и сам это знает, и я это знаю, но никто из нас не знает, на какой стороне он окажется, перейдет или отступит.

Теория дерьма у Яко очень проста: если мы вышли из дерьма, то мы дерьмо и в дерьмо вернемся, и дерьма выеденного не стоить шевелить дерьмовым пальцем, чтобы выбраться из дерьма, потому что всё — одно большое вселенское дерьмо. И пусть к дерьму собачьему катятся Эйнштейн и Ньютон, и дерьмовое мать твою за ногу, и все лучшее в человеке и стремление к цели и все это дерьмо. Наверное, звучит глупо, но вздрогнув после третьего глотка «уэсо-де-тигре»⁵, который продирает горло, как удар хлыстом изнутри, весь Двор уже перестает считать это банальным — какое там! — и становится просто очевидным, что Яко прав, и даже такой болван, как Слюнявый, вдруг обнаруживает, что он о чем-то подобном когда-то думал.

Поэтому после «мать твою, чувак, да ты реально профессор» все переходят к четвертому глотку. Короче, даже алкоголь и Двор, и летняя жара, и эта страна, и вся дерьмовая вселенная — все дерьмо. Раньше, пока мы не были знакомы, мы... пили. Теперь, когда мы уже знакомы, мы пьем. Так давайте же, дерьмо такое, пить, пока мы не перестанем узнавать друг друга.

Умбертико по кличке Пиранья, карманник с молодых ногтей, старый лис, зек со стажем и шестерка у каждого черного смотрящего в Ла-Кабанье, каких поискать, знает, что у него появится шанс, когда Яко наклонится счистить плевок, но боится рук баскетболиста и не решается. Он хоть и не особо умный и терять ему после отсидки нечего, колеблется, наверняка чувствуя страх и неуверенность. Потому что со смертью шутки плохи, и после всего того, что он сказал Яко, остается только одно из двух: если не он, то его, шутки в сторону, ничего похожего на «до первой крови, и нас разнимут», потому что во Дворе чувствуется, когда драка ДОЛЖНА дойти до самого конца, и тогда даже Божье Провидение не в силах прекратить ее. Когда несовершеннолетнюю сестру лишают невинности, поруганная честь требует смерти, а не просто крови. И только сейчас Умбертико по кличке Пиранья, под парами, понимает, что нет пути назад и, наверное, проклиная тот миг, когда ему пришло в голову сообщить об этом... потому что на кону чертова жизнь, причем его собственная, единственная, которая есть у него.

Яко иногда говорит «мое второе имя — Сальери» и в этот момент принимает утонченную философскую позу — залюбуешься. Потому что величайшая в мире лажа и проклятие — не в том, чтобы быть гением, и не в том, чтобы родиться ничтожеством и знать или не знать об этом и спокойно жить, как, например, придурочный Слюнявый, блаженно толкая свою тележку по Двору целый божий день, сколько бы над ним ни смеялись. Хаос, конец света, трагедия — оказаться середнячком: желать величия, осознавать, в чем оно, но не иметь возможности достичь его. Сальери. Быть не худшим, а всего лишь одним из хороших. Но никак не из лучших. Быть не бомбой, первым

номером, топом, офигенным, а лишь тем, кто этому топу носит чемоданы. И это то же самое, что не выслужиться до офицера взвода почетного караула, или не получить образования, или не сыграть в NBA с Майклом Джорданом или хотя бы в сборной Кубы. Или родиться во Дворе, в диком Сентро Гавана — наполовину тупике, наполовину жилом доме, наполовину переулке, а не на Гаити или в Швейцарии. Быть всегда на полпути, еще одной галочкой в статистике... и знать это. Понимать это — вот что самое гадкое. Иногда окружающие это понимают, иногда нет, но всегда качают головой и произносят: «Пожалуй, этот белый говорит красиво, от души и умные вещи». А потом еще глоток, чтобы забыть о том, какое мы все дерьмо, и если бы этот Сальери...

Умбертико по кличке Пиранья тоже без пушки: они стоят пятьдесят, а у него нет таких денег, он только что вышел из тюрьмы и еще не устроился, потому что Альфредо, бывший моряк, не хочет брать бывших зеков в свой видеобизнес, мол, мне очень жаль, приятель, но сейчас все не так, как раньше, на тебе сейчас клеймо. Поэтому у Пираньи ложка-заточка, привязанная к тощей безволосой голени. Со времен стычки с толстым негром в «Ла Тропикали», когда ему чудом удалось увернуться от удара мачете по голове и пришлось нападать самому, и в этот момент бритва у него в руке развалилась, он не доверяет складным ножам. Никаким.

Его рука почти срослась с ложкой, заточенной о каменный пол тюрьмы. Никто не знает, как ему удалось ее вынести, предполагают, что завернутой в папиросную бумагу в своей облюбованной смотрящим жирной заднице, или отстегнул бабла охране, потому что деньги правят миром. Это его сокровище, он даже показывать ее не любит. Ложка китайская, до сих пор на потускневшем, потертом кончике видны буквы. Иногда он сжимает ее, чтобы заснуть, и плачет во сне, как и там. Злые языки болтают, что его сладкая попка соскучилась по черному дружку, что он хочет снова стать лошадкой, зайкой, петушком, каковым, по сути, и является. На самом деле ее присутствие придает ему уверенности, полноценности, и напоминает, что он остался мужиком и никому в тюрьме не

подставил свою задницу, хотя сам пару раз и воспользовался услугами Дамиана по кличке Клоака, потому что без женщин тяжело, а на безрыбье...

Если он наклонится за оружием перед Яко, то никто уже не спасет его морду от прилета Nike 48-го размера. Возможно, в этот момент его пропитый мозг плавится от этой сраной летней жары, в которую не наденешь рубашку с рукавом, чтобы спрятать оружие, и он думает о специальном кожаном браслете для ножа, как у гангстеров из фильмов, которые показывают в субботу вечером. Или не думает ни о чем, потому что в любом случае у него есть разбитая бутылка. Так что это наверняка будет удар сверху вниз с поворотом руки с «розочкой», которым можно раскровянить, но не убить, — порождение инстинкта, алкоголя и ярости, а не продуманная подлянка бывалого зека.

Яко видит, как бутылка движется в направлении его глаз, и знает, что это и есть стражник красного моста. Двор наблюдает удар бутылки, как в замедленной съемке, и все кричат, требуя тишины, потому что драка приобретает характер крошечного смерча, который пыль образует в жару после полудня. И точно так же может мгновенно закончиться, и все снова станет пылью, как и было, но только окропленной кровью.

Яко всегда говорит, что в жизни присутствует красный мост.

Такой расклад мне нравится, да и ему тоже, он это повторяет по десять раз на дню. Яко, философ красного моста.

Наверное, он нашел это в какой-нибудь китайской книжке, хоть к чтению и не склонен. Звучит как рассуждения публики, разодетой в шелка, неспешно потягивающей чай и наблюдающей, как карпы едят хлебные крошки. Как в Японском саду на территории Гаванского ботанического, где мы в последний раз были с ним и с Сильвией, и я услышал, как они спорят у павильона и прикинулся дурачком, но не пропустил ни слова. Он ей:

«Шлюха чертова!», она ему: «Ты об этом знал, да и какое ты право имеешь, если сам — ни на что не годный тунейдец?» Разговор в духе обычной современной кубинской пары, неизбежная приговорка, если пара из Двора. Еще один способ сказать «я тебя люблю, мамусик» и «я тебя тоже, папусик».

Красный мост — решение пролить кровь, выбор тореадора, удар мечом при посвящении в рыцари. Один ступает на него, потому что второй его толкает, и сойти с него можно только, дойдя до конца и убив — или струсив и превратившись в шестерку, на полпути в неприкасаемые. Яко много размышлял об этом в гуще дыма чистой марихуаны, от которого я начинаю задыхаться: если убьешь, то все увидят, что ты перешел через красный мост, и тут ты обнаружишь, что это не так-то и легко, но пути назад нет. Потому что на другом конце моста обычно тюрьма, а в ней люди уже не люди, а звери, и песня «Монкады» — враки: крокодил-таки пожирает крокодила. И если ты сдрейфишь, то лучше собирай манатки и вали из страны, а может, и это не спасет, так как от человека с желтой меткой на спине смердит за километр, без разницы, во Дворе или в Китае. Струсив однажды, трусом и останешься.

Мы много спорили на эту тему. Когда Яко с Сильвией и я, как всегда один, шли на «Лорда Джима», фильм с Питером О'Тулом, потому что я прочитал книгу. Ему понравилось, но он все твердил, что никто не возвращается из гребаного моря трусости. И нет способа спастись или второго шанса. А потом он вдруг попросил у меня книгу Конрада, тот самый Яко, который ничего не читает. И для него, наверное, важно обнаружить, что кто-то другой записал черным по белому то, что вертится у тебя в голове, а никак не ухватишь. Узнать, что ты не одинок со своими мыслями.

Но не все так плохо с красным мостом. Это как Моби Дик для Ахава или Гамлет, размышляющий над тем, как отомстить своей изменнице матери и подонку дяде за убийство отца. И, конечно же, Юлий Цезарь, переходящий Рубикон. Это всегда охренительно.

Яко наклоняется и перекатывается по земле, как огромный толстый паук, неуклюжий, но все же проворный. Благодаря этому острый край «розочки» только успеваает разорвать ему футболку Benetton и до крови оцарапать плечо, прежде чем он ногами сбивает с ног Умбертико по кличке Пиранья и они оба сплетаются в клубок. Первая кровь — и Двор кричит в едином порыве, как на петушиных боях, как на собачьих драках, как в детской потасовке, когда противники колотят друг друга до синяков, а на следующий день — не разлей вода, из чистого удовольствия надавать тумачков, а потом помириться. Хотя знают, что эта решающая стычка не из простых. Но при таких криках она напоминает спорт, игру, и находится парочка мудаков, сделавших ставку. Только напряженность, натянутая в воздухе пружина, не кричит, не останавливается, а сидит рядом со смертью на столиках для домино и подпиливает ногти, потому что обе знают, что что-то должно случиться, и знают даже, что именно, но не говорят.

Яко не заслуживает Сильвии, даже пусть она и интердевочка, и мы трое об этом знаем. Но она слишком хороша как женщина, чтобы Яко от нее отказался, а я слишком добрый, невинный тьюфик для боевой уроженки Баямо с амбициями, как у нее, к тому же повернутой на улучшении расы, мулатки с комплексами по поводу своей курчавой гривы. Я тоже белый, но чернявый, низковатый и кареглазый. Не чета ему. Вот он, любовный треугольник, и лишний я, хоть и болтаюсь с ними, но ничего не значу и никогда не буду, даже когда закончу университет и стану еще одним инженером-механиком, смазчиком на электростанции или чистильщиком свечей, поставившим на себе крест, если не устроюсь в какую-нибудь корпорацию; от такого не пахнет деньгами даже издали, сколько бы книг он ни прочел, сколько бы железа ни перетягал в спортзале, оборудованном Манолито по кличке Тренога под тем самым мамонсильо из нашего детства. Мамонсильо теперь уже не тот; во время грозы века у него отвалилась ветка, на которой все курили, и убила козу Качиты, которая черт знает что искала там в этот момент.

Наверное, то же самое, что ищет Сильвия в Яко, или он в ней, Сальери и

приспособленчество, кусок дерьма и мост, который мог бы быть розовым для женщин, розовым или черным кружевным, с запахом освежителя воздуха в отеле, толстыми испанцами, «Паласьо де ла Сальса», Кайо-Коко и паспортом в Заграницю. Я и сам не знаю, что ищу в подруге Яко, моего приятеля, который сделает из меня отбивную, если застучает, и чего это я всякий раз нахожу в ней, несмотря на предостаточное количество веселых молодых шлюшек в общежитиях Технологического университета. Возможно, потому что они всегда смеются над моим опрятным видом, без колец в ушах и длинных волос, поскольку во Дворе не поймут этой голубизны... или из-за того, что человека всегда манит вызов, мост, смерть, чтобы выбраться из дерьма, отчего он в конце концов еще ниже опускается, но поначалу даже и слышать об этом не хочет.

Умбертико по кличке Пиранья в такой драке в своей стихии. Кусается наполовину выпирающими изо рта зубами, из-за которых и получил свою кличку, пинается, царапается, извивается, оплетает противника обезьяньими руками и осьминожьими ногами. Он счастлив: пока здоровяк не остановится, он всегда сможет выиграть, и он, мерзота, блистающая в грязи, наудачу делает удушающий захват, каким овладевает каждый ребенок во Дворе чуть ли не прежде, чем научится ходить, и не нужно даже пускать в ход оружие. Но в конце концов размер имеет значение. Яко выворачивается в пыли, пару раз отпихивает Пиранию плечами, потом встает на колени и засаживает ему кулаком в лицо, крича, будто полоумный. И начинает возить противника затылком по земле Двора, словно пытаюсь навсегда стереть из его памяти оскорбление, нанесенное сестре Петре, а заодно и желание подражаться. В этот момент Умбертико вспоминает то, что знал с самого начала, но хотел забыть: достаточно протянуть руку к ложке-заточке, чтобы, как всегда, решить спор в свою пользу, как в тот раз в третьем корпусе, когда пришлось идти ва-банк с альбиносом Саулом за право на ужин, а на стреме стоял негр-смотрящий и наблюдал, кто останется у него на побегушках, а кем пожертвовать, чтобы им насладились его приспешники.

Он должен это сделать, даже если придется вернуться в тюрьму, потому что тот, кто выжил там, до конца будет пытаться победить в драке, что бы ни случилось. Умбертико знает, что в стычке важно не кто победил и кто проиграл, а то, что ты ставишь на кон, что получаешь и что теряешь, и поэтому его рука наконец сжимает ложку и напряженно ищет пивной живот Яко, чтобы вспороть его, вырвать кишки или лишить его сам не знает чего.

Красный мост — это идея фикс, которая завораживает. Дорога в одну сторону, распустье людей в безвыходной ситуации. Многие знали или знают о его существовании, но называют по-другому. Сумрачная тропа из фильмов про гангстеров. Дверь. Кровавый трон из фильма Куросавы. У Конан Дойла это был Бразильский кот, ночь рядом со зверем, после которой ты седеешь, начинаешь хромать и меняешься навсегда, но остаешься в живых. «Водитель», старый фильм с участием Райана О'Нила, который вел машину, как сумасшедший, и врезался в других, чтобы доказать, что он на самом деле крут. Мэтт Диллон в фильме «Бойцовая рыбка» в поисках следов призрака своего скандального брата, получающий удовлетворение только после смерти Мотоциклиста, освободившего его. «Мост через реку Квай». Все это и ничего из этого и есть красный мост. Я думал над этим, хотя не столько, как Яко. У него была мания. Представить себе, что чувствует человек, убив... когда ты осознаешь, что нарушил всемирный закон и при этом никто на небесах тебя не накажет, потому что Ницше четко объяснил, что Бог умер от банальной скуки, и если люди тебя не накажут по принципу «око за око, зуб за зуб», то никакая молния тебя не настигнет во искупление святотатства. К черту мораль, закон джунглей, пусть лучше ты, чем тебя. Ни у полиции, ни у закона прав не больше, чем у силы и хитрости, и так везде.

Бог умер на чертовой плахе. Мы с Сильвией трахались, как сумасшедшие, в доме, на пляже, рядом с пьяным Яко, другом и парнем, трахались, чтобы трахаться, только потому что нельзя; нарывались без любви, почти без наслаждения, зная, что прибьет, если узнает, представляя себе, что он знает, и одновременно желая, чтобы узнал и начал

действовать, и катись все притворство, все интриги к чертям собачьим.

Яко видит ложку, нацеленную на его пупок, и чудом ее останавливает, порезав пальцы. Я почти ощущаю его боль, сжимаюсь, чтобы помочь, будто превращаюсь в него, мое сердце бешено колотится. В такие мгновения становится окончательно понятно, что все эти фильмы с Брюсом Ли, Чаком Норрисом, Стивенном Сигалом и Джеки Чаном — вранье. В реальной жизни лезвие — это страх, холод, вонь опасности и смерти, зашкаливающий адреналин, который сжимает твои мускулы и парализует тебя страхом, а не постановочная хореография с выкрутасами Жан-Клода Ван Дамма в воздухе. Или не парализует, и ты можешь двигаться, но словно во сне, когда хочешь бежать и не можешь, или хочешь увернуться, как в фильме, и режешь пальцы, даже не полностью, не доходя до кости, но идет кровь и болит. Короткий тупой удар, не такой, как самурайским мечом, который начисто отсекает руку. После него хочешь раскроить грудную клетку, но только сбиваешь с ног и падаешь сам, потеряв равновесие, драка тупых калек с припадочными эпилептиками, и пыль, и крики, и понимание, что нужно что-то сделать, но не знаешь что. И голос, который говорит тебе: «Яко должен выжить любым способом», и бешеный укус Умбертико по кличке Пиранья в пальцы.

Но есть бог на небесах: кровь, твоя кровь, от которой выскальзывает ложка-заточка из его сжатых добела пальцев, и улетает, позвякивая по твердой земле, которая начинает пропитываться потом, и кровью, и страхом. И ты хватаешь его шею и тощий шоколадный затылок, дрожащий под твоей белой рукой, покрытой черными волосами, которая сжимает, сжимает... А народ кричит, и я говорю «сука» и бросаюсь бежать.

Забегаю внутрь, в его дом, ищу ключ под горшком с кактусом, чтобы войти, причем так быстро, что сбиваю стул, и у меня нет ни времени, ни желания сказать хоть что-то Качите, которая смотрит на меня из-за перегородки, — она еще одной ногой во сне; то ли ее разбудили крики, то ли просто проснулась — за столько лет во Дворе она так

привыкла к ссорам, что они ее не будят. Роюсь в беспорядке под кроватью, нахожу то, что ищу, и выбегаю с языком на плече, и молюсь, чтобы не случилось дурного...

Вовремя, потому что Умбертико по кличке Пиранья высвободился и пытается схватить свою ложку-заточку. И схватит. Яко не может его остановить, тот выскальзывает, выскальзывает...

На последнем издыхании, чувствуя себя подлецом и хорошим другом, я бросаю ему — наваху с костяной рукояткой, сделанную в Альбасете и подаренную ему Хемой, испанкой, с которой он трахался в прошлом году. С которой хотел замутить я, но у меня не хватило наглости даже попробовать. Бросок получился: вот наваха made in Spain, уже полностью раскрытая, прокрутилась по земле и прилетела прямо ему в ладонь. Он не мог не взять ее, а все дальнейшее я помню плохо.

Мы выросли вместе, а его порезали, кровь на земле, его одежда вся в крови, я только хотел помочь...

Так говорили все потом: и набежавшей толпе, и скорой, и патрульным, и следователям. То же сказал и я. Да, я ее бросил. Хотел дать ему шанс, потому что он мой друг, но я не думал, что... все случившееся было по моей вине, — так я говорил усатому лейтенанту, который составлял протокол, пока санитары уносили Пиранию, завернутого в простыню, покрытую красными пятнами. Я уже вам сказал раз и еще, и еще раз, это моя вина, моя вина, у меня потекли слезы. Беззвучно, из сдавленной груди, как у мужчин, которые не могут сдержаться, когда не хватает сил и больше ничего не остается, как плачут во Дворе. Как плакал Яко, когда его уводили.

И я рыдал, пока усатый лейтенант — из Сантьяго, как многие копы, но получше большинства, — не отвел меня в сторону, а потом положил руку на плечо, как сыну, потому что я ему в сыновья годился, и сказал мне тихонько, что это не я виноват, это жизнь

хреновая, и такое иногда случается. И что хотел бы он иметь таких друзей, как я...

Если разобраться внимательно, Яко тоже был не виноват: здоровяк, привыкший драться с пустыми руками, он ткнул острием, а не резанул лезвием, как положено, чтобы не остаться безоружным, если нож застрянет в сопернике, но при этом ткнул с таким невезением или такой меткостью, что пробил Умбертико глаз и попал прямо в мозг.

Пиранья просто умер на месте. Не повезло... Кому суждено, тому суждено, кто с мечом придет, тот от меча и погибнет, сразу было понятно, что он плохо кончит, потому что нельзя играть с ножом, как учили старики, бедная его сестра, которую теперь некому уберечь от распутства. Петра и моя ширинка спасены, говорили другие.

Яко много не дадут, у него всего пара приводов за мелкие кражи, сокрытие, украденные с сушилки джинсы или что-то подобное, а Умбертико был уже сидевшим, не повезло, судьба. И он первым напал, так что это была вынужденная самооборона, с кучей свидетелей в его поддержку. В пылу борьбы, в состоянии аффекта...

То же самое сказал адвокат в суде. И Манолито по кличке Тренога, и Альфредо, который надел морскую форму, и даже Слюнявый. Плач Качиты по Якобо, бедному единственному сыну, также поспособствовал тому, что прокурор не слишком усердствовал в требованиях.

Петра не рыдала по умершему брату и не стала устраивать сцен в суде: «Он сам виноват в своей смерти, ублюдок нарывался, лез не в свое дело, а я сама могу о себе позаботиться», — сказала она, и женщины Двора поставили на ней крест, потому что ты можешь быть шлюхой, если тебе так хочется, но кровь есть кровь, пусть даже ее пролил тот, кто лишил тебя девственности.

Я отправился на дачу показаний сразу после экзамена, и это тоже повлияло. Когда оглашали приговор, Яко мне сообщил со слезами на глазах, что я его единственный друг и что он никогда этого не забудет. Что он выйдет, что в конце концов это всего лишь одно убийство. Но я знал, что он обманывает, да и он сам тоже. Что между нулем и единицей расстояние гораздо больше, чем между единицей и бесконечностью, и что он уже на другом берегу.

В последние месяцы мне снова и снова снится Яко с его «братья навсегда». И наваха с костяной рукояткой, крутящаяся в пыли, а потом сверкающая в воздухе, как кончик иглы. Полиция ее конфисковала в качестве улики. Жаль, славный был нож, с прочным лезвием и хорошо сбалансированный.

Я все еще время от времени навещаю Яко, реже, чем в первые месяцы. Но такова жизнь. Все приедается, а ему дали четыре года, это много... Сильвия пришла со мной только первые два раза и ни разу не захотела попросить свидания с Яко....

Я ее больше не видел. Ну, только однажды, издали, в отельчике Технологического университета вместе с французским инженером, который приехал на проходивший там конгресс. Я, естественно, сделал вид, что не узнал ее, и даже не поздоровался. Мы с ней до этого потрахались еще всего пару раз, пока Яко ожидал приговора, а теперь я ее больше не интересую. И это взаимно. И меня это не удивляет, я знал с самого начала. Все случилось только потому, что она была его девушкой, а мы были приятелями. Возможно, я для нее был только еще одним способом привязать его к себе, проникнуть к нему в детство, в этот кусочек души, который он по своей воле никогда ей не открывал. Яко до того, как он стал Яко, до мыслей про красный мост, через который он в конце концов перешел, чего одновременно боялся и желал.

Во время свидания, во второй раз, он мне сказал, что кто-то приказал его убить. Может, это и не паранойя. Он думает, что Петра, сестра Пираньи, а я ему не ответил ни да, ни

нет. Кто их разберет, этих женщин; сегодня тебя обцеловывают с одного бока, а завтра втыкают тебе кинжал во второй. Не то чтобы все плохие; некоторые еще хуже.

На него напали в душе, двое: должно быть, досталось неслабо, не обошлось без ударов трубой и падений, ему сломали руку, но он выбил глаз одному, лысому и толстому белому с татуировкой Святой Варвары, и сейчас никто с ним не связывается, и ему накинули еще два года за членовредительство. Поэтому, помня о том, что он сделал с Пираньей, его прозвали Глазником. Он смеется, когда говорит об этом, кладет мне руку на плечо и повторяет, что я его настоящий друг. И что я, мол, еще увижу, какую он закатит вечеринку, когда выйдет. Сейчас у него почти все хорошо, есть чем заняться: выживать, следить за собственной безопасностью и подниматься по тюремной иерархии, ему взбрело в голову ни больше и ни меньше, как заделаться смотрящим.

Больше он уже не боится лишиться жизни, если его убьют. Возможно, в этом и заключается ценность, та самая, глубинная: когда тебе уже абсолютно все равно. Сейчас он все воспринимает легко, сильно не задумываясь. Уже не читает. Быть наковальной или молотом. Бить или быть битым, убивать или умирать. Он уже знает правила и играет по ним. Жить по другую сторону красного моста не так уж и тяжело. Мне он сказал, что, возможно, сделает себе татуировку, что-нибудь в старом тюремном стиле, от руки, швейными иглами и чернилами из жженого шампуня. Что-нибудь из сантерии или Кимьянкелу — одноглазого, одноногого и однорукого духа, чтобы произвести впечатление на черных в тюрьме. Он уже носит пять бус, он, который никогда ни во что не верил.

По-своему Яко счастлив. Я держу его в курсе дел и рассказываю про жизнь на воле, мы вместе строим планы, причем для обоих не секрет, что он уже не будет прежним. Никогда. Возможно, это и есть свобода: знать свои границы. Красный мост не так уж и плох. Хуже быть посередине или на другой стороне и понимать, что в какой-то момент тебе

придется перейти через него, но неизвестно, в какой именно...

Поначалу я ему немного завидовал, несмотря ни на что. Сейчас уже нет. Я тоже перешел через мост... свой мост, скорее зеленый, чем красный. После того как я тогда бросил ему наваху, все стало гораздо легче, будто идти вниз по холму с вершины, на которую так тяжело было подняться. Я мог бы сказать, что судьба Двора меня захватила, но я сейчас живу в десять раз лучше прежнего; купил своей старухе цветной телевизор, имею тех женщин, которых хочу, я, робкий.

Это даже была не моя идея, но ловушка четко работает, цепочка порт-доставка-внутренняя экономика: Петра снимает их у отеля или когда автостопит, приводит ко мне домой, я им предлагаю таблетки Поликосанола, табак, ром, будто бы свой, так как у Альфредо, бывшего моряка, есть контакты, и он меня обеспечивает. И для меня всегда что-нибудь найдется, чтобы не ударить в грязь лицом. А все потому, что мне стали доверять после того, как я бросил Яко наваху, когда это было нужно.

Манолито по кличке Тренога и Альфредо трахают Петру при каждом удобном случае... не знаю, почему: она красивая, но холоднее ледяной глыбы. Я сделал пару попыток, но потом мне стало скучно. Из-за того, что у нее клитор размером с семечко банана... у которого нет семян. Столько обещает, так разогревает, а потом вынуждена симулировать. Но, если иностранцы на это ведутся, — их дело...

Несколько дней назад она спросила, можно ли навестить Яко, попросить с ним свидание. Жизнь полна сюрпризов... настоящая любовь, или она на самом деле хочет наброситься на него и отомстить за Пиранию? Нужно подумать, прежде чем дать ей ответ.

Я предполагаю, что Яко дела не было до того, что Петра страдает аноргазмией и фригидностью. Все было видимостью, чтобы

просто не упустить очередную юбку и бросить вызов Умбертико по кличке Пиранья с репутацией крутого мачо, только что вышедшего из тюрьмы. Вызов. Яко, мерзавец, крутой перец, с красного моста.

Какая разница. Жизнь дерьмо, из дерьма мы вышли, в дерьмо вернемся, между дерьмом и дерьмом несколько поганых долларов с черного рынка потратим на поганый шопинг и пару бутылок дерьмового бухла, пока не закончится день, кровью и пылью или простынями и интенсивной терапией. И кто-нибудь тогда произнесет «он прожил жизнь», как многие другие. Еще один Сальери из тех, что рождаются пачками.

Пока я оставил учебу. Попросил академку, и мне ее без вопросов дали. На третьем курсе, но плевать. Я не собираюсь продолжать. На что тратит свое время белый из Двора в Технологическом университете, изучая инженерное дело, которое ему ни разу не пригодится? С таким бизнесом, столькими шлюшками и такой жизнью, какая ждет тебя здесь, во Дворе или за его пределами, уже почти все равно.

Конечно, я не забуду тот вечер, драку, как я мчался за навахой, мой бросок и костяную рукоятку на земле, удар и кровь из проткнутого глаза Пирании. Я в тысячный раз переживаю это воспоминание. И каждый раз все больше убежден в том, почему я это сделал... и все меньше в том, что сделал. В том, сделал ли я это намеренно или потом сам себе напридумывал.

Яко на красном мосту. Я видел, как он дрался, и не видел его страха. Он бы победил, здоровяк, он был в шаге от победы и победил бы честно. Светловолосый, с ясными глазами, хорошо играл в баскетбол, трахал Сильвию, не скрываясь, а она наслаждалась им и его пьянками больше, чем моей страстью, и ростом он был на двадцать сантиметров выше меня. Выходит, поступить в университет, много читать и знать, что при желании я всегда смогу покинуть Двор, — все это вообще ни о чем. Не книги об экзотических странах и невероятно хладнокровных искателях

приключений в чудовищную жару имели значение в момент истины. Важна была его роль, а не моя. Такова была реальная жизнь, с потом и кровью, с красотой и дракой, и он ею жил, а не я. Он был на красном мосту, дрался в пыли, и только одному суждено было выйти, даже если бы никто не умер. Смерть? Все течет, только... как при ядерном взрыве, когда уран-238 набирает критическую массу.

Мое решение, если это было решение, возникло спонтанно, без предварительных обдумываний, совсем не так, как я потом рассказывал Сильвии во время одной из пьянок, когда мы трахались в последний раз. Порой выливаешь себе на голову прилично дерьма, когда внутри у тебя уже полбутылки «чиспы-де-трен».

Вранье, я не думал об этом недели напролет, пока старая зависть и муки совести пожирали мою печень, и ничего я не готовил заранее, не я убедил Яко переспать с Петрой и отдал ей все свои сбережения за то, чтобы она раздвинула ноги, зная, что потом сделает Умбертико по кличке Пиранья. И не я сам рассказал ему об этом, не я бросил ему наваху, зная, что Яко всегда говорил о флорентийском ударе «глаз-мозг-смерть» ... Все просто произошло, а я воспользовался моментом, совпадением, трагической цепочкой взаимосвязанных случайностей, обстоятельствами. Не такой уж я крутой герой и не макиавеллист.

Или?

Самое гадкое то, что я не могу быть уверен. Может, Бога нет, а может, и есть... боюсь, что достаточно даже просто подумать об этом.

Во Дворе говорят, что я образованный человек, потому что люблю читать и учился. Но никогда раньше я не читал Библию, которая даже для старой Качиты, что живет только своими святыми, кладезь знаний. Все говорят, что в ней есть ответы на все вопросы. Пару дней назад я поискал. Был такой Иаков, который построил лестницу в небо и сразился с ангелом. Но там ничего нет про красный мост. И, конечно, ни про какую наваху с костяной рукояткой.

Жизнь — гребаное дерьмо, чувак, дерьмо. Потому что когда меньше всего ожидаешь, ты оказываешься на красном мосту... и никогда не бывает по-твоему. Но почти всегда ты через него переходишь, хотя знаешь, что назад дороги нет.

23 августа 1999

1. Качита — сокращение от имени Каридад.[↑]
2. «Особый период» — период экономического кризиса на Кубе, начавшийся после распада СССР.[↑]
3. Ежедневный выстрел из пушки в крепости Сан-Карлос-де-Ла-Кабанья в 21:00.[↑]
4. Ром низкого качества, букв. «искра от поезда», получивший название от ощущений, возникающих при его употреблении.[↑]
5. Ром низкого качества, аналог «чиспы-де-трен».[↑]

Йосс. Ловкость рук. Перевог

Перевог Фатимы Таумиевой

Моему отцу,

который всегда просит

детективные истории,

а я почти никогда

их не пишу.

*«Все мы знаем, что будущее находится в
руках.*

Да, но в чьих? И что такое руки?»

*Граффити без авторства, Сан-Франциско,
1968*

Мама дорогая, уже пять минут девятого, а я все еще доедаю тост с маслом, да и макияж не доделала. Даже космы не подкрасила. Ладно, все не так уж плохо, седых волос немного, и, к счастью, корни еще не сильно отрасли. Осталось решить, какую я сегодня беру сумочку. Синюю или коричневую?

Каждое утро одно и то же. Даже просыпаясь в половине седьмого, проклиная все на свете последними словами, я в итоге

опаздываю и приходится бежать бегом. Пипо говорит, что я теряю время, пока витаю в облаках, планирую то, что в итоге никогда не сделаю, и тому подобное. Однако когда он просыпается к полудню, завтрак каким-то чудом на столе, остается только разогреть в микроволновке кофе с молоком. Он не представляет себе, каково это — подскакивать с постели, как ошалелый, чтобы погреть воду и помыться, потом кипятить воду для кофе с молоком, и все это — стараясь не шуметь, чтобы не разбудить его императорское величество.

Хорошо еще, что в магазине мы носим униформу, иначе я бы тратила еще целую вечность на выбор наряда, каждый раз, когда мы куда-нибудь собираемся. И все для того, чтобы услышать его вечное: «*Так прихорошилась, будто на конкурс красоты, а всего-то идем в «Эль-Димар».* Он будто не понимает, что изысканные наряды и макияж — это для нас, женщин, все равно что доспехи. Ему же первому не понравится, если я буду плохо одета или ненакрашена. Стал бы рыцарь Круглого стола запрыгивать на коня, не надев доспехов? Так и я без макияжа не выйду не то, что в «Эль-Димар», даже на улицу нос не высуну, особенно сейчас, когда мне перевалило за сорок. Да и кроме того, похоже, что я плохо сплю или, может, мне не хватает витаминов, потому что по утрам у меня такие мешки под глазами, что позавидует любая панда.

Так что приходится идти на ухищрения, чтобы сохранить достоинство. Макияж,

прическа, костюм с иголки и всегда — каблуки. Я, конечно, делать липосакцию, накачивать грудь силиконом, а губы коллагеном, как Глория, не стану, но и замухрышкой ходить не буду. Панды, может быть, и милые, но не сексуальные абсолютно. Сейчас куда ни глянь — всюду молодые девчонки в стрингах и мини-юбках, так что только потеряешь бдительность, как какая-нибудь прошмандовка моего медведя и завалит.

Вон он, завернутый в простыни, ворчит во сне, сжимая и разжимая свои ручищи керамиста, ох, как мне нравится, когда они нежно прикасаются к моему телу, будто и меня создавая из глины. В печи стоят его новые работы. Во сколько он вчера лег? Я к полуночи уже спала под звуки еще работающего гончарного круга. Ну и ладно, извини уж, если тебя раздражает цокание моих каблуков поутру, дружок, но я тороплюсь, нет у меня времени надевать туфли по ту сторону входной двери, как ты мне однажды учтиво предложил, эгоист. В конце концов, ты можешь вставать в любое время, чтобы лепить свои глиняные скульптуры. Вот если бы ты просыпался и перекидывался со мной хоть словом, да хоть даже ругался, но нет, а о поцелуйчике на прощание я уже и не говорю, куда там. Наверное, я не в своем уме, раз продолжаю с тобой жить. Был бы ты хотя бы как те мужья, что просыпаются раньше жен, готовят завтрак и ванну, а потом будят их ласками и нежностями.

Вот как должно быть, учитывая, сколько я зарабатываю, но шовинизм и ленинизм процветают: в магазине 24-го числа каждого месяца я получаю 540 кубинских песо и 50 конвертируемых песо, и это не считая денег, которые я зарабатываю на стороне, но Пипо как будто и невдомек, кто покупает молоко, масло, сыр и хамон, которые он с таким удовольствием ест. Он думает, я их по талонам получаю?

Нет, ну что я за дура, ведь он каждый раз, продав одну из своих вазочек, ведет меня в паладар¹ или даже в ресторан, где идут эти посредственные юмористические шоу, которые ему так нравятся, и обязательно

напомнит мне, что мы гуляем на его деньги. Беспардонщина и точка.

В конечном итоге я все еще с ним, потому что мне нравятся его руки, потому что спать рядом с ним — одно удовольствие и потому (если уж начистоту), что мне нравится, как он меня трахает... как он хватает меня своими огромными паучьими руками, поднимает меня с такой силой, которой не ожидаешь от его худосочного тела, и раскрывает меня, лижет, входит...

И вот уже десять минут девятого, от всех этих мыслей у меня теперь мокрые трусики, и если я продолжу заниматься ерундой, то опоздаю уже наверняка. Фиг с ним, докрашусь в магазине, а то пропущу автобус. Я надеваю солнечные очки.

Такая рань, а в лифте уже пекло. А я в плотном жакете, не помывшись в горячей воде, вынуждена это терпеть, хорошо еще, в автобусе есть кондиционер. Конечно, только если он опять не сломался в дороге, учитывая мое везение в последнее время... Кстати говоря, надо купить новый электрический нагреватель, эта возня с кастрюлями с водой по утрам меня уже достала. Может, сказать Пипо... да о чем я, он ведь моется в ледяной воде, как настоящий мужчина.

Улица оглушает меня утренним шумом. Район у нас что надо. Веселый гам птиц, приветствующих утро, и лай собак, радующихся прогулке. Глория говорит, что Нуэво-Ведадо — это зверинец. Ну так чего вы ожидали? Тут столько зелени, что я почти каждую неделю вижу колибри, какую-нибудь белку, решившую попытать счастья за пределами Зоологического сада, и даже однажды встретила если не хутию, то гигантскую безухую крысу.

У меня прелестный район с особняками, холмами, улочками, которые никуда не ведут, с двумя-тремя многоэтажными зданиями и тысячами деревьев, которые закрывают солнце. Хотя сегодня, к счастью, облачно и даже есть ветерок, так что не такое уж и пекло.

Однако надо быть внимательной, а то идешь по разбитой дороге на каблуках, солнце не светит, а ты в темных очках, так что и ямы в асфальте не разглядишь — тут и грохнуться недолго. Не то чтобы я боялась подвернуть ногу, но не хочется опростоволоситься перед всеми этими малолетками-школьницами или перед высокомерными девицами в джинсах с низкой талией, которые завистливо косятся на меня, проходя мимо. Потому что, как говорит Пипо (обожаю это слышать), я горячая штучка. Мне уже давно не пятнадцать лет, но я еще не промах, хоть и приходится прибегать к макияжу и каблукам.

Поворачиваю за угол и... пол-улицы затоплено, как всегда. В этом здании каждый день одно и то же: утром запускают двигатель и потом забывают его выключить. Резервуар на крыше наполняется, и вот уже льются из него реки, и это при том, как мало воды в центре Гаваны. И никто не жалуется, а ради чего? Будто Ассамблея или коммунальщики могут или хотят что-то исправить. Ах, Нуэво-Ведадо, сколько особняков и частных домов, однако повсюду мусор, лужи и ямы: вчера ты был чудом, сегодня лишь тень былого.

Я перехожу Коли-Авеню и через парк иду до 26-й улицы. Прелестный парк с фонтаном, который уже сто лет без воды, да и не вспомнишь, работал ли он хоть день. Ветерок потряхивает висящие над головой лианы. В детстве, когда мы играли с Глорией, мне нравилось на них висеть и раскачиваться, как будто я Джейн из Тарзана... Падая, я так обдирала ноги, что до сих пор остались шрамы. Сейчас их укорачивают, чтобы дети не делали того, что делали когда-то мы, так что они уже похожи не на лианы, а на какие-то дреды. Раста-деревья?

А почему бы и нет? После появления статуи Хо Ши Мина на углу я уже ничему не удивляюсь. Ладно бюст на пьедестале, я ничего не имею против вьетнамского героя, но для чего эта пирамида из труб над ним? И вдобавок оранжевого цвета. Не знаю, вдохновлялся ли автор стилем нью-эйдж или это просто халтура, но в целом композиция вызывает рвотный рефлекс.

О, откуда столько людей? Две полицейские машины... Авария? Не похоже. Бог существует, и кто-то украл эту гребаную пирамиду во имя хорошего вкуса? Нет, но похоже дело серьезно, тут кровь. Раненые, трупы? Кого-то убили? 26-я улица пустая, автобус я увижу издали, так что я подхожу послушать, что говорят. А то если ждать, когда об этом расскажут в газетах, быстрее состаришься. Раздела расследований убийств у нас в газетах нет, мы ведь живем в идеальном обществе, а полиция всегда отлавливает воров, убийц и агентов ЦРУ... разумеется, если верить телевизору.

— Бедняжка, ее изнасиловали и убили.

— За месяц это уже третья жертва, которую так нашли.

— Я слышал о той, что нашли в парке, рядом с рекой.

— Иностранку? Я слышал о той, которую убили в другом парке неподалёку: блондинка откуда-то из Южной Америки, вроде из Аргентины...

— Получается, три жертвы? Товарищи, какой кошмар, а в газете об этом ни слова.

— А что они напишут, тут же серийный убийца, а они только и сообщают о спортивных достижениях и урожае картошки. Не верится даже, этот район всегда был таким спокойным, а тут...

— Может, убили из-за ревности...

— Да куда там. Полицейские сказали, что при ней даже было удостоверение личности, ей всего четырнадцать.

— Да что ты говоришь... дожили, прямо как в кино, каким же надо быть чудовищем, она ещё ребёнок.

— Чудовище или нет, а она тоже молодец. Что она ночью делала в парке? Явно не в дочки-матери играла, ещё и в такой мини-юбке, которая больше на пояс похожа. И не такой уж она ребёнок, гляньте на этот размерчик и ноги от ушей. Может даже, она сама нападавшего и спровоцировала, молодёжь нынче — пропащая, за несколько долларов на что угодно готовы...

— Приятель, сразу видно, что у вас нет дочерей, вы бы так не говорили...

— Дочерей растят для других, как мясо, особенно учитывая, что творится на улицах. Гнешь ради них спину, а в самый неожиданный момент они тебе преспокойно заявляют, что связались с каким-то янки и ты их больше не увидишь...

— А, погоди-ка, то-то мне казалось, что я тебя знаю. Не ты ли отец Ямилет, которая вышла за старого итальянца? Что, не пишет и сувениров не шлёт?

— Поэтому он и несёт эту чушь. Вот так ты о ней, гад. А ну-ка, с чего ты взял, что она была в парке ночью, если в полиции об этом не говорили?

— Эй, пипл, на меня срывать не нужно. Сами знаете, в кино... подобное всегда происходит глубокой ночью. И не нужно меня оскорблять, сеньора, я вам не хамил...

— Его наверняка скоро поймают... смотрите, снимают отпечатки пальцев, и если он ее изнасиловал, наверняка осталось его ДНК или эпителий, или как там...

— Так бывает только в сериалах про копов. Тут любому ясно, что в реальности они и клюнувшего тебя петуха не поймают. Может, если бы она была дочкой какого-нибудь министра, а так какая-то мулаточка, каких пруд пруди. Кроме того, наверняка его отпечатков и ДНК в электронной базе нет.

— Погодите, но почему «его»? А вдруг это женщина?

— Насильница? Убийца-лесбиянка, а как же! Слушай, друг, смотри все эти фильмы поменьше и вернись в реальность. Серийные убийцы — всегда мужчины.

— Слушайте, а она симпатичная? Накрыта, не видно...

— Бро, не надо мерзости. Поглазеть небось охота, услышал, что на ней мини-юбка.

— Больной, выродок...

— Эй, товарищи, не нужно проверять, я не об этом: просто дочь Реглы не вернулась домой вчера вечером, поэтому я и хотел узнать, я же их сосед, а вдруг...

Я слышу сигнал автобуса-развозки и вынырываю из водоворота комментариев. По крайней мере, я услышала достаточно, чтобы всю дорогу до магазина рассказывать Глории и остальным, что произошло, и мы все подождем всласть при мысли о серийном маньяке-убийце. Я знаю не одну девушку, готовую умереть, если перед этим ее хорошенько изнасилуют.

Думаю, благодаря сарафанному радио к вечеру подробности произошедшего разойдутся по району, и я смогу узнать больше... или меньше, все возможно.

* * *

(...) Труп был найден в положении лежа на спине рядом со скамейкой в парке на 26-й между 33-й и 35-й, напротив кинотеатра «Акапулько», район Нуэво-Ведадо, муниципалитет Пласа.

Жертва была одета в голубую облегающую майку в рубчик фирмы Mango и джинсовую мини-юбку фирмы Levi. И то, и другое — разодрано. Нижнее белье не обнаружено. Обувь: голубые туфли с острым носком на высоком каблуке, фирмы Prada. Одна туфля находилась на правой ноге, вторая найдена рядом с телом.

Убитая, ростом 1,76 м и весом 58 кг, была быстро опознана как Юсими Альварадо, опознавала мать, Регла Альварадо, трижды разведенная, швея, работающая на заказ, живущая недалеко, на улице Ла-Торре, 423, на верхних этажах, между 33-й и 35-й. Юсими была ее единственной дочерью, они жили вместе. Отец не живет на Кубе, дочь не признавал. Убитой было 15 лет, студентка второго курса по специальности «библиотечное дело», последние два месяца работала моделью в La Maison. Мать утверждает, что со всеми соседями у них хорошие отношения. У матери случилась истерика при виде трупа, пришлось ввести успокоительное. В настоящее время находится под наблюдением в военном госпитале, ожидает допроса на предмет друзей и любимых заведений дочери, для составления первого списка подозреваемых.

Смерть наступила в результате удушения в промежутке с 2 до 3 часов ночи; к моменту обнаружения тела в 6 часов утра трупное окоченение еще не наблюдалось. Обширное повреждение эпидермиса на шее жертвы, в двух местах достаточно глубокое, спровоцировавшее кровотечение, указывает на использование в качестве орудия убийства проволоки или кабеля, скрученного в форме «гарроты». Орудие было обернуто вокруг шеи, препятствуя поступлению воздуха в легкие и крови в мозг. Кроме того, сломана и вдавлена трахея и четвёртый шейный позвонок. Дыхательная асфиксия и прекращение кровоснабжения мозга наступили в течение нескольких секунд. Сильное давление на гортань не позволило жертве закричать.

Стоит отметить, что хотя в подобных нападениях убийца обычно действует со спины, чтобы жертва не могла его поцарапать или оказать сопротивление другого рода, согласно предварительному анализу, данный случай является исключением. Напротив, жертва

находилась лицом к нападавшему; учитывая поздний час, это указывает на то, что они были знакомы.

Судя по тому, под каким углом была перекрещена проволока на шее Юсими Альварадо, можно сделать заключение, что нападавший — левша ростом не менее 2 метров. Преступник, должно быть, поднял жертву над землей, что объясняет потерянную туфлю.

В вагине и прямой кишке жертвы наблюдаются царапины и другие следы сексуального насилия. Следов спермы не обнаружено, однако обнаружены остатки лубриканта на водной основе, что позволяет предположить, что нападавший использовал презерватив. Тип нападения и его скорость позволяют предположить, что надругательство произошло после убийства.

Профиль нападавшего: мужчина, крупный, высокого роста, от 20 до 50 лет, почерк совпадает с еще двумя случаями, произошедшими в этом же районе, что подтверждает ранее вынесенное предположение, что мы имеем дело с серийным насильником и убийцей. Просим дать этому делу статус приоритетного, для выделения времени и персонала с целью идентификации, поиска и задержания преступника.

Лейтенант Арнольдо Саррия

Национальная революционная полиция

***

Черт возьми, Юсими Альварадо. Как тесен мир. Юси, дочь Реглы, я хорошо помню, как они с Манолито ходили в один садик. Уже тогда у нее была шевелюра, огромные глаза, и была она такой высокой, что ее дразнили жирафом, доводили девочку до слез. А потом она превратилась в такую красавицу, высокая

мулаточка — да когда она появлялась на улице, на дорогах собирались пробки, даже пай-мальчик Пипо не мог от нее глаз отвести те два раза, когда она заскакивала к нам с одеждой, которую сшила ее мать.

У Реглы были просто золотые руки. Она брала дорого, но с машинкой лучше нее не управлялся никто. Половина Нуэво-Ведадо у нее заказывали, похоронная процессия была похожа на смесь шествия на первое мая и выставки элитных автомобилей. И все говорили о девочке только хорошее, ведь она была такая симпатичная, такая веселая, такая щедрая, такая любознательная и хозяйственная.

Даже самые закадычные подружки матери, которые до прошлой недели использовали по отношению к ней совсем иные прилагательные. Я, кажется, слышала их, истекающих желчью от зависти, когда она проезжала мимо на автомобилях своих друзей-иностранцев или управляющих компаний, не удаивая их взглядом, или когда с тем же видом проходила мимо, фирменные мини-юбки подчеркивали ее бесконечные ноги, так же как уверенная поступь лани, породистой кобылы.

Что о себе думает эта тощая (*ведь мулатка она только лицом, плоская как доска, да и сзади нечем похвастаться. Но знаешь, европейцам нравятся женщины, похожие на вешалки*) шлюха (*модель, ну да, сама знаешь, целыми днями под софитами, в платьях с грудью навывкат, говорят, им иногда даже нижнее белье запрещают... само собой, она уже перепихнулась с половиной Нуэво-Ведадо и соседних районов*), халявщица (*она постоянно угощает то в «Эль-Рапидо», то в «Эль-Диту»², но на ее месте любой бы угощал, она же так легко тянет деньги из этих старых слюнявых иностранцев*), да и наверняка в каких-то темных делишках замешана (*с такой фигурой, молодая, работает в La Maison, да я бы с дискотек не вылезала, а она — на библиотекаря учится! Какая молодец, но я на это не куплюсь, подруга: вот ты не знаешь, а она лесбиянка и только этому и учится. Или ходит покупать-продавать травку, да сама знаешь, что не с огорода...*).

Уже прошла неделя, но об этом все еще гудит весь район.

На Реглу больно смотреть. Только и говорит всем, что мечтает схватить этого негрилу, не нужно расстрела, пусть просто оставят его ей, неважно, насколько он огромный и сильный, она выцарапает ему глаза, откусит яйца и затолкает все это в рот, чтоб ему подавиться.

Как кровожадно, да? Как плохо на нас влияет нелегальное кабельное телевидение!

И как быстро в Гаване распространяются новости! Полицейская тайна, ха. Уже всем известно, что это был огромный сильный левша. Должно быть, действительно здоровый, чтобы поднять Юси, в ней же почти шесть футов, хоть и худая.

Единственное, что в полиции не упоминалось, что нападавший был чернокожим, но тут семи пядей во лбу не нужно. Нехорошо так об умерших, но Юси была та еще профурсетка. Любила развлекаться, лет с двенадцати кутила на улицах: у нее было больше связей, чем у дипломата, больше полетов, чем у стюардессы кубинской авиации, и она забыла о сексе больше, чем я когда-либо узнаю. Так что со всем ее опытом и телосложением, если насильник разодрал ей все и спереди, и сзади, дубина у него ого-го.

Анекдот: белый и негр поутру переходят мост через Альмендарес и решают отлить. В процессе белый смотрит на реку и спрашивает: «Братан, ты видел, какая грязная река?», а негр отвечает: «Нет, а ты заметил, какая она ледяная?».

Без комментариев.

Высокий, сильный, левша и с большим прибором. Негрилу, не иначе. Кажется, уже и полиция так думает: позавчера задержали крупного темнокожего, шедшего поздно

вечером по 30-й улице с мешком на плече. Оказалось, этот тип работал в питомнике растений и его поймали с украденными саженцами, так что его теперь ждет штраф и увольнение. Но на момент убийства Юси у него алиби: навещал свою семью в Сонго-Ла-Малья.

Кроме того, агрегат у него обыкновенный: немаленький, не зря же он цветной, но и не конского размера.

Хорошо, что у меня нет дочерей. Впервые радуюсь, что Манолито участвует в миссии в Венесуэле. Он, дурак, еще и волонтером пошел... хотя я и была против; я ведь ему не раз говорила, в этой стране, чтобы выжить, нужно участвовать, но не выделяться. А особенно ему, с такими-то способностями, он ведь хотел специализироваться в нейрохирургии. Но сейчас меня успокаивает, что он все-таки уехал, в Каракасе он в безопасности, потому что хоть до сих пор этот насильник и нападал на девушек, эти негры-извращенцы могут в любой момент решить попробовать, каково это быть педерастом, и тогда я за себя не отвечаю: случись что с моим мальчиком, я этого уroda ногтями исполосую, даже если мне это будет стоить жизни.

Сейчас в парке каждую ночь дежурят по четыре полицейских. Говорят, преступник всегда возвращается на место преступления. Но я сомневаюсь, что он настолько глуп, неважно, негр или нет. Особенно учитывая, какой огромный у нас район. 30-я улица идет параллельно реке, а на другой стороне Гаванский лес, который нужно пересечь, чтобы дойти до клуба «Эль-Чевере», и ночью там везде хоть глаз выколи. Идеальное место для насильников. Всего-то и нужно подождать, пока какая-нибудь девчуля, наплясавшись до боли в ногах, решит срезать через парк, а не идти на каблуках в обход через мост на 23-ю.

И похоже, что я права, потому что по слухам он орудует не только на 26-й. Одну жертву он поймал в сквере между 23-й и 30-й: мулатку из Бразилии Роберту, у которой были блондинистые волосы и зеленые глаза. Она училась в Международной школе кино,

влюбилась в кубинца и вышла за него замуж... и хотя они вскоре развелись, она осталась жить здесь. Как говорит Глория, все эти иностранки-прошмандовки одинаковые, один раз попробуют настоящий кубинский болт, и потом за уши не оторвать.

Кстати, эта Роберта была коллегой матери одного из друзей Манолито, та ее как-то прислала к нам, когда Роберта искала жилье. И я решила воспользоваться возможностью: пятнадцать долларов в день на дороге не валяются. К счастью, передумала, а то пригрела бы на груди змею. Эта шлюха пришла в полупрозрачном топике без лифчика и в джинсовых шортах, обрезанных так коротко, что можно было бы назвать их набедренной повязкой. Сказала, что жарко, видите ли, в августе. Как будто в Бразилии летом снег лежит. К тому же, если тебе так жарко, что ж ты волосы распустила? У Пипо аж слюнки потекли, я такого терпеть не стала, выгнала, ей пришлось снять хибару на углу 29-й и 30-й. Хочешь стать героиней эротического фильма, поищи кого другого, а не моего мужа. Если это решение ей стоило жизни, так сама и виновата, прости меня Господи...

И права Глория с ее присказкой, что в этом городе знаешь каждую собаку или по крайней мере о ней слышал или мимо проходил: я и третью (первую?) жертву, оказывается, знала. Это ни кто иная, как Аврора, гуанская шлюха, которая была с Пипо до меня.

Из Пинар-дель-Рио была она, а в дураках ходил он, хоть сам и с острова Пинос. Слащавое лицо, шея как у балерины и рельефная задница — этого бы хватило, чтобы кровь забурлила у любого мужика. Хотя такой уж идеальной она не была, сисек-то почти и не было. Но брала она другим: брила лобок, чтобы было видно татуировки, и славилась тем, что любила и женщин тоже, и когда она с какой-нибудь развлекалась, он смотрел. На самом деле, если бы не я, Пипо, может, превратился бы в педика или бисексуала, прости Господи, какая была бы потеря.

Говорят, ее выловили из Альмендареса. Похоже, она ходила на рок-концерт «Tesis de Menta» в амфитеатре, после выпивала с какими-то бардами, потому что хоть она и была профурсеткой, выпить всегда была не прочь, бухала так, что любой извозчик позавидует... потом сказала, что ей нужно пописать, а когда через час не вернулась, все решили, что она замутила с каким-то... или какой-то, да и ушли, чтобы не отвлекать.

Юси, Роберта и Аврора. Ну и компания, одна другой краше. Юси, по крайней мере, оплакивает мать, а у двух других, небось, и матерей не было. Я, конечно, считаю, что мы, женщины, должны быть солидарны друг с другом и быть задушенной, а потом изнасилованной — это ужасно, даже ведь и удовольствия не получишь... но хоть это и нехорошо, я не могу выкинуть из головы мысль, что, может, этот негрила и делает нам, жителям района, большое одолжение. Подчищает мусор, избавляется от ненужного, как какой-то блюстителю или каратель, как Чарльз Бронсон в «Жажде смерти».

Как же мне нравился этот фильм! Пипо записал его на DVD, какой кайф смотреть его в цифровом виде, прелесть; все-таки покупка плеера была хорошей инвестицией, хоть и встало дорого. Таких фильмов больше не делают... Черт, я так Манолито и сказала пару месяцев назад, когда мы прощались в аэропорту, и он посмеялся надо мной, потому что ни от кого из друзей не слышал ни о Бронсоне, ни об этом фильме.

Я старею. Моему сыну двадцать четыре, и он не знает фильмов моего детства. Завтра же покрашу волосы в рыжий, он лучше всего маскирует возраст. И, может, подстригусь покороче: хотя Пипо нравится моя шевелюра, даже кассир в магазине не получает столько, чтобы краситься каждые две недели, особенно учитывая, как выросли цены после падения доллара.

На самом деле я хотела покраситься сегодня, но Глория сказала, что недавно, пока я была в уборной, позвонила какая-то венесуэлка, некая Ампаро, и сказала, что у нее

посылка от моего сына, а у нас дома никто трубку не берет. Наверняка Пипо взял свой Mountain Bike, поехал в парк «за вдохновением» и забыл включить автоответчик. Вечно витает в облаках.

Наверное, какая-то индианка из-за кудыкиной горы, недавно вышедшая из сельвы, которую этот придурок Чавес со своей чертовой «Боливарианской Альтернативой» с пальмы снял и человеком сделал. Эти венесуэльцы прилетают на Кубу и строят из себя интеллектуалов, хотя в жизни не видели зданий выше трех этажей... чтобы меня такая застала с отросшими корнями... Что хуже, мне тут закралась мысль: «А вдруг она спала с Манолито?». Ну нет, только индейцев в семье не хватало.

***

— Вы видели, сколько крови, сержант? И спереди, и сзади. Он ее просто разорвал. У этого негра между ног, должно быть, просто дубина.

— Это ты дубина, Мансанильо. Лучше помолчи, мы уже довольно давно сообщили о теле, так что здесь в любой момент нарисуетя лейтенант Саррия и двое криминалистов, а ты знаешь, что этому белому не нравится, когда треплются о мертвых. Не забывай, что ты еще на карандаше после того случая с канарцем. Накосачишь еще раз, и тебе снова влепят дисциплинарку, мало не покажется, а потом отправят обратно домой.

— Какое там трепаться, товарищ сержант. Я не хотел выказать неуважение. Я имел в виду, что чувак этот — настоящее чудовище, животное в человеческой шкуре. А по поводу испанца — так я был не виноват, он же говорил прям как кубинец, откуда мне знать, что есть острова, которые называются Канарскими, я думал, он придуривается, что-то про канареек мне загоняет, петушок, что ли, ну я его дубинкой и...

— Ш-ш, Мансанильо, мать твою...

— Не гони на меня, сержант, не так все было страшно, я его даже не до крови, так, пристукнул маленько. Но какого хрена эти иностранцы считают себя хозяевами Кубы, будто мы все тут их рабы, раз мы в униформе, мне иногда хочется...

— Чего же, товарищ Кинтана?

— Ой, добрый день, лейтенант... Не слышали, как вы подошли, решили сегодня не ехать на служебном автомобиле? Пешком по этому склону в такую жару... Хотите бокальчик пива, а? Хотя сами знаете, мы на службе, гарантируем сохранность места преступления, как вы и определили.

— Добрый день, товарищ Кинтана. И вам, сержант Эррера. Это товарищи Эулалия и Мальдонадо из лаборатории криминалистики оперативного департамента расследований. Автомобиль у нас сломался на мосту...

— Нет худа без добра, глядишь и поменяют нам эту допотопную «ладу» на «ситроен» из тех, что недавно прислали. Добрый день, сержант, товарищ Кинтана. Спасибо за обеспечение сохранности места преступления. А теперь не могли бы вы покинуть эту зону, чтобы мы могли начать работу?

— Разумеется... товарищ лейтенант, вы только посмотрите на все эти приспособления, со всем этим они разузнают даже, что наш убийца ел на ужин.

— Товарищ Кинтана, дам вам два совета: во-первых, думайте, прежде чем нести чушь, а то вас однажды ею и придавит. Во-вторых, поменьше смотрите сериалы про полицейских, особенно, если не понимаете, о чем там говорят. Гарантируют они сохранность места преступления, куда там. Сержант, докладывайте, кто ее обнаружил?

— Сообщил о ней тот странный тип, который тут бегал полуголый.

— «Тот странный тип...». Вас что, не учили правильно докладывать, товарищ Кинтана? К тому же, я спрашивал не вас. Сержант...

— Гражданина зовут Хосе Мигель Санчес, писатель, живет в Ведадо...

— И почему же писатель из Ведадо бежит полуголым по Нуэво Ведадо, сержант Эррера?

— Именно это я его и спросил, а гражданин ответил, «а почему полицейский из Мансанильо работает в Гаване», а так как у него не было с собой документов, да даже и рубашки, мне показалось, что он надо мной насмехается, так что я достал дубинку и...

— Товарищ Кинтана, если вы продолжите влезать, я отправлю вас выписывать штрафы тем, кто ходит по газонам. И не говорите, что вы снова злоупотребляете своими полномочиями, а то я вас точно в камеру упрячу, помяните моё слово. Вы хоть понимаете, как деликатно надо вести себя с интеллектуалами? Не помните, что недавно на совещании говорил политработник? Двинь по уху одному из этих засранцев, сочиняющих стишочки, и за границей уже начинают кричать о цензуре, репрессиях и правах человека.

— Никак нет, товарищ лейтенант, товарищу Кинтане не пришлось использовать силу. Гражданин проявил готовность сотрудничать. Я его знаю, он хороший человек, член союза писателей и художников Кубы...

— Не знал, что у вас друзья в UNEAC, сержант.

— Прошу прощения, товарищ лейтенант: друзьями нас не назовешь, просто он бежит здесь регулярно, я с ним пересекался несколько раз во время своих тренировок. И по правде, он

действительно чокнутый, даже в холодную погоду бегаем именно так: в шортах, без футболки, с банданой на голове на пиратский манер. Он неплохой человек, живёт на Ла-Рампе, но у его девушки квартира рядом с кинотеатром «Акапулько», так что иногда он ночует у неё...

— Товарищ лейтенант, строго между нами, по мне, так это всё сказки про девушку, меня не обманешь, этот явно гомик, лайкровые шорты эти — явный признак... когда он подошёл к караулке, я сразу понял, что что-то здесь не так. Наверняка перепихнулся тут с кем-то в кустах, тоже мне спортсмен.

— Перепихнулся с кем-то с утра пораньше, при свете дня?

— Ну сами знаете, товарищ лейтенант, какие они — художники, у всех рыльце в пушку.

— Это не ваше дело. Итак, сержант, продолжайте, что произошло?

— Он, то есть писатель, прибыл к караульной будке в одиннадцатом часу, был очень взволнован, сказал, что там в парке лежит мертвая женщина. Товарищ Кинтана был на посту, он позвонил мне, сеньор Санчес действительно был очень взволнован, так что мы оставили другую смену в караулке и отправились за ним, и вот здесь нашли тело. Писатель был весь в поту и без футболки, да и если бы сам был виновен, к нам бы не пришел, поэтому я отправил его в дом его девушки в сопровождении офицера, чтобы он помылся и оделся. Он, должно быть, уже в участке. Как вы и сказали, мы ничего не трогали. Хосе Мигель тоже, по его словам, ничего не трогал.

— Но, товарищ лейтенант, взгляните, это же настоящие заросли, с дороги тело в них не видно, как же этот тип его обнаружил?

— Хороший вопрос, товарищ Кинтана. Сержант?

— Он сказал, что на ужин его девушка приготовила черную фасоль, которая была не очень... ну, сами знаете, как бывает: он вышел на пробежку, у него разболелся живот, сначала он думал, что дотерпит до дома, но в итоге понял, что не получится, а так как он здесь каждый день, он знал об этих кустах. Он залез, облегчился, и тут увидел...

— Это по его словам, которым я не верю, послушайте, товарищ лейтенант...

— Ладно, ладно, посмотрим... Этого Хосе Мигеля я скоро сам допрошу. А пока скажем криминалистам, что если обнаружат в кустах «подарочек», чтобы не анализировали, что это не убийцы...

— Уже не нужно, мы и так поняли. Страшная диарея, удивительно, что он еще мог бегать. И в таком состоянии он бы не смог так расправиться с жертвой. Женщина была задушена проволокой, потом изнасилована вагинально и анально, как и другие жертвы.

— Видишь? Убийца тот же, как я и говорил, товарищ сержант...

— Товарищ Кинтана, ради бога... Извините, доктор Мальдонадо, продолжайте... но вы так быстро закончили? И вы говорите, что дерь... экскременты не принадлежат убийце, как вы это поняли?

— Это к доктору Эулалии, она специализируется на судебно-медицинской энтомологии...

— Все просто, товарищ лейтенант: мух на экскрементах пока нет, а так как примерное время смерти — два часа ночи, можно сказать, что они не принадлежат ни убийце, ни убитой иностранке....

— Иностранка? Снова? Этого только не хватало для полного счастья...

— Доктор Мальдонадо, вы уверены, что она иностранка? Выглядит... обычно. Ни заграничного наряда, ни шикарной обуви. Джинсы, футболка, шлепанцы, как у всех. Не блондинка, не высокая.

— В кармане джинсов мы обнаружили зеленое удостоверение личности иностранца. Взгляните сами, товарищ лейтенант... а внутри сложенная купюра в пятьдесят долларов, так что убийство с целью ограбления исключено. Ее звали Ампаро Мендиета, врач из Венесуэлы, проходила здесь аспирантуру по офтальмологии, в рамках программы Чавеса «Операция «Чудо», вы, наверно, слышали.

— Но, к счастью, на этот раз нам, похоже, повезло со следами. Так как ночью прошел небольшой дождь, некоторые неплохо видно. Помимо кед, которые, должно быть, принадлежат писателю, ботинок товарища Кинтаны и сержанта, и шлепанец жертвы, есть еще одни следы, огромные... я бы сказала, как минимум пятьдесят второго размера.

— Следы убийцы? Если он действительно такой здоровый, как говорят, то и размер ноги будет огромный...

— Мы пока не можем сказать наверняка... любопытно, что следы выглядят необычно, они очень глубоко пропечатались в районе пятки и почти не видны в районе носка, будто на пальцы ног почти не было нагрузки. Нужно проконсультироваться с ортопедом, но навскидку могу сказать, что со стопами есть какая-то проблема... что-то типа плоскостопия или боли в области плюсны.

— Еще лучше, есть также следы колес велосипеда, и не какого-то китайского, а дорогого, типа Mountain Bike с широкими шинами.

— Товарищи, как велика наука...

— Помолчите, Кинтана. Доктор, вы предполагаете, что убийца и жертва приехали

сюда вместе? На велосипеде?

— Это возможно...

* * *

Как здорово, когда близкая подруга снова в гостях. Глория у нас давно не была. Понятное дело, что все иначе, ведь она теперь живет в другом районе: с тех пор, как она переехала в Сибоней со своим трубочом, она в Нуэво-Ведадо и носа не показывала. Даже после того, как они купили машину, хотя бензин на самом деле дорог, но чего-чего, а денег Глории всегда хватало. Она из тех женщин, что всегда умудряются оказаться при деньгах: она была замужем трижды и всегда за толстыми кошельками — художник, управляющий отеля в Варадеро и вот, исполнитель сальсы.

Правда ведь, что деньги портят людей? Только теперь, когда этот темнокожий козлина бросил ее ради девятнадцатилетней вертихвостки, испанки (ничто так не привлекает, как молодое тело, особенно, если у него паспорт Евросоюза), она вспомнила о своей закадычной подруге, и то только чтобы прийти поплакаться, какие все мужики одинаковые и бесполезные, и теперь она не знает, как ей жить.

Тоже мне несчастье, по крайней мере ей останется огромный домина в Сибонее и желтенький «Митсубиси» со всеми прибабасами. В нем даже кондиционер есть. Как ей теперь жить, спрашивает она меня, которой одиннадцать лет назад Маноло сказал, что позвонит из Майями, сел на плот и канул в Лету, а я осталась вдовой с сыном на руках, хорошо, что Манолито был спокойным ребенком и я меньше чем через год начала работать в магазине и познакомилась с Пипо.

Разумеется, я рада видеть Глорию, рада снова сплетничать и готовить, и смешивать коктейли, как мы делали до замужества, но я бы предпочла, чтобы она заявила не вечером

субботы. Она меня застала в мыле: я занималась уборкой, пыталась доделать все, что нужно было по дому. Кроме того, Пипо проснулся вдохновленным и с самого утра закрылся на балконе со своей керамикой.

Меня это не сильно беспокоит, напротив, он в восторге, как ребенок со старой любимой игрушкой, насвистывает, погружая руки в глину на гончарном круге по локоть. Когда Глория пришла, он махнул ей рукой и даже улыбнулся, выпил с нами один мохито, но только один, и снова за свою лепку. Не знаю, как ему удастся крутить гончарный круг ногами и в тоже время концентрироваться на придании формы сосуду руками. Ну, он говорит то же самое про мой талант с цифрами. Забавно было бы поменяться местами. У Пипо бы ни за что не сошлась касса, а у меня за гончарным кругом получались бы одни чудовищные мутанты. У каждого свой дар. Что меня раздражает, так это что он на балконе, как всегда весь потный, без футболки, в обрезанных джинсовых шортах с пятнами, в которых он всегда работает, и даже не осознает, что Глория пожирает его глазами. Она, конечно, моя подруга, но слава богу, у нее нет детей. Не представляю, как бы она растила ребенка, она слишком женственная, чтобы быть хорошей матерью.

Поправочка: не слишком женственная, а шлюховатая. Нужно называть вещи своими именами, даже если она моя подруга. Не прошло и часа, как на закате она явилась вся разбитая, говоря, что не может жить без своего мулата-трубача. В джинсах с заниженной талией с застегжками по всей длине штанин, это да, но зато в жакете, да и на блузке были застегнуты все пуговицы, а макияж потек от слез... Но как только она увидела моего здоровяка с голым торсом, она тут же переменялась: сняла куртку, подправила макияж, надула губы, которые и так настолько раздуты коллагеном, что если бы не татуаж контура, непонятно было бы, где они заканчиваются. Она расстегнула по три застегжки на каждой штанине, чтобы татуировку дельфина на лодыжке было хорошо видно, и верхнюю пуговицу на блузке, чтобы было видно лямку красного лифчика, и начала жаловаться, наполовину в шутку, что ее

в тридцать девять уже никто не полюбит с ее целлюлитом и морщинами, чтобы посмотреть, скажет ли ей Пипо, что она не так уж плохо выглядит. А он и ухом не ведёт, занимается своим, а я-то, дура, чего зубами скриплю от ревности, он же у меня святой.

А Глория все о своем, что мы, женщины, после определенного возраста выглядим все хуже, и этому не помочь, а ведь успешным или богатым мужчинам прощительно иметь седину или животик, но женщину, которая не выглядит на все сто, не уважают, будь она хоть премьер-министром. И что конкурировать с бесстыжими и молодыми девочками очень тяжело, и что поэтому она вложила столько средств в свое тело, ведь для женщины это — лучшая инвестиция. И с этими словами она надувает грудь, набитую силиконом до невероятных размеров, так, чтобы она начала вываливаться из ее красного Wonderbra. Я пытаюсь сменить тон разговора, вспомнив старый анекдот: что общего у лифчика и диктатуры? Но она его уже знает: и то и другое притесняет тех, кто внутри, и обманывает тех, кто снаружи. Глория использует это как повод расстегнуть еще одну пуговицу — внизу блузки, как бы невзначай демонстрируя пирсинг в пупке, ведь что может быть сексуальнее. Ой, да кому она заливает, что поддерживает форму только благодаря спортзалу и фитнесу, ей, наверное, такую липосакцию сделали, три фунта жира откачали, а я инстинктивно втягиваю свой отвисший животик, не знавший операций. И пока Глория обмахивается картонкой («ах, какая жара») и расстегивает пуговицу на джинсах, якобы у нее газы, я молюсь, чтобы моя любимая подруга детства убралась уже к черту и чтобы по пути подбросила какого-нибудь сумасшедшего парнишку, который бы повелся на ее игры и поимел бы ее во все дыры, ведь очевидно, что ей нужно — так это член. Ну или чтобы она хотя бы убралась восвояси, даже если никого не встретит, потому что атмосфера уже накаляется, она делает вид, что все в порядке, я молчу из вежливости, а Пипо занят своим, но уже становится неловко.

И ситуация все ухудшается, теперь Глория решает предаться воспоминаниям о тех временах, когда мы были молодыми и гоняли по Нуэво-Ведадо в суперкоротких и ультра-узких шортах, привлекая всех парней на

районе. Мы были просто огонь, говорит она и смеется, и дергает меня, чтобы я подтвердила, а я сижу в напряжении, потому что Пипо иногда накрывает ревностью по прошлому, так что я молюсь, чтобы она не подливала масла в огонь, вспоминая всех моих бывших, начиная с Маноло, пусть покоится с миром в желудке той акулы, что встретила ему на пути в Америку.

Слава богу, пронесло... хотя нет, все еще хуже, ведь она начала вспоминать, как мы в шортиках расхаживали по «Эль-Висо» и напротив Китайского кладбища: тогда в магазинах еще можно было платить кубинскими песо; эта история на самом деле для того, чтобы шепнуть мне, что как же жарко, но на самом деле все дело в комбинации августа, четырех мохито, соленых печений с острым соусом, которые я поставила на стол, и горячки сексуально активной брошенной женщины, и вот она уже изнемогает в таком количестве одежды, вот бы переодеться во что-то удобное, не найдутся ли у меня шлепанцы, шортики и футболка?

Даже если старенькие, или, может, Пипо одолжит, чтобы она сняла (или досняла) наконец блузку, джинсы с заниженной талией, на которых уже нечего расстегивать, да и смысла в них нет, уже ничего не закрывают, и сбросить эти туфли, такие элегантные, но такие неудобные. Кроме того, ей кажется, что в таком состоянии вести машину не стоит, а учитывая, как сейчас беспокойно на улицах, может, она останется на ночь в комнате Манолито, она ведь все равно не используется с тех пор, как он уехал в Венесуэлу?

По правде, она не хочет оставаться одна, ведь она недавно разошлась с мужем, что же это такое, почему ее браки не длятся долго, она ведь столько жертвует, чтобы нравиться мужьям, чтобы сводить их с ума в постели, со всеми ее умениями и талантами удовлетворять любые маленькие капризы избалованных мужиков, да такие выкрутасы и не снились молодухам, какими бы опытными они себя ни считали. И она плачет, и макияж снова течет, и она рассказывает, что ради трубочка (да потише ты, ведь слышат все соседи) она пару месяцев назад даже сделала

пирсинг обоих сосков, а на прошлой неделе даже там, внизу, да, прямо там, а все потому, что он однажды увидел в порнофильме актрису, у которой там было колечко, и туда просовывалась цепочка и...

И в этот момент Пипо наконец взорвался, вскочил, как черт из табакерки, добрался в два шага до двери и молча ее распахнул. Но Глория — это же Глория, она не зря первой потеряла невинность в одиннадцать лет, а четыре мохито чудесным образом прибавляют храбрости: хотя в Пипо почти два метра и, когда он в ярости, он и медведя напугает, она посмотрела ему в лицо и давай сыпать проклятиями.

И начала, что я заслуживаю большего, чем терять время с каким-то темнокожим засранцем, который считает себя художником, а на деле тунеядец без гроша, что передо мной штабелями падали мужчины гораздо лучше него, так что не приходилось терпеть закидоны таких вот приживал, да еще и в собственном доме прямо перед ней, ее лучшей подругой, еще с тех времен, когда он еще жил в лачуге в Нуэва-Херона, да, конечно, это столица провинции, но на деле ничего там нет, кроме чисто-поля, а он просто неотесанный мужик, который должен на коленях меня благодарить за возможность жить в квартире в Нуэво-Ведадо, жить как люди...

И вот тут я разозлилась, но когда я собиралась сказать ей, что она перешла все границы, что мой муж — мое дело, а она просто пьяная и злая от недотраха, Пипо меня опередил.

Думаю, он мог ее и убить, с его-то ростом и этими ручищами, из-за которых парни с района больше не хотят играть с ним в баскетбол, он же запросто держит мяч в одной руке и обыгрывает их на раз-два.

Но он, словно фокусник, почти элегантно достал из своих джинсовых шорт приспособление, чтобы вырезать черепашек из глины, которую ему привозят из Пинар-дель-Рио: это не нож или ножницы, а струна от

фортепиано, где-то сантиметров семьдесят пять в длину, с обеих сторон деревянные ручки, чтобы не порезаться при работе.

А у Глории стальные яйца, она смеется ему в лицо. Ай, малыш, какой страх, какой ужас, я вся дрожу и все такое. Да мне и мачете угрожали, знаешь ли, а с этим ты что мне сделаешь? Отхлестаешь? Ну давай, попробуй, может, мне понравится, и я кончу прямо здесь, давно у меня такого...

Я собиралась вмешаться, успокоить, крикнуть «языком болтай, а рукам воли не давай», но не успела и рта раскрыть, а Глория уже на полу по ту сторону двери. Я даже не разглядела, что сделал Пипо, на такой скорости все произошло, как по волшебству. И вот моя подруга внизу лестницы, лежит на спине, хватается за свои огромные пластиковые груди, будто именно туда ее и ударили, теперь уже вся ее блузка расстегнута, рот открыт, глаза как блюдца. Струна вибрирует между разведенными руками Пипо, натянутая, словно трос подъемного моста, а сам он — словно башня замка из какого-нибудь фильма о средневековье, неприступная крепость, осаждаемая викингами, которую защищает огромный арбалет.

Секунда тишины, казалось, длилась вечность, а потом Глория разразилась ругательствами, от убийцы-пидараса до паразита без члена и до безмозглого негра, поднимающего руку на женщину. Поднимаясь, она говорит мне, что пришла, потому что она моя подруга и хотела предупредить, что душитель из Нуэво-Ведадо снова кого-то убил, ее нашли в лесу, помнишь, ту, из Венесуэлы, Ампаро? Пипо случайно не был дома, когда она заносила посылку от Маноло?

Черт, действительно, он был дома, чертова индианка пожирала его глазами так, будто в Венесуэле негры не водятся, еще чуть-чуть и набросилась бы на него. Ни кожи ни рожи, но молодая, с хорошей грудью, и соски просвечивали через потную майку, потому что на ней не было лифчика, какая мерзость. Неужели Манолито на такую позарился, если за ним все девчонки в Нуэво-Ведадо бегали?

Пипо ничего не сказал, сложил струну в задний карман шорт, скрестил руки и вернулся к работе, к глине, к своему балкону. Но дверь оставалась открытой, и Глория продолжала молоть вздор, не уходя домой, но и не решаясь зайти. Не кажется ли мне странным совпадением, что я знала всех жертв? А раз так, то и Пипо их знал, мы ведь вместе уже десять лет. И не говорят ли, что убийца — сильный, очень высокий, не кажется мне это тревожными звоночками?

И тут меня будто громом поразило, я взглянула на ручки Пипо, на его длиннющие ноги, с его ростом 198 см, если верить документам, но главное, я смотрела на струну, привязанную к деревянным ручкам, свисающую у него из кармана, и представляла, как эта струна затягивается на шее мулатки Юси, врезается в кожу, как закручивается вокруг шеи Роберты с ее блондинистыми кудрями, как обхватывает длинную шею Авроры, а потом я увидела, как эта же струна, которая так чисто и ровно обрезает глину, режет кожу на моей шее или на шее Глории; и я ничего не сказала, но побледнела и почувствовала, как желудок завязывается в узел. И как была — в спортивном комбинезоне и шлепках — я пошла в комнату, бросила несколько вещей в чемоданчик, закинула его на плечо и сделала шаг. И еще один, и другой, и вот я уже бегу из дома, хватаю Глорию за руку и говорю, чтобы она ничего не спрашивала и не говорила, что если она не может, то поведу я, но оставаться в этом доме я не могу и не хочу сегодня, так что поедем к ней.

А с балкона Пипо взглянул на меня всего один раз, но я не смогла понять, что отобразилось на его лице помимо облегчения, что наконец-то он один и может заняться своей чертовой керамикой.

Желтый «Митсубиси» движется медленно, как кот на охоте или ребенок, который только учится ходить, автомобиль почти бесшумно скользит по лабиринту улиц Нуэво-Ведадо, доезжает до 30-й улицы, которая змеится вдоль спокойных зеленоватых вод реки Альмендарес. Поэт какая-то полуночная птица, ей отвечает

хор лягушек, стрекоз, цикады, словно одержимые барабанички.

Автомобиль двигается дальше, проезжает питомник растений и перед бейсбольным полем, которое в лунном свете кажется еще более пустынным, сворачивает направо, на неасфальтированную улочку, где нет жилых домов.

Машина проезжает метров пятьдесят, после чего мотор внезапно кашляет и глохнет. Открываются две двери автомобиля. С каждой стороны выходит человек. Одна матерится, кроет ругательствами все, на чем свет стоит, особенно красочно поливая фекалиями двигателя внутреннего сгорания и трясины под ногами. Походка у нее шаткая, остроносые туфли на высоких каблуках тонут в грязи почти по щиколотку. Второй человек молчит. Достает откуда-то фонарик, включает его, поднимает капот японского авто и ныряет под него, пытаясь найти проблему. Этот человек тоже идет по грязи, но его ноги почти не тонут в трясины. Его обувь — такая гигантская, что похожа на снегоступы, пятки едва погружаются в грязь на сантиметр.

Владелица каблучков покачивается, поскальзывается, падает и плачет от бессилия. Потом ее рвет. Владелец огромных ботинок подходит, надевает хирургические резиновые перчатки, шепчет воодушевляющие слова, помогает ей отряхнуться и встать. Поддерживая ее под руку, ведет к обочине, где меньше грязи, все будет хорошо, наверняка какая-то ерунда с мотором, обидно будет испортить такие замечательные и дорогие туфли, почему бы ей не подняться на вон то бревно и не подождать? Вот так, я помогу, поднимусь с тобой.

Владелица каблучков с трудом поднимается на сосну, сваленную последним ураганом. Второй человек поднимается с ней, погружает пальцы ей в волосы, все закончилось, все будет хорошо. Пока левая рука гладит ее по волосам, правая нащупывает что-то сверху, будто ищет. А потом находит.

Все происходит быстро и точно, как фокус, в котором важна ловкость рук. Лассо из фортепианной струны оказывается вокруг шеи жертвы, касаясь ее так легко, что можно спутать с дуновением ветерка. Когда оно фиксируется под ушами, происходит толчок: несколько раз, сильно.

Глория не успевает вскрикнуть. Сталь тонет в ее шее, разрезает кожу, ломает трахею. Узелок врезается в плоть ровно под ухом и остается там, подчеркивая контур челюсти. Ударом ломаются шейные позвонки, нарушение кровоснабжения заставляет ее потерять сознание, до того, как она поймет, что произошло.

Ноги, будто отказываясь принять смерть, несколько секунд конвульсивно двигаются. Одна из туфель падает и остается в грязи внизу.

Человек в огромных ботинках ждет, пока пройдет последний спазм, и только после этого очень спокойно достает из кармана кусачки и ищет узелок, который был сделан на коре три дня назад. Чик. Теперь еще раз на лассо, почти полностью вошедшее в синеватую шею Глории. Чик. Вот и все. Забирает проволоку. Теперь только при очень внимательном осмотре можно будет обнаружить царапину от струны на коре сосны. Те же кусачки идеально подходят, чтобы разрезать пояс джинсов. Чтобы избавиться от красных стрингов, нужно просто дернуть пару раз, ткань очень тонкая. Труп толкают так, что он оказывается лицом вниз, а зад направлен вверх, в сторону полумесяца.

Руки в перчатках раздвигают ягодицы. Прощупывают — неспешно, но с любопытством. И лобок, и зона вокруг анального отверстия тщательно выбриты. И... а вот и колечко. Цепочки нет. Открывается целлофановая упаковка лубриканта на водяной основе, содержимое выливается на анус и вульву трупа. После этого на фаллос — твердый, чудовищно толстый, длинный, будто полицейская дубина, — надевается презерватив. Он готов к проникновению. Спереди, сзади, снова спереди и сзади, яростно, задыхаясь от натуги, проникая то в анальное отверстие, то в вагину с

точностью, с остервенением, разрывая ткани, раздирая слизистую, снова и снова, и снова...

Эта заслужила больше, чем другие, но теперь, кажется, хватит. Убийца поднимается, убирает фаллос, то, что осталось от красных стрингов, и кусачки. Сворачивает струну от фортепиано... вдруг еще пригодится.

Возвращается за руль «Митсубиси». Разуваётся, прежде чем нажать на газ. Огромные ботинки, даже с газетами внутри носков, не очень удобны для вождения. Они оказываются в той же сумке, что и кусачки, огромный терракотовый фаллос (на нем появляются трещины, вот поэтому глиняные фаллоIMITАТОРЫ никогда не были популярны), то, что осталось от красных и других разорванных трусиков.

Остается только бросить автомобиль через несколько кварталов, чтобы запутать след. И, выйдя из него, как и каждую ночь, все забыть.

Секрет в ловкости рук: правая не помнит или не хочет помнить то, что делает левая. Ведь десятилетний брак требует определенных жертв, но об этом лучше не думать. Она ведь не извращенка, не убийца, просто защищает свое,

но подумать плохо может любой, даже она сама.

Вот и все. Сделать несколько шагов, чтобы потерять желтую машину из виду. На улице ни души.

Вот теперь можно растеряться: как она оказалась так далеко от дома в такую рань? И без макияжа, бог весть в чем, какой кошмар! Эти эпизоды с потерей памяти каждый раз все хуже. Теперь придется возвращаться пешком и в такой поздний час. Женщина почти сорока лет, одна в Нуэво-Ведадо, учитывая, как сейчас стало опасно на улицах, Пипо же говорил не ходить никуда, не предупредив его... он такой хороший, просто ангел. Ладно, надо мыслить позитивно, может, повезет, и она наткнется на полицейского, их сейчас много на улицах, после появления этого чудовища, которое убивает и насирует женщин... нет худа без добра, в конечном итоге, нужно верить, что стакан наполовину полон, а не наполовину пуст. Хотя какая разница, все равно это лишь половина стакана...

25 ноября 2005 г.

1. Домашний ресторан, чаще всего расположенный в жилом доме.[↑]
2. Заведения быстрого питания[↑]

Луисхе Мойано. Отпечатки обуви. Перевог

Перевог Анастасии Орловой

Отпечатки обуви на снегу. Отпечатки у входной двери.

Морозная ночь точила свои ледяные ножи, костёр еле грел и светил, постепенно затухая, пока не остался лишь тонкий язычок пламени среди тлеющих углей.

Разбитые бутылки на полу, на прикаминном коврикe пятна причудливой формы, оставленные какой-то жидкостью.

Свет от лампы, который не освещал, как задумывалось, романтичный уголок, а падал на пол и на остатки пиццы: сотни муравьев терпеливо разделяли их и, водрузив на себя добычу, рядами тянулись от двери к саду.

На столе в этом захудалом загородном домишке царили беспорядок и хаос: груда всякой всячины — штопор, раскрытые бумажники, пустые портмоне, неприкаянная монета, написанная от руки записка, газета, которая балансировала на краю стола, пока неминуемый порыв ветра не смел ее на пол, два кольца, пара цветных карандашей, исхудалый бонсай — скорее полумертвый, чем полуживой — и ворох предметов, из-за которых огромный длинный стол в гостиной казался крошечным.

Ступеньки из уродливого камня прикрывала одежда, которую кто-то снимал и как попало раскидывал: бюстгальтер на перилах, носок в унылой и не совсем

приличной позе, рубашка, которую явно сорвали, ибо на ступеньках то и дело попадались под ноги группы-пуговики, покоящиеся стринги, отдохнувшие от беготни, — и так вплоть до последней ступеньки, где две пары брюк сплотились и умоляли вынести их на солнце, чтобы хотя бы немного проветриться.

Все двери, ведущие в комнаты, были распахнуты, и будто бы оттуда тянулась тонкая струя холодного воздуха, который пробирал до костей.

Единственная дверь, из которой исходил хоть какой-то свет, была в конце коридора. Жиденький свет, который дребезжал и зазывал медленно приблизиться к комнате.

Эта слабо освещенная комната тосковала по одиноким шагам, которыми бы двигало нечто большее, чем просто желание. Расплесканные всюду пот и кровь; два тела на кровати, переплетенные в объятии, безостановочно истекали кровью.

Очень скоро окно озарилось синим и красным светом полицейских мигалок — парой огней, которые долго и надоедливо отражались от фасада и с холодом улицы проникали во все открытые двери и окна.

Мы сидели на крыльце и ждали момента рассказать, что произошло, в тишине, созерцая

заснеженную гору и зловещие тучи, которые вернулись, чтобы разразиться бурей и снегом.

Укутанный в свою красную ветровку, я чувствовал, как меня гложет чувство вины. Слезы от холода смешались со слезами от боли, я решил закурить, чтобы хоть как-то согреться. Глубоко затянулся беленькой «Дукадос», и дым слился с паром изо рта. К нам подошел полицейский в униформе, он пристально посмотрел на меня и попросил сигарету.

— Не знал, что кто-то ещё курит «Дукадос».

Я безмолвно кивнул, протянул руку с пачкой, он уверенно перехватил ее, достал сигарету, зажег, сделал затяжку, я посмотрел ему в глаза, и вспыхнувшие искры осветили его лицо. Оно показалось мне знакомым. Начался снегопад.

— Спасибо.

Он вернул мне «Дукадос» и пошёл к машинам, которые окрашивали ночь в красный и синий, в то время как сама она облачалась в белый.

Пока он докуривал мою сигарету, а снегопад набирал обороты, на носилках вынесли два трупа — у одного рука вывалилась из-под ткани и волочилась по снегу, оставляя за собой довольно глубокую бороздку.

Всё это вызвало у меня глубокую печаль. Полицейские фуры выехали вслед за катафалком, красные и синие огни затерялись

по дороге и уже освещали лишь горизонт и бурю, которая становилась все неумолимее.

Я бросил свою сигарету на землю, и она тут же погасла, ветер подхватил ее и замаскировал под белым снежным покровом.

Из метели показался силуэт, он неуклюже приближался вялым, квелимым шагом.

Я занервничал, вскочил и чуть не бросился бежать.

— Спокойно. Есть еще «Дукадос»?

Я не ошибся: ко мне приближался тот же полицейский.

Я подал ему пачку сигарет, он взял ее и закурил.

— Холод собачий! Черт бы его побрал... Извините, что не доехал. Снег мешал мне продвинуться вперед, как мне бы хотелось. Трудно управлять машиной при таком снеге, и овраги здесь крутые. Как рассветет, думаю, будут меня искать и найдут автомобиль. Так бы я уже задержал паршивца.

Полицейский сел рядом с нами, он выдержал паузу и после рассказал нам, что отпечатки обуви вокруг дома и у входа помогут схватить того, кто обокрал нас и убил. Затем он бросил сигарету, придавил ее ногой, и все трое — полицейский, моя жена и я, — вперили взгляд в бурю, которая обнажалась в чистой, ослепительно-белой субстанции.

Перевод с английского: письма из прошлого

С гордостью публикуем подборку писем, подготовленную участниками мастерской «Перевод с английского: от сериала до комикса» под руководством Светланы Арестовой. Перед вами настоящие исторические документы. В каждом письме интересным образом раскрывается характер отправителя и показывается жизнь в ту или иную эпоху. Тексты приводятся в сокращении. Некоторые письма мы публикуем в двух переводах, которые представляют собой немного разные, но дополняющие друг друга взгляды на текст.

Моему бывшему хозяину

Перевод Алисы Мяздриковой

Соединенные Штаты вскоре после окончания Гражданской войны. Освобожденный раб Джордан Андерсон пишет хлесткий ответ бывшему хозяину-плантатору, который оказался в бедственном положении и просит его вернуться на службу.

Дейтон, Огайо

7 августа 1865 г.

Моему бывшему хозяину, полковнику П. Г. Андерсону, Биг-Спринг, Теннесси

Сэр,

Я получил ваше письмо и рад был узнать, что вы не забыли Джордана и что, обещая лучшую жизнь, чем кто-либо другой может мне дать, хотите, чтобы я вернулся и снова жил с вами. Ваша судьба часто вызывала у меня беспокойство. Я думал, янки уже давно повесили вас, ведь вы укрывали у себя солдат-южан. По-видимому, им так и не стало известно, как вы отправились к полковнику Мартину, чтобы добить солдата Союза, оставленного у него в конюшне. Хоть, прежде чем я покинул вас, вы и стреляли в меня дважды, я не желаю вам зла и рад, что вы еще живы. Было бы неплохо вернуться в старый добрый дом и повидаться с мисс Мэри и мисс Мартой, и Аленом, Эстер, Грином и Ли. Передайте всем мой поклон и скажите, что я надеюсь на встречу в лучшем мире, если не в этом. Я мог навестить вас, пока работал в госпитале в Нэшвилле, но соседи сказали, что Генри обещал пристрелить меня при первой возможности.

Я хочу знать, какую именно лучшую жизнь вы мне предлагаете. Здесь мне довольно неплохо. Я получаю двадцать пять долларов в месяц вместе с питанием и одеждой. У Мэнди — тут ее зовут миссис Андерсон — уютный дом, а дети — Милли, Джейн и Гранди — ходят в школу и хорошо учатся. Учитель считает, что у Гранди талант священника. Они ходят в воскресную школу, а мы с Мэнди регулярно посещаем церковь. К

нам хорошо относятся. Краем уха мы иногда слышим: «Эти цветные были рабами в Теннесси», и детей ранят такие слова. Но я объясняю им, что в Теннесси не было зазорным принадлежать полковнику Андерсону. Многие чернокожие гордились бы, как гордился и я, таким хозяином. Так вот, если вы напишете, какую оплату предлагаете за работу, я смогу лучше оценить выгоду от своего возвращения.

Что касается свободы, которую вы обещаете мне, то здесь я ничего не выиграю, поскольку в 1864 году получил документы свободного гражданина от начальника военной полиции Нэшвилла. Мэнди боится возвращаться без доказательств, что вы намерены относиться к нам с добротой и справедливостью, и мы решили убедиться в вашей искренности, попросив выслать деньги, заработанные за время службы. Это поможет нам простить и забыть счеты прошлого и положиться на вашу порядочность и расположенность в будущем. Я верой и правдой служил вам тридцать два года, а Мэнди — двадцать. При моих двадцати пяти долларах в месяц и двух долларах в неделю Мэнди наш доход составил бы одиннадцать тысяч шестьсот восемьдесят долларов. Прибавьте процент за время удержания оплаты и вычтите расходы на нашу одежду, три визита врача ко мне и удаление зуба Мэнди, и остаток покажет, на что мы можем претендовать по праву. Будьте добры выслать деньги почтой «Адамс экспресс» на имя В. Уинтерса, эсквайра, Дейтон, Огайо.

P. S. : Передайте Джорджу Картеру привет и благодарность за то, что он забрал у вас пистолет, когда вы в меня стреляли.

Ваш бывший слуга

Джордан Андерсон

Моему прежнему хозяину

Перевод Александра Зайцева

Дейтон, штат Огайо

7 августа 1865 г.

Биг-Спринг, штат Теннесси

Моему прежнему хозяину, полковнику П. Г. Андерсону

Сэр,

Я получил ваше письмо и, к радости своей, узнал, что вы про Джордана не забыли и хотите, чтобы я вернулся и снова стал жить вместе с вами, обещая сделать для меня столько, сколько никто другой сделать не сможет. Душа моя часто о вас болела. Я считал, что вас давно уже повесили янки, поймавшие мятежников, которых вы укрывали в своем доме. Полагаю, они так и не узнали, как вы отправились к полковнику Мартину, чтобы убить солдата северян, оставленного своей ротой в конюшне. Хоть вы и стреляли в меня дважды еще до моего ухода, известие о том, что с вами что-то случилось, меня бы огорчило, и я рад тому, что вы до сих пор живы. Мне было бы приятно вернуться в милый старый дом и увидеться с мисс Мэри и мисс Мартой, с Алленом, Эстер, Грином и Ли. Передавайте, что я их всех люблю и надеюсь встретиться со всеми ними в лучшем мире, если не удастся в этом. Я бы съездил навестить вас, когда работал в Нэшвилльском госпитале, да один сосед сказал, что Генри намеревался пристрелить меня, если только подвернется случай.

Я хочу знать, в чем же состоят те благоприятные условия, что вы мне предлагаете. Здесь у меня дела идут сносно. Я

получаю в месяц двадцать пять долларов, а еще еду и одежду. Я живу в уютном доме с Мэнди (все называют ее миссис Андерсон) и детьми: Милли, Джейн и Гранди — они ходят в школу и учатся хорошо. Учитель говорит, что из Гранди может получиться проповедник. Они ходят в воскресную школу, а мы с Мэнди исправно посещаем церковь. Относятся к нам хорошо. Иногда нам приходится слышать, как про нас говорят: «Вон те цветные были в Теннесси рабами». Детям обидно слышать такие пересуды, но я им отвечаю, что в Теннесси не считалось зазорным быть в собственности у полковника Андерсона. Многие чернокожие гордились бы, как гордился я, называть вас своим хозяином. В общем, напишите, какое жалование вы даете, и мне станет проще решить, выгодно ли будет возвращаться или же нет.

Что до моей свободы, которую, по вашим словам, я могу получить, то тут мне и взять нечего, поскольку бумаги мне выдали еще в 1864 году в Нэшвилльском отделении военной полиции. Мэнди говорит, что боится ехать, не имея доказательств того, что вы расположены обращаться с нами благожелательно и по закону. Мы решили проверить вашу искренность, попросив прислать нам жалование за все время нашей службы. После этого мы простим и забудем старые счета и сможем в будущем положиться на ваше дружеское и справедливое отношение. Я тридцать два года верно служил вам, а Мэнди — двадцать лет. Возьмем в месяц двадцать пять долларов мне, а Мэнди два доллара в неделю и получим наш заработок в одиннадцать тысяч шестьсот восемьдесят долларов. Прибавьте к тому процент за то время, что наше жалование удерживалось, и отнимите плату за нашу одежду и те три раза, что я показывался врачу, да за то, что Мэнди выдрали один зуб, и получится сумма, причитающаяся нам по праву. Прошу вас прислать деньги посредством «Адамс экспресс» на имя В. Винтерса, эсквайра, город Дэйтон, штат Огайо.

P. S.: Передавайте привет Джорджу Картеру и поблагодарите его за то, что он отобрал у вас пистолет, когда вы по мне стреляли.

Ваш бывший слуга

Джордан Андерсон

Кроме того

Перевод Яны Родионовой (Куницкой)

Это письмо миссис Элизабет Комптон написала своему мужу в 1618 году, спустя восемь лет после того, как ее отец — лорд-мэр Лондона сэр Джон Спенсер — умер и оставил свое огромное состояние в наследство... своему зятю, лорду Уильяму Комптону! Говорят, это был не первый случай, когда отец обращался с Элизабет не самым справедливым образом.

В письме Элизабет излагает мужу, только-только поправившему здоровье после нескольких лет мотовства, свои взгляды на то, как должны быть использованы деньги ее покойного отца.

Мой милый,

Теперь, когда я изъявила свое намерение устроить для тебя дела твои, предполагаю необходимым рассудить о том, какое содержание подобает иметь мне.

Ибо за твоим именем я присматривала с заботой, а ко всему, что, согласно воле Божией и законам мироздания, общества, бытия, религии и государства, принадлежит тебе, мой дорогой, я относилась с уважением. Посему я прошу и увещаю тебя предоставить мне, твоей доброй и преданной супруге, пособие размером в 26 000 фунтов годовых, выплачиваемое каждую четверть года.

Кроме того — 600 фунтов в год дополнительно для исполнения долга милосердия и прочих дел, не требующих учета.

Кроме того — трех лошадей для моего личного пользования, которые никому не будет позволено ни отдавать, ни брать — лишь мне да тебе.

Кроме того — добрых компаньонов в количестве двух женщин, на случай, если одна заболит или еще какое несчастье ее постигнет.

Кроме того — поверь, компаньонке не подобает хандрить в одиночестве, когда Господь милостиво одарил ее господина и госпожу достойным именем.

Кроме того — когда я иду на охоту, будь то с собаками или соколами, или же нахожусь в пути от одного дома к другому, они будут при мне, поэтому для каждой из упомянутых женщин мне понадобится иметь по лошади.

Кроме того — шестерых или восьмерых лакеев и две кареты: одну обитую бархатом для меня, с четверкой великолепных лошадей; и одну для моих компаньонов — обитую милой тканью и отделанную золотом; а моя пусть будет в пурпуре, отделанная серебром, с четверкой добрых лошадей.

Кроме того — двух кучеров, одного для моей кареты, а другого для моих компаньонов.

Кроме того — лично для меня, сверх моего годового пособия, двадцать дамских платьев: шесть из них высочайшего качества, восемь из них для загородных прогулок и еще шесть из них наивысочайшего качества.

Кроме того — ты должен будешь положить в мой кошелек 2000 фунтов и еще оплатить мои долги.

Кроме того — у меня должны быть 6000 фунтов для приобретения украшений и 4000 фунтов для покупки жемчужного ожерелья.

Кроме того — потому как я всегда была очень разумна и добра к тебе, прошу тебя взять на себя расходы на одежду моих детей и их обучение; а также на моих слуг — мужчин и женщин — и их жалованье.

Кроме того — все мои дома должны быть в подобающем убранстве, и мои спальня комнаты обставлены необходимой мебелью, как-то: кровати, табуреты, стулья, нарядные подушки, ковры, серебряные грелки, буфеты, изящные пологи и прочее. И точно так же касаясь моих гостиных во всех домах: они должны быть изысканно меблированы — пологими, диванами, балдахинами, стеклом, стульями, подушками и всеми прочими соответствующими предметами.

Кроме того — я желаю, чтобы ты оплатил все мои долги, достроил Эшби Хаус и приобрел новые земли, а также не давал в долг денег лорду-камергеру, который при возможности из тебя и все состояние бы вытряс. Помнишь его сына, лорда Уолдона? Какое гостеприимство он мне оказал, пока тебя не было дома. Если бы ты умер, сказал он, он бы стал мне мужем, отцом, братом. Он бы женился на мне, сказал он. Право же, мне жаль видеть, как мало у бедного мужчины ума и благочестия, что он так постыдно использует друга своего.

Итак, сообщив тебе, таким образом, что было бы для меня желательно, а что было бы нежелательно, я прошу, когда ты станешь графом, отпустить мне еще 2000 фунтов сверх указанного и вдвое больше прислуги.

Твоя любящая жена

Элайза Комптон

Автору «Бездельника»

Перевод Полины Лёвкиной

В марте 1789 года в журнал «Бездельник», издававшийся студентами Оксфорда Джеймсом и Генри Остинами, поступает укоризненное письмо от юной особы, подписавшейся Софией Сентимент. Многие исследователи полагают, что автор письма — тринадцатилетняя Джейн Остин.

Сэр,

Пишу сие, дабы Вы знали, что Вы столь далеки от моей благосклонности, что, ежели не исправите своих манер, я вскорости прекращу наше знакомство. Да будет вам известно, сэр: я очень много читаю. О сотнях томов романов и пьес даже и упоминать не стану, в последние же два лета мне довелось прочесть все занимательные публикации наших самых прославленных журнальных авторов, от «Татлера» и «Очевидца» до «Микрокосма» и «Ольи Подриды». Поистине я превыше всего на свете ценю периодические издания, те в особенности, в коих довольно рассказов, да страниц не слишком много. Признаться, сердце мое радостно затрепетало, едва я услышала о выходе Вашего журнала в свет; я послала за ним сей же час и с тех самых пор его получаю.

Однако прошу меня простить, сэр, но, по сути, такого несусветного вздора я в жизни не встречала: да, кое-что написано недурно, выбор же тем столь скверен, что ни в жизнь никого не заинтересует. Вообразите только, в восьми выпусках не поместили ни одной душещипательной истории о любви, благородстве и всем подобном. Ни одной восточной сказки с ее пашами и отшельниками, пирамидами и мечетями, даже ни одной аллегии или сновидения не появилось до сих пор в «Бездельнике». Что же нам за дело, любезный сэр, до того, как оксфордские мужи растрачивают время свое и

деньги, — нам, коим довольно и наших собственных хлопот? Я, со своей стороны, лишь однажды посещала Оксфорд и знаю наверняка, что не намерена бывать там впредь. Меня провели сквозь столь угрюмые часовни, запыленные библиотеки и смрадные залы, что я на двое суток сделалась слаба. Касаемо же последнего Вашего выпуска, рассказ был весьма хорош, но ни любви, ни леди в нем не было, по крайней мере, ни одной юной леди; и я недоумеваю, как совершили Вы подобную оплошность, коль скоро могли с легкостью ее избежать. Вместо того, чтоб удалиться в Йоркшир, герой мог бежать во Францию, где, знаете ли, мог полюбить французскую пейзажку, что оказалась бы великородною особой. Либо Вы могли заставить его поджечь монастырь и похитить монахиню, которую он впоследствии обратил бы в свою веру, или нечто подобное, дабы внести немного сумятицы, придав увлекательности повествованию сему.

Словом, представьте нашему взору сколько-нибудь впечатляющих рассказов, поведайте о злоключениях, выпавших на долю двух влюбленных, внезапно умирающих по дороге в церковь. Заставьте возлюбленного погибнуть на дуэли или сгинуть в морской пучине, либо пусть он застрелится, если угодно; что же до его госпожи, то она, конечно, должна будет впасть в безумие; либо, по Вашему разумению, можете убить даму и заставить обезуметь любовника; помните только: что бы Вы ни сделали, герой и героиня должны питать друг к другу нежнейшие чувства и обладать прелестными именами. Если Вы вознамеритесь внять моим наставлениям, ожидайте услышать обо мне вновь, и, может статься, я даже окажу Вам небольшую помощь. Если же нет — пусть об издании Вашем в кондитерских лавках судят, а сами Вы прозябайте холостяком, коему докучливая сестра-девица станет дом вести.

Ваша, соответственно поведению Вашему,

София Сентимент

Человек-слон

Перевод Зарины Дзарасовой

Конец XIX века. Председатель Лондонской больницы пишет в «Таймс», рассказывая, чем закончилась удивительная история Джозефа Меррика — Человека-слона, которого приютили в больнице и содержали на пожертвования читателей. Биография Меррика легла в основу фильма Дэвида Линча «Человек-слон».

16 апреля 1890 г.

Редактору газеты «Таймс»

Сэр,

В ноябре 1886 года, благодаря Вашей участливости, в газете «Таймс» появилось мое письмо, в котором я попытался привлечь внимание к обстоятельствам жизни Джозефа Меррика, известного как Человек-слон. Это единичный случай такого удивительного невезения. Его физические недостатки были настолько отталкивающими, что он мог зарабатывать на жизнь, лишь выставляя себя напоказ любопытной толпе. После того, как полиция этой страны небезосновательно заинтересовалась этим делом, один австрийский проходимец вывез его за границу и стал показывать в европейских странах. Но однажды этот господин скрылся, прихватив с собой денежные средства, кропотливо накопленные Мерриком, и оставив беспомощного горемыку в нищете и без связей в чужой стране.

С огромным трудом ему удалось каким-то образом добраться до Лондонской больницы, где его временно приютили благодаря отзывчивости одного из хирургов. Тем не менее его будущее оставалось неопределенным. Человеческое сострадание не позволило нам снова выкинуть его на

улицу, поэтому я обратился к Вам, и с тех пор все невзгоды рассеялись; многие прониклись сочувствием к его судьбе, и, хотя другого подходящего жилья никто не предложил, удалось собрать сумму, достаточную для того, чтобы содержать его до конца жизни, обещавшей быть недолгой. В качестве исключения комитет разрешил ему проживать в больнице при условии ежегодной оплаты средней стоимости одного койко-места.

Таким образом, бедный Меррик провел последние три с половиной года жизни в комфорте и вдали от любопытных глаз. Совместными усилиями руководству больницы, врачам, капеллану, монахиням и медицинским сестрам настолько удалось облегчить его страдания, что он даже стал называть больничную палату домом. Там он принимал сочувствующих посетителей, среди которых были и представители высшего общества, и в целом в его жизни появилось разнообразие и новые интересы: он много читал (книгами его снабжала одна великодушная дама, ярчайшая звезда театральных подмостков), он научился плести корзины и даже несколько раз побывал в театре, где ему отвели приватную ложу.

Ему пошли на пользу наставления нашего капеллана, и доктор Уолшен Хау, на тот момент епископ Бедфордский, приватно совершил над ним обряд конфирмации. Кроме того, ему разрешили находиться в ризнице, откуда он слушал службу и принимал в ней участие. За несколько дней до смерти Меррик дважды в день посещал службу и каждое утро причащался. Во время последнего разговора с капелланом Меррик выразил чувство глубокой признательности за все, что для него сделали, и поблагодарил Бога за то, что Он привел его сюда.

Я рассказал об этом так подробно, потому что, как мне кажется, его благотворителям хотелось бы знать, на что употреблены их средства. В прошлую пятницу днем он тихо умер во сне, хотя чувствовал себя как обычно.

В моем распоряжении осталась небольшая сумма от денег, полученных на его

содержание, и я предлагаю после выплаты благодарственных вознаграждений употребить ее на нужды больницы. Мне кажется, это созвучно желанию благотворителей.

Всегда, сэр, к Вашим услугам

Ф. К. Карр-Гомм

Лондонская больница

Я давно положил на вас глаз

Перевод Наталии Тарбеевой

*Йоркшир, вторая половина XIX века.
Старый фермер Саймон Фаллоуфилд сватается к деревенской девушке Мэри Фостер, которая давно была у него на примете. Не будучи близко с ней знаком, он делает это посредством письма. Известно, что мисс Фостер «заманчивое» предложение отклонила.*

Ноября 29-го дня 1886 года

Моя Дорогая Мисс,

Я берусь за перо, чтобы написать к вам, в надежде, что эти несколько строк найдут вас в том же добром здравии, в каком я сам нахожусь сейчас, когда их пишу, слава Богу!

Вы, верно, будете в удивлении от того, какой я бесцеремонный, что пишу к вам, такой из себя леди, и надеюсь, что вы на меня не станете злиться. Я с трудом набираюсь

смелости сказать, что мне нужно, я очень робок с дамами, и мое сердце трепыхается как прятка. Но однажды я вычитал в книге, что слабым духом не завоевать прекрасную леди, так что — вот оно.

Я фермер небольшого хозяйства и по годам многим старше сорока, и моя мать живет со мной и смотрит за домом, а еще она с недавних пор совсем плоха и не поспевает за всем, и вот почему мне будет удобнее при жене.

Я давно положил на вас глаз, и я полагаю, что вы очень милая молодая женщина, которая осчастливила бы меня, если бы того пожелала.

Мы держим служанку — доить трех коров и помогать по дому, и еще она, бывает, летом дергает сорняки, а по осени — репу. Я делаю часть работы на ферме сам и хожу на рынок в Пейтли, куда иногда пригоняю нескольких овец, и еще я откармливаю трех-четырёх свиной к Рождеству, свинину мы и сами едим (пироги печем и такое всякое) и заготавливаем на продажу, чтобы оплатить ячменную муку.

У меня есть около 73 фунтов в банке Найсбро, и у нас тут милая маленькая гостиная с синим ковром и камином, у которого на одной стороне пытит печка, а на другой — старуха. Христианские Правила висят на стенах над длинной скамейкой, и вы могли бы сидеть весь день в кресле, вязать и чинить мою одежду, а еще вы могли бы готовить чай к моему приходу и делать масло на продажу в Пейтли, а я бы возил вас в церковь каждое воскресенье в телеге и делал бы все, что в моих силах, чтобы вы были счастливы. Так что я надеюсь услышать от вас.

Я в отчаянии и всерьез намерен жениться на вас в майский же праздник, или если моя мать умрет раньше, то и вы мне понадобится раньше. Если бы вы только приняли мое предложение, моя дорогая, мы могли бы быть очень счастливы вместе.

Надеюсь, что вы мне дадите знать, что у вас на уме, с обратной почтой, и если вы благосклонны ко мне, то я тут же подвернусь к порогу.

Пожалуй, на этом все от вашего поклонника и возлюбленного

Саймона Фаллоуфилда

P. S.: Надеюсь, вы меня не станете упрекать — если вы не примете мое предложение, у меня есть на примете еще одна милая женщина, так вот, если вы его не примете, я думаю жениться на ней. Но я все же думал, что вы-то лучше сойдется с моей матерью, оттого что она порой сварлива. Сообщаю вам это сейчас, загодя, потому что она тут хозяйка.

Горе проходит, но мы остаемся

Перевод Татьяны Ильиной

Массачусетс, конец XIX века. В этом мудром и трогательном письме Генри Джеймс утешает эссеистку Грейс Нортон, впавшую в депрессию после смерти близкого. Джеймс дружил со всеми членами семьи Нортон, а его переписка с Грейс длилась несколько десятков лет.

28 июля 1883 г.

Бостон

Дорогая Грейс,

Перед страданиями других я в высшей степени бессилён, а письмо, которое я получил от Вас, раскрывает такую глубину горя — я с трудом нахожусь, что сказать. Разумеется, я не закончу на этих словах, но я должен был с них начать. Воистину, Вы не одна пребываете в таком душевном состоянии: я говорю про состояние, когда кажется, что все беды человечества свалились на Ваши плечи, и я боюсь, что, отдавая всю себя, Вы остаетесь ни с чем: что Ваше сочувствие безответно, что оно приносит вам только муку, ничего не давая взамен. Тем не менее, я намерен говорить с Вами не иначе, как голосом стойков.

Я не знаю, зачем нам жизнь — этот дар послан неизвестно откуда и неизвестно с какой целью; но я убежден, что стоит продолжать жить, хотя бы по той лишь причине (с некоторыми оговорками), что жизнь — это самое ценное из всего известного нам, и, надо полагать, было бы страшной ошибкой отречься от нее раньше срока. Другими словами, наше сознание — это безграничная сила, и, хотя порой кажется, что безгранично и его страдание, в то же время оно разрастается волна за волной, питая нашу способность чувствовать, порой, впрочем, против нашего желания, как бы мы ни скрывались, ни мучились, ни молили об обратном, что-то держит человека в жизни, укрепляет его позицию во вселенной, и от этого, пожалуй, лучше не отказываться. Вы правы в своих суждениях, что мы отзвуки и отражения одного и того же, и с Вашей стороны поистине благородно проявлять интерес и сострадание ко всему окружающему — похоже, это имеет облагораживающий и благоприятный эффект. Однако ж, умоляю, не расточительствуйте сострадание и любовь, помните, что каждая жизнь — это особая задача, но не Вам ее решать, ограничьтесь сложнейшей алгеброй собственной жизни. Не растворяйтесь в окружающем, оставайтесь как можно более твердой, крепкой и несгибаемой. Мы живем бок о бок, и те из нас, кто любят и понимают других, живут полнее всего. Мы поддерживаем друг друга, порой неосознанно, и, принимая свою ношу, тем самым облегчаем ношу другого, делаем вклад в общее благополучие, помогаем жить остальным. Горе накрывает большой волной, Вам ли этого не знать, но оно также и уходит, оставляя нас, пусть почти задохнувшись, тем не менее, на

том же самом месте, и, очевидно, что если горе было сильным, то мы сильнее, ибо оно прошло, а мы остались. Оно изнуряет, истощает нас, но мы также изнуряем и истощаем его. Горе слепо, однако мы в какой-то мере зрим.

Дорогая Грейс, Вы проходите сквозь тьму, в которой я, в силу своего невежества, ничего не вижу, кроме того, что Вам ужасно нездоровится: но это только тьма, это не тупик и не конец. Постарайтесь не думать, не переживать, не делать выводов и не принимать решений — оставьте все и ждите. Все пройдет, но покой и примирение с неизбежным, и свобода от иллюзий, и любовь добрых людей, и новые возможности — словом, многие вещи в жизни — останутся. У Вас столько всего впереди, и я помогу Вам. Тем временем, об одном прошу, постарайтесь не раствориться. Держитесь изо всех сил, я настаиваю на этом, чтобы независимо от того, как быстро мчится лошадь, когда она остановится, в седле сидела немного взволнованная, но абсолютно та же Г. Н. Будьте здоровы — это все, ибо впереди будущее. Успех Вам предначертан, и Вы не должны подвести. Мои самые добрые чувства и уверенность всецело с Вами.

Навсегда Ваш верный друг — Генри Джеймс

Горе пройдет, а мы останемся

Перевод Евгении Агадуллиной

Бостон, 28 июля

Моя дорогая Грейс,

Я абсолютно беспомощен перед лицом страданий других людей, а письмо, которое ты мне прислала, пронизано такой болью, что я не знаю, что тебе сказать. Я не остановлюсь на этом, но мне важно было с этого начать. Истина в том, что ты не одинока в своих чувствах. Ты словно приняла все страдания человечества на себя, и я беспокоюсь за то, что ты отдаешь этим страданиям всю себя, ничего не получая взамен. Твое сочувствие безответно, оно оборачивается для тебя лишь болью и не приносит никакой пользы. Однако я настроен говорить с тобой исключительно в русле стоицизма.

Я не знаю, почему мы живем — дар жизни приходит из неизвестного мне источника с неведомой целью, но я верю, что нужно жить дальше, ведь (в определенной степени, конечно) жизнь — самое ценное, что нам известно в этом мире, и поэтому, вероятно, большой ошибкой было бы отказаться от нее, пока источник еще не иссяк. Другими словами, возможность чувствовать — безграничная сила, и, хотя временами возникает ощущение, будто все, что мы чувствуем, — это боль, в том, как она накатывает волнами, не давая нам потерять чувствительность, даже когда кажется, что мы больше не вынесем, не хотим выносить и молимся о том, чтобы не чувствовать, что-то удерживает каждого из нас на его месте во вселенной, и от этого не стоит отказываться. Ты права в своем осознании, что все мы — отзвуки и отражения единого целого, и я вижу благородство в твоей заботе и сострадании по отношению ко всему, что тебя окружает, потому что они создают устойчивость и гармонию. Только молю тебя, не распространяй свое сострадание и нежность на все вокруг. Помни, что каждая жизнь — отдельная задача, которую всем нужно решать самостоятельно, и сосредоточься на своем личном уравнении несчастий. Не растворяйся во вселенной, оставайся целостной, крепкой и нерушимой настолько, насколько это возможно. Мы проживаем жизнь вместе, особенно ярко это ощущают те, кто знают и любят друг друга. Мы помогаем друг другу даже неосознанно: делая свой вклад, мы облегчаем чужую ношу, даем другим возможность жить. Волны горя накрывают нас с головой, тебе ли этого не знать, но они отступают, и, хотя они почти лишают нас возможности дышать, мы

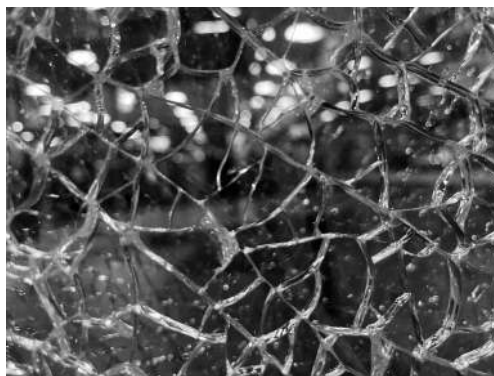
понимаем, что, несмотря на их силу, мы сильнее, потому что горе пройдет, а мы останемся. Горе изматывает нас, использует нас, но мы отвечаем ему тем же, при этом оно слепо, а мы вновь обретаем способность видеть.

Моя милая Грейс, ты проходишь через темные времена, и, вдобавок к тому, что скрыто от моих глаз, они значительно подорвали твое здоровье. Но это временная темнота. Это не полярная ночь и не вечная тьма. Думай и чувствуй как можно меньше, не делай выводов и не принимай решений, просто жди. Все пройдет, и останется умиротворение, примирение с загадками и разочарованиями, нежность добрых людей, новые возможности и другие радости жизни. У

тебя все впереди, и я тебе помогу. Только не рассыпайся на части. Я настаиваю на том, чтобы ты сознательно сохраняла свою целостность, тогда, несмотря на то, как быстро будет скакать конь, когда он остановится, в седле будешь, пусть немного взволнованная, но все та же ты, Г. Н. Самое главное — постарайся не болеть, потому что от этого зависит будущее. Тебя ждет успех, ты не можешь не справиться. Прими мои самые теплые чувства и веру в то, что у тебя все получится.

Твой верный друг навечно

Генри Джеймс

Зонтик

Ирина Макшеева

— Ир, я тебя больше не люблю.

Отворачиваюсь. Натягиваю одеяло повыше, смотрю в окно на мигающую телебашню. По стеклам стекают капли дождя. Что это значит — то, что муж минуту назад сказал в нашей спальне. Как это понимать? И что должна делать я? И должна ли? Засыпаю только под утро. Ответов нет.

Проходит пара холодных осенних недель. А может, даже больше. Время, как ни странно, продолжает тянуться, жизнь тоже. После работы жду развозку у офиса. Автобус подъезжает, коллеги распределяются по местам. Сажусь одна у окна. Внутри муторно и туго, будто в сердце что-то застряло и не выходит. Странное ощущение, раньше у меня его не было. А теперь оно со мной почти каждый день. Обычно по-вечерам, когда отправляюсь с работы домой.

Ночью вырезаю из бумаги, клею, брызгаю краской, подыскиваю подходящую фотку для самодельной открытки мужу. У него завтра день рождения. Подбираю слова, ищу их в сердце. Том, в котором фонит инородный предмет. Нахожу. Открытка получается зачётная — дерзкая, непричёсанная, немного хипстерская. В его стиле. Должна понравиться.

— Прикольно! — говорит муж с утра и ставит её на полку.

Надеюсь, я его удивила. Ищу ответы в его глазах, пытаюсь распознать намёк на чувство в голосе, жду тёплых слов. Спешу домой с работы. День завершается распитием чая с тортом из продуктового на первом этаже, которым мы угощаем гостей.

— Иди спать, я сам уберу, — говорит он, гремя посудой. Если это теплые слова, я их дождалась.

Я тебя не люблю. No te amo. I don't love you. Any more. Ich liebe dich nicht. Nicht mer.

На уроке немецкого нужно рассказать про семью. Ich habe zwei kinder und ein man. Man habe ich. Habe или не habe? И как это — когда муж бросает словно между делом в постели: б о л ь ш е н е л ю б л ю. Шмяк, и слова отлетают от меня, словно мячик. Я отказываюсь принимать пас! Я не буду. Я буду делать вид, будто их не слышала. Entschuldigung, ich förster Russisch nicht. Только сердце опять болит по дороге домой. Будто кол забивают внутрь, а потом проворачивают. Так же настойчиво втыкают зонтик от солнца на галечном пляже. Всаживают его в камни, а потом крутят и крутят, пока он достаточно плотно не укрепитесь. Втыкать зонтик надо основательно, чтобы ветром не унесло.

По ночам муж не спит. Смотрит сериалы и пьёт водку. По дороге в уборную в пять утра вижу его обмякшее тело: голова на столе,

титры давно проиграли, пустая рюмка проветривает зев. А он храпит.

Не, не. Не, не не. Тебя не. Я тебя не. Не люблю. Люблю. Блю, блюуюю, блюуюю...

Видимо, я недостаточно умная, чтобы понять. Поэтому в меня эти слова, эти смыслы надо втыкать, втыкать и проворачивать, как тот злосчастный зонтик. Больше водки. Больше тусовок по ночам. Больше поездок с друзьями, пока я дома одна с детьми. Больше унижительных криков, когда я делаю что-то не так, то по глупости, то по забывчивости.

Я тупая. До меня не доходит. Я русский не понимать.

В мой день рождения встаю раньше всех. Перед работой хочу успеть к психологу. Только он меня и спасает от того, чтобы не сдохнуть в эти беспросветные дни. За окном темень. Так всегда в мой ДР в конце ноября. Надеваю на работу нарядное платье из тех немногих, что у меня есть, крашусь чуть больше, чем обычно. Люблю свой день рождения, ведь это праздник имени меня. Когда была маленькая, родители клали подарок на стул рядом с кроватью. Этим утром нет подарка на стуле. Нет открытки и поздравительных слов. Взрослая жизнь — это вам не прогулка с папой и мамой в выходной день. Это будни, зачастую гораздо более суровые, чем школьные.

После завтрака не доношу стакан до раковины. Промахиваюсь буквально на сантиметр. Подлая стекляшка разбивается вдребезги, сотни мелких осколков разлетаются по кухне.

Плачу навзрыд. Почти кричу. Муж просыпается и входит в кухню. Теперь кричит он. Кричит о том, что нечего бить стаканы и будить людей, что надо взять себя в руки, перестать думать только о себе.

— Витя, у меня сегодня день рождения! Ты меня даже не поздравил. Зачем кричишь?

— Я потом хотел тебя поздравить. Ну, с днём рождения. — Почёсывает живот и возвращается в спальню.

Кажется, я начинаю понимать. Кажется, да. Вот что значит «больше не люблю». Пластиковый кол воткнул по самое не могу, дальше некуда. Я выхожу на остановку, жду автобус в центр. Идёт мокрый снег. Вдалеке нарядно светится телебашня.

— А я тебя люблю. Любила, — шепчу я. Трамвай разбивает мои слова грохотом железных колес. Лю-била. Била, била, била и прошло... И прошло.

Неслучившийся рейс

Екатерина Хэтрик

После утомительной поездки по ночному Тбилиси яркий свет аэропорта ослепляет привыкшие к темноте глаза. Очередь к стойке регистрации кажется бесконечной. Ожидая момента, когда смогу сдать багаж и получить посадочный талон, я непроизвольно вспоминаю, как долго добиралась до Грузии, и думаю о предстоящем пути в Мексику. Я преодолею любые расстояния ради встречи с мужем, которого не видела уже долгие месяцы.

Пока я достаю документы, за соседней стойкой кто-то спорит с представителем авиакомпании. Я не успеваю прислушаться к разговору — подходит моя очередь. Приятная улыбка сотрудника аэропорта улетучивается, как только я протягиваю ему свой паспорт.

С непроницаемым лицом он принимает его листать. Страницу за страницей. Молчит, будто не видит меня. Кому-то звонит. Я искренне жалею, что не говорю по-грузински. Наконец, сотрудник поднимает на меня глаза, и пол проваливается из-под моих ног, утягивая в бездну воспоминаний.

Я уже видела этот взгляд.

...тогда я все поняла. Мир на какое-то мгновение перестал существовать, сердце остановилось и пропустило несколько ударов. Консул посольства США опустила мой паспорт и листик отказа в ящик. Придвинула его ко мне.

— К сожалению, ваша виза не одобрена.

Осознавая, что в эту самую секунду рушатся мои мечты и надежды спустя целый год увидеть любимого человека, я не мигая смотрела на консула, парализованная её взглядом — будто сожалеющим, но холодным и решительным.

Я навсегда запомнила этот взгляд.

Представитель говорит, что не может посадить меня на рейс. Я его почти не слышу. Внутри что-то растёт, отчаянно рвётся наружу. Неконтролируемое и пугающее. Злоба, обида, усталость от всего, что копилось внутри с самого февраля. Звуки сливаются в нарастающий гул. Свет пульсирует и раздражает. Руки — то ли от ярости, то ли от страха — дрожат. Я стискиваю зубы.

— Это потому, что я русская, да? — произношу, ощущая искры в собственных глазах.

Кажется, мой взгляд говорит больше, чем слова. Сотрудник шумно выдыхает и начинает трогать бумаги на столе, будто те способны помочь ему произнести то, что я так жажду услышать, — правду. Наконец, его лицо вновь приобретает непроницаемое выражение, и в меня летит заученный текст:

— В данный момент мы не допускаем на рейс пассажиров, не имеющих гражданства Мексики. Таким образом мы препятствуем нелегальной иммиграции.

«Какая, к чёрту, иммиграция?!» — чуть не кричу я, но вместо этого лишь спокойно спрашиваю:

— И что же мне теперь делать? Мне завтра необходимо быть в Мексике. Вы не можете просто так снять меня с рейса.

Но они могут.

Бессмысленные слова. Пустые глаза. Безразличие и жестокость рубцуются новым шрамом в душе.

Когда первый шок проходит, и мир вокруг вновь начинает двигаться и звучать, я замечаю, что спорящие у стойки регистрации люди отошли в сторону. Прислушавшись, я убеждаюсь, что они говорят на русском языке.

— Наша авиакомпания никак не может посадить вас на рейс. Я не знаю, как... — отстраненно повторяет сотрудник.

— Понятно. — Я хватаю чемодан и направляюсь к группе, которую, очевидно, тоже не пустили на рейс.

Я поднимаю паспорт. В ответ мне молча машут красными паспортами. Слова не нужны.

Мы наблюдаем, как люди, говорящие на самых разных языках, проходят регистрацию на рейс. Сотрудники вежливо улыбаются, желая им приятного полета. Удивительно, как много языков знают граждане Мексики! Я

отворачиваюсь. Такую неприкрытую ложь видеть невыносимо.

Я позлюсь завтра. Сейчас нужно найти способ улететь к мужу. Ведь он ради меня взял отпуск и прилетел из Америки в другую страну. Почему немецкая авиакомпания лишает нас возможности провести вместе хотя бы несколько дней из-за того, что от нас не зависит? Ведь никак не зависит!

Недопущенные на рейс соотечественники требуют, чтобы главный представитель авиакомпании объяснил нам всё как следует. И он объясняет.

— Вы никуда не улетите! — кричит он. — Делайте что хотите, на этот рейс вы всё равно не попадете.

Это я схожу с ума или весь мир?

Через несколько часов безрезультатных попыток добиться справедливости я вместе группой красных паспортов и поникших голов покидаю аэропорт. Солнце встаёт за слепым горизонтом.

Я останавливаюсь и закрываю глаза, со злой решимостью прогоняя дрожь. Однажды я уже объехала несколько стран, чтобы после двух отказов получить визу США и встретиться с любимым человеком. Не сдамся и сейчас. Переплыву океан, если потребуется, но доберусь до своего мужа. Потому что никто — ни консулы, ни авиакомпании — не смеют нас разлучать.

Моей щеки касается едва теплый луч восходящего солнца. Я открываю глаза и полной грудью вдыхаю прохладный утренний воздух, наблюдая за тем, как в Тбилиси наступает новый день.

Несовпадения

Нагежга Флайг

— Надь! Ты ЭТО видела?! — В кухню вваливается уже абсолютно пьяный Женька из группы операторов.

Я сижу на табуретке у стола и нервно вздрагиваю. Сердце громко падает вниз и разбивается вдребезги. Только никому, кроме меня, не слышно.

Стараясь не дрогнуть голосом, отвечаю:

— Видела.

Стараясь не дрогнуть рукой, достаю сигарету из пачки на столе.

Заторможенно, словно прислушиваясь к командам, которые отдает телу мозг, прикуриваю. Все, кто сейчас на кухне, тоже уже видели, просто не знали, как реагировать. Все, кто сейчас на кухне, наблюдают за тем, как среагирую я. Большинство смотрит сочувственно, меньшинство — непонимающе. Я тоже в меньшинстве. Я наблюдаю за собой изнутри не-по-ни-ма-ю-ще. Почему я тихо сижу на кухне. Не выбегаю из квартиры, не скандалю, не плачу.

Ко мне подсаживается Андрей из группы звукорежиссеров. Он старше всех на потоке, ему уже двадцать шесть. Я ему очень нравлюсь, а он мне — нет. Потому что я люблю своего парня, Сережку, который сейчас целуется в соседней комнате с Яной из группы

телеведущих. Кобель. Я знала. Но, как все наивные влюбленные восемнадцатилетние дуры, надеялась, что со мной он перестанет им быть. А он сейчас у меня на глазах целуется с другой бабой. У поблескивающей фонариками и мишурой елки. Среди танцующих пар студентов нашей школы телемастерства. А я сижу на кухне. Как зависший компьютер. Равнодушно улыбаюсь. Делаю вид. Вид делаю, что меня это не задевает.

Андрей, спасибо, что ты не пользуешься моментом и не пытаешься меня активно клеить. Вернее, то, что от меня осталось.

Ты даже смотришь не с жалостью, а как всегда. И главное, не задаешь вопросов и не комментируешь. Как и я, прикидываешься, что ничего не случилось.

— Надь, ты видела? — рвет меня в клочья вопрос очередного свидетеля того, что Сережа меня больше не любит. Что Сережа бросил меня здесь, в этой чертовой чужой квартире, через полчаса после наступления нового 1996 года. Словно дал кирзовым тяжелым сапогом под дых на глазах у всех в атмосфере праздника, тостов, танцев и загадывания желаний.

— Да, — коротко киваю я и с повышенным интересом переспрашиваю Андрея: — Так что тебе сказали на ННТВ?

Четыре утра. Мед-лен-но. Поднимаюсь с табуретки, которая стала частью меня в эту ночь.

Словно старуха, с трудом надеваю пальто и упрямо твержу:

— Нет, я пойду. Сейчас уже что-то ходит. Какой-нибудь автобус.

Не выдерживаю чрезмерной заботы столпившихся в прихожей и резко огрызаюсь:

— Не надо вызывать такси! Пешком, если что. Да! На другой конец.

Город, уже притихший после бурной ночи. Или это я ничего не слышу.

— Надь. Надя. Надя.

Чья-то рука то трясет меня, то раскачивает из стороны в сторону, то бьет по щекам.

— Очнись. Ты чего? Ты чего тут в сугробе уселась? Ты дура, что ли?

Медленно разлепляю веки.

Холодно. Господи. Как же холодно. Внутри. Снаружи. В сердце. Так холодно. И так больно.

Андрей сидит передо мной на корточках. Зло сверлит взглядом.

— Вот как чувствовал, — нервно бормочет он. — Как толкнул меня кто пойти тебя искать.

Он больно тянет меня за руку, словно хочет ее или оторвать, или вывернуть.

— Андрей, — едва слышно зову его я.

Он сердито смотрит мне в лицо.

— Я жить не хочу, — с трудом шевеля губами, говорю я. И наконец-то начинаю плакать.

Предчувствие

Ольга Буянова

Мне десять. Я сижу на уроке литературы и вывожу в тетради витиеватую полую фразу по заданной теме, просто чтобы заполнить лист. Я пытаюсь сделать так, чтобы сочиненное не выдало моего отношения: вообще-то мне глубоко все равно, что имел в виду автор. Звенит звонок, я быстро захопываю тетрадь и с облегчением избавляюсь от неё, кидая в стопку на столе училки. Последний урок, но я не иду домой: останавливаюсь перед расписанием и залипаю на прыгающих в глазах буквах. Подходит подруга и спрашивает меня, готова ли я идти. Я не готова, но идти всё равно придётся. По дороге из школы я тащу подругу в магазин, потом на территорию детского сада, где мы обычно тусуемся. Я спешу заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не идти домой, и в конце концов подруга не выдерживает и говорит, что уже поздно и ей надо идти, иначе бабушка будет волноваться. Я говорю, что, напротив, ещё слишком рано и можно сходить к гаражам посбивать сосульки. Она все же решает оставить меня и настойчиво прощается. Я стою на дороге и смотрю ей вслед, пока она наконец не скрывается из виду. Когда и это дело исчерпано, я перевожу взгляд на горы и смотрю на них: горы никуда не собираются, и на них можно смотреть вечно. Становится

холодно, и у меня начинают замерзать ноги. Я прощаюсь с горами, поворачиваюсь к ним спиной и иду к дому. Жизнь превращается в линию, с которой уже не свернуть, можно только сбавить скорость, но это не изменит необходимости пройти через точку А, а затем через точку Б. Подъезд встречает меня тишиной, и у меня есть ещё три этажа времени, чтобы остаться в этой детской жизни. Первый, второй, третий. Перед тем как позвонить, я прислушиваюсь: за дверью ни звука. Ни нервного голоса мамы, ни звона посуды, хотя время обеда уже подошло. Ничего. Я звоню. Не сразу, но я слышу шаги. Медленные, тяжёлые. Открывается дверь. Мама впускает меня в квартиру. В её красных глазах такая же тишина. В гостиной сидят знакомые родителей. Молча. Мама ведёт меня в мою комнату. Она хочет мне что-то сказать, но у неё не получается, и она начинает плакать. Я начинаю плакать вслед за ней. Она всё-таки произносит одну фразу: «Папа умер». Я не верю ей. В моём мире папа не может умереть, а для детской любви нет границ. Я говорю, обращаясь не к ней, а к кому-то, кто имеет власть над жизнью и смертью: «Я не хочу, чтобы было так». И время останавливается. Навсегда.

Волшебные пирожные

Нагежга Ожигина

В буфете было ванильно-кремово.

Сережа стоял на цыпочках и зачарованно смотрел через стекло.

Даже запах можно было глотать: такой густой, марципаново-сливочный, ягодный и ореховый, будто лето взбили в фарфоровой миске.

А за дверцей притаилось настоящее чудо!

Целое блюдо пирожных — крохотных, но таких волшебных, с башенками крема, с цукатами, с мармеладными цветами в корзиночках теста, что Сережа не мог сдвинуться с места.

«Это папа принёс! Ну, конечно! Вечером мама поделит поровну, и братика угостит, и сестру, хотя она вредина невозможная. И даже няню Наташу!»

Интересно, какое получит Сережа? То, с цветочками? С шоколадной крошкой?

Он скрипнул дверцей буфета, оглядываясь по сторонам. Пирожных на блюде много, а Сережа попробует только одно, самое красивое, с розочкой и листиками из мармелада!

Вечером, когда стол был накрыт любимой маминной скатертью и расставлены чашки и блюдца, и самовар пыхал жарким боком, вся семья собралась пить чай.

Папа торжественно объявил:

— Я сегодня побывал в волшебной кондитерской и купил необычные сладости. У пирожных, как мне сказали, есть одно чудесное свойство: их нельзя кушать тайком. У того, кто берёт угощение без спросу и не делится со своей семьёй, вырастают рога и уши! Потому что обманывать близких и брать без спросу нехорошо!

Сережа как подпрыгнет на стуле!

Как начнёт ощупывать лоб и уши!

А остальные как засмеются: и мама, и сестра. И даже папа!

— Попался, сладёна! — закричала сестра, вытирая слёзы кружевной салфеткой.

Сережа не знал, куда спрятаться. Голова чесалась, и уши горели.

— Давайте пить чай, — успокоил папа. — Я пошутил, Сережка!

Возмущенная няня Наташа внесла хрустальное блюдо, на котором осталось одно пирожное с самой маленькой горкой крема и обломанным шоколадным листком.

— Это не я! — крикнул Сережа.

Но рога и уши уже росли. Уши были длинные, как у осла, покрытые мягкой шерсткой. А рога небольшие, так, бугорки, ни боднуть, ни похвастаться в классе.

— Ой! — удивился папа.

У мамы, вредной сестрицы и у него самого вдруг шевельнулись волосы.

Сережа начал хихикать.

Самые красивые уши выросли, конечно, у мамы: пушистые и кучерявые, свисали почти

до плеч. У сестры торчали какие-то трубочки, будто грибы в прическу вплели. Так ей и надо, вредине! А у папы зато ветвились рога — настоящие, лосиные, загляденье!

Лишь у братика все осталось как было. Он же маленький, не смог дотянуться!

— Все шутки шутите, — обиделась няня, щупая острые полумесяцы под старомодной прической. — Дайте шляпу, пойду за микстурой.

Братик гукнул и полез на стол, схватил последнее пирожное с блюда, сунул в рот под испуганный мамин писк. Он хотел был таким как все: интересным, волшебным, с милыми рожками. А когда ничего не выросло, заревел от обиды на взрослый мир.

«В другой раз, — пожалел брата Сережа, — я тебе помогу забраться в буфет!»

Убийца хомячков

Нина Кугякова

Я убила хомячка. Теперь я настоящая убийца. Кто бы мог подумать. Точно не моя бабушка или первая учительница Светлана Николаевна. Да что там — я бы сама про себя такое не подумала бы никогда. Я же хорошая девочка. Но в тот летний день я стала убийцей хомячков.

Это произошло летом 1998 года в городе Вашингтон, округ Колумбия. Меня, десятилетнюю, занесло туда июньским ветром, мановением судьбы. Родители отправили на каникулы к бабушке с дедушкой, которые работали в посольстве. Наскребли долларов, собрали чемоданчик, посадили в аэробус, и через двенадцать часов я, позеленевшая от тряски и десертов, вышла в аэропорту имени Даллеса.

Мы жили на территории посольства за высоким забором где-то на окраине столицы. В похожих на джунгли зарослях неведомых мне деревьев прятались жилые корпуса, школа, библиотека, само посольство и бассейн. Там я и познакомилась с Ангелиной. Точнее, меня познакомила бабушка: «Вот Ангелиночка, очень хорошая девочка, она тебе всё здесь покажет». Красный купальник, резиночки на запястье, лисий прищур и улыбка как оскал. Дружить мне с ней не хотелось. Но Ангелиночка и правда старалась вести себя как гостеприимная хозяйка — всё мне рассказывала-показывала на территории посольства. А еще она часто смеялась без видимой на то причины.

Дня через три мы снова встретились, и Ангелина вдруг сказала:

— Пошли ко мне — посмотреть на хомяка. Дашка свою Мими нам оставила, сама укатила с семьей в Бостон.

Чужие дома меня смущают. Как пугливый зверек, я сразу чувствую незнакомые запахи квартиры, пытаюсь угадать, что за люди здесь обитают, не обидят ли. У Ангелины в доме пахло нестиранными вещами и освежителем воздуха для машины — апельсиновой елочкой. В ее комнате был хаос: игрушечные коровки и овечки валялись на ковре как после землетрясения. Со стола, заваленного рисунками и фломастерами, она схватила маленькую клетку и поднесла к моему лицу. В самом углу раздувался и снова сдувался бурый пушистый комочек.

— Это Мими! Смотри, какая милаха, всю ночь в колесе бегала, а сейчас дрыхнет. Эй, Мими, вставай! К тебе гости.

— Да не стоит ее ради меня будить.

Но Ангелина уже открывала клетку, и ее хищная лапа нависла над спящей Мими.

— Ничего, ща как проснется, как забегает.

Я предприняла последнюю попытку остановить Ангелину, сказала, что хомяк все-таки чужой, может быть, не надо его вообще доставать.

— А я уже ее вытаскивала, она так прикольно бежит по ковру.

Сонная Мими шмякнулась на пол и сразу побежала, не разлепляя глаз. Мы сели на ковер и стали наблюдать за тем, как смешно хомячок то утыкался в барашка, то переползал крокодильчика. Мими юрко и суетливо носилась по ковру, а Ангелина заливалась хохотом, держась за живот. Я тоже увлеклась и перестала беспокоиться.

Ангелина сквозь смех пыталась что-то сказать. Она, видимо, хотела встать и оперлась рукой об пол, но тут же ойкнула и отдернула ее обратно, как от горячей сковороды: «Мими!»

Глаза Ангелины вдруг расширились, и она уставилась на пол. Там, где была еще секунду назад ее рука, замерла Мими. Она не двигалась несколько мгновений, а потом медленно, подслеповато начала тыкаться мордочкой в разные стороны. Ее маленький носик был в крови. Кто-то с размаху ударил нас огромными медными тарелками по ушам. Мы застыли на месте и смотрели на Мими, как она своим окровавленным носиком словно ловит воздух и никак не может его втянуть.

— Это не я! Это не я!

Ангелина, бледная, вскочила и начала бегать вокруг Мими, хватаясь то за полотенце, то за коробку салфеток. Наконец она нашла где-то кусочек ватки и трясущейся рукой промокнула хомяку носик. Потом взяла Мими, как фарфоровую куколку, и посадила в клетку. Там хомячок продолжал слепо водить мордочкой и с трудом дышать. Ангелина плакала и причитала «чтожеделать», а я смотрела на всё это, как на странный фильм, и внутри меня расплзался липкий страх.

Внезапно раздался звонок в дверь. Мы посмотрели друг на друга, потом на клетку — Мими лежала на боку и не шевелилась.

И тут неприятный фильм совсем замедлили. Ангелина бежала к двери, открывала ее так, как будто дверь весила тонну, в проеме появилась большая фигура. «Это она! Это все она!» Слова будто ударили меня под дых. Лицо Ангелины было всё мокрое и некрасивое, глаза бегали, как у затравленного зверя. В коридоре, как каменная глыба, стояла высокая и крепкая девочка, ее взгляд исподлобья уставился на меня.

— Это она, она! Сказала «достань хомячка, мы с ним поиграем», и вот!

Ангелина что-то еще лепетала, пока мы с Дашей, хозяйкой хомячка, смотрели друг на друга. Ее взгляд давил меня, словно поехавший вдруг вниз потолок. Я поняла одно — сейчас нет никакого смысла что-либо говорить, как-то объяснять. Любое мое слово сразу станет жалким оправданием. И я ушла. Просто молча прошла мимо них и пошла домой.

По дороге меня потряхивало, словно ток пускали внутри. Я не могла плакать, не могла думать, в голове только сидела одна мысль: «Теперь я убийца. Убийца хомячков». Как я могла рассказать бабушке, что на моих глазах сейчас среди бела дня умерло живое существо, а меня обвинили в убийстве? Я не могла поверить в две вещи — что смерть приходит так внезапно и что люди могут так трусливо обвинять невиновных.

Дома я до вечера смотрела телевизор, а уже в кровати расплакалась. Я злилась на Ангелину, я боялась встретиться с Дашей и посмотреть ей в глаза. Я плакала о Мими, которая бегала и смешила нас, а через минуту уже лежала и не дышала. И больше никогда, никогда, ни в одном из существующих миров уже не сможет бегать и кого-то смешить. И мне было жалко Дашу и страшно было представлять, что она сейчас чувствовала.

На следующий день в бассейне я встретила Ангелину. Она трусливо избегала меня и даже не смотрела в глаза. Мне было больно и противно ее видеть, и я пошла в раздевалку. Два шага по поддону с холодной хлорированной водой, потом девять шагов по лестнице вниз, толкаю дверь — ныряю в пар от горячего душа. Кто-то здесь есть. Поднимаю голову — этот тяжелый взгляд. Даша. Мне стало холодно в нагретой паром раздевалке, и я замерла, думала, она меня сейчас ударит. Я была готова. Я же убийца. Но она просто прошла мимо. Молча.

Мои каникулы пронеслись, как воскресные серии мультиков Диснея. Я подружилась с Настей и Машей и забыла об этом происшествии. С Дашей я столкнулась только еще один раз. Она так же с ненавистью смотрела на меня, а я, гордо держа спину и нагло улыбаясь, прошла мимо. Для нее я навсегда останусь убийцей хомячков. Придется соответствовать.

Хук справа

Лага Щербакова

«Жидовка!» Слово — грязное, липкое, выпрыгивает, как коричневая лягушка. Скачет по пыльной выжженной зноем дорожке, оставляя за собой противную слизь. Людка Тяпкина по кличке Тяпка выплевывает из своего узкого рта одну лягушку за другой вместе с шелухой от семечек. Она ловко разгрызает их своими острыми мышинными зубками. Ей мама вчера целый пакет привезла. Правда, Людка говорит «мамка», а не «мама», и «кулек» вместо «пакет» — ну, наверное, у них в семье так принято.

Людка у девочек в лагере большой авторитет. Во-первых, она умеет садиться на шпагат и делать мостик — так, что голова оказывается у нее почти между ног. Во-вторых, у нее модная прическа — каре называется. А в-третьих, она уже с мальчишками целовалась. Врет, наверное, но почему-то все ей верят, хотя Людка тощая и некрасивая, зато очень самоуверенная. А я совсем не самоуверенная и совсем не тощая. Нормальный упитанный ребенок — мама так говорит. И у меня не модная прическа, а длинная коса почти до попы. Коса мне безумно надоела, но как только я завожу речь о том, чтобы ее отрезать, бабушка грозит умереть и обещает, что ее смерть будет на моей совести.

Я давлю предательские слезы и вытаскиваю из рукава козырь: а у моего папы есть лодка, моторная! И я умею рулить! Аргумент, конечно, так себе, шестерка козырная, максимум семерка — на дурака. Лодка у папы и правда есть, но Тяпка мне ни за что просто так не поверит. Она презрительно

хмыкает, небрежно поддувает спадающую на глаза челку и выпускает наружу очередную уродливую лягушку. Мне хочется сказать Людке что-то обидное в ответ, а еще лучше — толкнуть ее прямо в колючий шиповник, чтобы стереть с ее лица эту самодовольную ухмылку.

— А ты, а ты... — Я никак не могу подобрать обидное слово. — Дура!

— Сама дура, — хмыкает Людка, сминает опустевший бумажный пакет и бросает его в кусты. Тот цепляется за ветку и остается болтаться серым ошметком среди зеленой листвы. Людка ржет, и ее подружки хихикают вместе с ней.

Я отворачиваюсь и ухожу. Стараюсь глубоко дышать и идти медленно, чтобы мое отступление не выглядело как бегство. Ужасно хочется разбежаться побыстрее и прыгнуть с головой в прохладную речную воду. Но ходить к реке без вожатых категорически запрещено. Вон, Димку и Толика из второго отряда поймали и отчислили, а на следующий день за ними приехали мрачные родители и забрали домой. Все им сочувствовали, а я подумала: может, мне тоже на пляж сбежать? А Машку попросить, чтобы меня «выдала». Тогда меня тоже домой отправят. Там никто лягушками не плюется и свекольный салат есть не заставляет. Вот только мама и папа сильно расстроятся. Папа эту путевку еще с зимы в заводском профкоме «выбивал».

Я бреду к нашему корпусу — надо найти Машку. Машка классная, похожа на Антошку, который копал картошку, — конопатая и рот до ушей, с ней не соскучишься. Она, наверное, на репетиции — завтра конкурс талантов. Я так и не решила, что буду делать — петь или стихи рассказывать. Да и какая разница, если Людка голову между ног засунет, и ей первое место тут же отдадут. Я спотыкаюсь, наступив на собственный ремешок от сандалии. Ремешок порвался, волочится по земле, клац-клац — бряцает об асфальт металлической застежкой. Оторвать его, что ли?

Проходя мимо столовой, чувствую запах — сладкий, ванильный. А вон и Машка бежит — два хвостика по богам подпрыгивают, как собачьи ушки, и улыбается во весь рот — как всегда. Я тоже невольно улыбаюсь в ответ. По правде говоря, не так уж здесь и плохо. Если, конечно, не считать свёклы, молочного супа и Тяпки с ее лягушками. Зато здесь очень вкусные булочки — нам их дают на полдник. Белые, воздушные, присыпанные сахарной пудрой и всегда мягкие — нажмешь пальцем на тонкую корочку, а палец проваливается. Отщипываешь кусочек, и в рот. Сахаринки на зубах хрустят, тают, стекают сладкой струйкой на язык, и в животе так хорошо становится! Лучше булочек только пляж. Мы туда каждый день ходим. Песок — как в фильме «Золото Маккены», горячий, блестящий, струится сквозь пальцы золотой пылью. И река — прохладная, тягучая. Мама говорит, что в прошлой жизни я была дельфином. Меня из воды вообще не вытащишь, даже за булочку. Жаль, что купаться можно всего по десять минут — по очереди с другими отрядами. И поплавать толком никак — на глубину не пускают, плещемся, как малышня, в лягушатнике.

Вокруг пляжа растут огромные, скрипящие на ветру сосны. Шурша засохшими иголками, мы забираемся в самую гущу. Сегодня у нас секретный эксперимент — Машка придумала. Она вытягивает свою веснушчатую руку и замирает. На нее тут же устраивается комар и медленно ввинчивает тонкий хоботок под кожу. Он увлечен удачной охотой и совершенно беспечен. Затаив дыхание, мы наблюдаем его кровавую трапезу. Пузико наливается, круглеет, вот-вот лопнет.

Хрясь! Машка смачно прихлопывает его ладошкой, размазывая по руке окровавленные останки. Получай, фашист, гранату! Теперь моя очередь. Я, наверное, вкуснее, потому что на меня пикирует сразу целая армия голодных монстров. Я визжу, размахиваю руками, верчусь и подпрыгиваю. Машка хватается огромную корягу, издает воинственный клич и бросается в атаку. Эй-эй, смотри, не убей! Мы падаем на теплую выцветшую траву и хохочем, как безумные.

Отряхивая застрявшие в волосах иголки, выбираемся из чащи. У реки гул, гвалт: мальчишки в вышибалы играют, девчонки в кружок сбились, стрекочут. Людка-Тяпка в своем вечном шпагате сидит. И вдруг кто-то как закричит — смотрите, смотрите, лодка! Все к воде кинулись, а у меня сердце стучит, из груди выпрыгивает. Дыр-дыр-дыр! Этот звук я не спутаю ни с чем на свете! Папа. ПА-ПАААА!!! Я срываюсь с места, падаю в песок, вскакиваю, бегу, спотыкаюсь и снова падаю. Но никто не смеется, даже Людка. Папина лодка, тихо жужжа уставшим мотором, медленно подплывает к берегу. Трепещут невидимые всем людкам и тяпкам на свете алые паруса. Папа — загорелый, мускулистый, — ловко соскакивает прямо в воду. Я прыгаю в его сильные руки, мертвой хваткой цепляюсь за шею.

Папа забирает меня под расписку до самого вечера. Я забираюсь в лодку и краем глаза замечая Людку — подбородок вскинула, губы поджала. «Пап, а можно я порулю?» Папа оглядывается на притихший пляж и хитро улыбается: «Да не вопрос, давай только мотор заведу!» Мы мчимся по реке, подставляя лицо брызгам и ветру. Лодка то и дело подпрыгивает на встречных волнах — ууух! Быстрее, быстрее!

Мы бросаем якорь у поросшей мхом скалы, жуем приготовленные мамой бутерброды. Как же я соскучилась по докторской колбасе! Ммм! Над нами кружатся и нервно покрикивают чайки: дай-дай-дай! Я кидаю им кусочки хлеба.

— Нормально, — отвечаю я с набитым ртом, — только одна девчонка все время обзывается. Людка Тяпкина.

— Обзывается?

— Угу, говорит, что я жидовка.

Папа отворачивается и что-то рассматривает вдаль, потом размахивается и подбрасывает в небо остатки бутерброда. Сразу несколько птиц пикируют на него и визгливо ругаются, сталкиваясь крыльями: дрянь-дрянь-дрянь.

— А ты что?

— Я? А что я? Говорю, что она дура.

— Продуктивный разговор! — хмыкает папа.

— Да я вообще не хочу с ней разговаривать.

— А вот это правильно. С дураками и невеждами лучше не разговаривать. А знаешь что? — Папа на секунду задумывается. — Если эта, как ее там, Людка, еще раз такое скажет, я тебе разрешаю: дай ей прямо в нос!

Он видит мое удивленное лицо.

— Да-да, я не шучу. Помнишь, как я тебе показывал? Резкий хук справа, чтобы противник опомниться не успел? — Папа сжимает кулак и четким отрывистым движением выбрасывает его вперед. Неужели он и правда всерьез?

Мне становится смешно. Я представляю Людку в кустах с подбитым носом и круглыми от удивления глазами.

— Вот так, да? — показываю я и смеюсь еще сильнее. — На тебе, на, выдра костлявая!

Папа подставляет ладонь, и я луплю по ней, как по боксерской груше: хук справа, хук слева. Фууу, как жарко. Все, не могу больше! Я перелезаю на корму и прыгаю за борт. Меня охватывает прохладная муть реки. Мелкие рыбешки испуганно шарахаются в сторону. Я ныряю до одури, плаваю до изнеможения, потом переворачиваюсь на спину, раскидываю широко руки и замираю. Где-то высоко в небе лениво похихатывают чайки. Пора возвращаться.

Подъезжая к берегу, папа сбавляет ход и глушит мотор. Мы медленно подплываем к пляжу — здесь уже пусто. Папа выпрыгивает из лодки, подхватывает меня и ставит на землю. Кладет руки мне на плечи, внимательно смотрит и вдруг говорит:

— Если хочешь — поедem домой.

Станный он сегодня какой-то. Неужели снова всерьез? Я задумываюсь на мгновение.

— Не, пап, не могу. Завтра конкурс талантов, а потом — турнир по пионерболу, меня в команду взяли! А потом...

— Все, все, понял! Значит, по расписанию. И помни! — Он снова резко выбрасывает кулак.

Я улыбаюсь, крепко обнимаю его за шею и звонко целую в щеку — маме привет передай! Надо поторопиться. Машка, наверное, уже заждалась, а нам еще репетировать сегодня, я ей обещала, что мы на конкурсе дуэтом споем. И ужин пропустить не хочется, там сегодня вкуснота — куриные котлеты с пюре. Ускоряю шаг. Пряжка от сандаляного ремешка весело цокает об асфальт: дзинь-дзинь. Надо бы пришить.

Айфон

Ксения Кусова

Первые часы рабочего дня бурлят в пупке предвкушением, как бокал шампанского в последние минуты перед Новым годом. А как иначе! Сегодняшнее число можно пометить красным в календаре: Николай Федорович наконец купил свой первый айфон.

Оригинальный. Исключительно прочный и с самым быстрым на рынке процессором. Новейшая модель трехлетней давности! Николай так гордится этим достижением, что всерьез планирует поносить смартфон денек, как знамя, поделиться своим золотым (позолоченным, с оттенком плесени — зато под цвет глаз!) счастьем, а потом достать свою старушку-Нокиа и поставить айфон памятником перед рамкой с красным дипломом. Чистит экран той же шелковой салфеткой, которой уже второй год натирает табличку с титулом «государственный налоговый инспектор» на двери своего кабинета и только после этого, погладив себя по залысине, отправляется на офисную кухню, выстукивая торжественный марш каблуками. Топчется у кулера: то выглаженный до подпалин ворот рубашки подправит, то на всосанный в позвоночник живот штаны натянет — накинёт ремень «под крокодила» на некормленные тазовые косточки, как на крючок для пальто — танцует со своим ненаглядным айфоном польку до тех пор, пока в двери не влетает Елизавета Львовна. Женщина здороваётся по-солдатски коротко, цокая к кофемашине — ни тебе «что у вас новенького?», ни «какая обновка у вас прелестная, шестидюймовая и, главное, с интуитивно понятным интерфейсом!».

Львовна, может, и старше его в два раза, и должность у нее повыше, но и он — не хер с горы.

— Вы только гляньте на время! — с притворной безучастностью умоляет он, засовывая смартфон с датой на искрящемся чистотой экране в ноздри Львовне. — Только приехал, а уже, считай, на обед пора.

Без толку — надменная старуха все так же безразлично крутит чайной ложкой по кружке.

— Читала ваш отчет, кстати. Прекрасная работа, Коленька, вы далеко пойдете.

И уцокивает. Вот так нахально берет — и сваливает, даже не взглянув на его сокровище.

И так всегда: горбатишься-горбатишься, а всем плевать — никто даже с обновкой не поздравит, никто не похвалит.

Вместо обеда Николай рассказывает охраннику Иванычу про отсутствие багов и интуитивно понятный интерфейс на айфонах, а мужик про местных нарушителей трудовой дисциплины завывает — «никто работать не хочет — всем лишь бы в курилке трещать». Ну и ладно, и к черту дедов — им все равно не понять. Тогда, может, хоть Катя, оператор из контакт-центра, поймет его радость —

молодая девчонка же, студентка-заочница, должна пищать при виде блестящего телефончика. Но хрен тебе, Николай Федорович! Она и не пытается слушать: пихает ему в лицо шоколадку, благодарит за помощь с университетской домашкой на прошлой неделе. А потом и вовсе принимается показывать ему фотки своей псины, пижоня айфоном поновее — не слишком новее, естественно, да и все равно у модели Николая эргономика лучше — только чтобы унижить его! Та еще хвастунья.

И так весь день. Сколько ладоней он душит, сколько лицемерных «что бы мы делали без вас, Коленька» ему в горло засовывают, сколько идиотских вопросов про его здоровье, настроение, планы на вечер, да хоть про его задницу — и никто, ни одна живая душа не поздравила его с обновкой. Не уважают и не ценят Николая в этом крысятнике.

Все люди мелочные и жестокие — это он с первых насмешек за поношенные кроссовки на физкультуре помнит. Суешь им в рожи бриллианты на золотой тарелочке, а они нос воротят — все-то им мало. Ничем их уже не увидишь.

Только мама за него. Поздравляет, хотя об айфонах-то и не слышала: до сих пор чахнет над кнопочным кирпичом с пикселями в половину экрана — подарком Николая пятилетней давности.

— Покажи им всем, дорогой, — радовалась она вчера союзу Николая и его сокровища. — Будут знать, как смотреть на таких, как мы, свысока — покажи им всем.

Люди — меркантильные зверьки. Хочешь в стаю — скрывай запах парфюмами от Диор, повторяет себе Николай, вспоминает заповеди, которые мама заставляла его зазубривать вместо теорем по геометрии, с которыми он уже давно должен был смириться.

И все равно до порога квартиры обидается, как больной зуб.

— Уволюсь к чертям собачьим, — шмыгает Николай после работы над кружкой остывшего чая.

Наташа, стойчески пережившая восемь таких угроз, на девятый раз все-таки ломается и выдыхает так устало, будто пытается сдуть Николая с его же кухни.

— Блестящая мысль! Останешься без работы и с голой задницей — и покажешь всем кузькину мать.

Конечно, ей не понять. Его добрая, до глупости добрая девушка, отправляющая в рот пятый кусок колбасы за вечер, вместо того, чтобы припасти палку до ближайшего праздника; его наивная, до безрассудства наивная Наташа, выросшая в крепости московской квартиры и в броне из отцовских денег — конечно, она, смотрящая на человеческие уродства сквозь пальцы в золотых колечках, никогда не поймет его.

Он верил, что Наташа — тоже его сокровище. Его золотое счастье с выгоревшими волосами, теплыми ладонями, размазывающими малиновый крем по его затылку, и пытливыми глазами, глядящими на Николая с нежностью даже в его обшарпанной коммуналке. И даже она его не поздравила как надо. Выдрессировано улыбнулась, обняла, как пьяница — фонарный столб, и перевела тему на себя любимую и свое дурацкое четырнадцатое февраля.

— Не хочу видеть больше этих уродов. Лицемеры! Притворяются вежливыми, сюсюкаются, делают вид, будто им не плевать на меня, но не могут и слова доброго сказать.

Глаза Николая застилают красным маревом — несправедливо, какой же этот мир несправедливый! Он так занят попытками сжать кулаки до размеров пылинки, что даже

забывает возмутиться, когда Наташа затыкает ему рот колбасой.

Ей плевать. Плевать на его дипломы, зарплату, айфоны — она поднимается и целует его в лоб. Еще одна лицемерка.

— Ну и придурок ты, Коля. — Футболка ее пахнет пушистыми духами, которые отец привез ей из командировки в Италии. — Плевать всем на дорогие игрушки. Кому какое дело до айфонов? Правильным людям твоя противная рожа куда интереснее.

Кому какое дело до айфонов?..

В его черепе, кажется, разбивается яйцо. Стекает по шее ледяными ручейками, догоняя

несущиеся по спине мурашки.

Конечно. Ну конечно!

Наташа права. Господи, как она права! В глазах Николая озарение взрывается сверхновой, в ушах завывает симфонический оркестр, ему хочется плясать, нестись, раскинув парусом руки, через поле ромашек. Наташа права! Кому какое дело до айфонов! Это же такая мелочь. Как он мог быть так слеп? Дурак, вот дурак.

Айфоны ведь уже давно не в тренде: пора брать кредит для покупки машины. Вот тогда-то люди его точно зауважают, мама будет им гордиться, а Наташа — полюбит.

Арабеска

Лиза Оганесян

— Болит? — Фатима сочувственно на пару секунд переводит взгляд с трассы на мои обгоревшие плечи.

— Чуть-чуть. Уже почти нет.

— Как ты так? Забыла кремом помазать?

— Забыла.

— Не надо так, солнце тут бывает очень злое.

Мы едем в небольшой древний городок на севере страны, где у троюродной сестры Фатимы завтра состоится свадьба.

— Знаешь, а там водятся джинны.

— Да прям?

— Настоящие! Клянусь, я сама видела. Рассказали бы — не поверила.

— Ну что же, посмотрим.

— Причем, знаешь, бывают джинны злые, а бывают — добрые. Злые могут вселяться в людей. У двоюродной сестры моего отца было

такое, к ней даже приходил имам, читал суры, и с ней такое творилось, ты не представляешь. Я сама там была, видела все своими глазами, это было так страшно. Вот, посмотри на мою руку, я только вспоминаю, а уже вся мурашками покрываюсь.

На ночь мы останавливаемся в отеле нашего преподавателя по «Литературе в визуальном искусстве», он называется «Арабеск», и там очаровательный внутренний дворик с пальмами, прохладные каменные стены и оригинальные картины Кадишмана — невинные агнцы с большими глазами. Хочется раскинуть руки, обнять их и прижаться своим лицом к их вытянутым лбам.

Мне нравится ванная комната в моем номере: она выложена мелкой разноцветной плиткой — оранжевый, зеленый, желтый, красный. Гель для душа с огурцом и йогуртом почему-то пахнет морем, солью, песком и хлоркой из бассейна.

Когда я выхожу из ванной, из зеркала на меня смотрит какой-то человек — он кажется очень высоким, с белой-белой кожей и большими практически прозрачными глазами.

— Ты кто?

— Я джинн.

— Неправда, джинны не живут в зеркалах, они живут в лампах или каких-нибудь других сосудах.

— Это не так.

— А ты добрый джинн или злой?

— Девочка, да ты вообще ничего не знаешь о джиннах — мы не злые и не добрые, так же, как и вы. Ладно, это неважно, потом считаешь. У меня очень мало времени, так что внимательно слушай и загибай пальцы. Раз, большой — кефир с печеньем на работу привозят тем, кого любят. Два, указательный — буква, которую можно есть пустой, это К. Средний — никогда нельзя читать чужих дневников. Безымянный — на Северном полюсе всегда дует южный ветер. Мизинец — дыши полной грудью и не забывай о животе.

— И зачем мне это?

— Просто подумай. — Пшик, и джинн из зазеркалья исчезает.

Ночью я не могу уснуть, мне не нравятся незнакомые кровати, я не люблю мягкие матрасы и подушки, тут душно, жарко и нечем дышать. Я выхожу во внутренний дворик, там тоже мало воздуха, зато с неба во все глаза таращатся звезды. Я делаю полный вдох, и тут все то, о чем говорил джинн, становится простым и понятным.

Конечно, кефир на работу привозят тем, кого любят. Нет ничего удивительного в том, что Ваське преодолеть страх смерти помог турецкий бездомный кот, который пытался украсть ее трусы, которые она повесила сушиться на балкон. Носорог никогда не сможет продудеть в свой рог. В 2021 году «Арабеск» был практически полностью разрушен ракетой, запущенной из Газы. Георга VI звали Альберт. Я случайно разбила зеркало в десять лет, потому что мне не хотелось в него смотреться.

Совсем скоро я поцелую гладкий лед Байкала. Через пару месяцев со мной познакомится мальчик, улыбнувшийся мне в январе со сцены. Скорее всего, мы встретимся в квартире у общих знакомых, которых я пока не знаю. В мае я буду сидеть в Душанбе в квартире человека, с которым не общалась семь лет. Он мне по ошибке напишет, мы разговоримся, и он позовет меня в гости. Я поеду. Абрикосовый сок будет капать на мое синее платье. Мы будем говорить обо всем на свете. Потом он улыбнется и спросит, напишу ли я о нем когда-нибудь текст.

— Обязательно напишу, — отвечу ему я.

— Красивый и добрый?

— Красивый и добрый!

Беговая Сашка

Евгения Мусеева

— Беговая ты, Сашка, — приговаривала бабушка.

Когда искала подслеповатыми глазами занозу на Сашкиной ладошке. Когда краем передника утирала Сашкины слёзы после драки с соседским мальчишкой. Когда вытаскивала из куста крапивы, куда Сашка свалилась с велика.

— Одно слово — беговая, — добавляла бабушка и каждый раз тяжело вздыхала.

В свои шесть Сашка не понимала, что это означало, но хотела разобраться.

— Баба, а ты меня любишь? — подкатывала издалека.

— Любишь-любишь. — Бабушка улыбалась морщинками у глаз.

— Тебе хоть капельку нравится со мной жить?

— А куда от тебя денешься? Не выкинешь же.

Сашка знала: это не со зла, голос-то ласковый. Просто ворчала, а сама даже в угол ни разу не поставила. Добрая очень, а ещё тёплая и мягкая, в неё всегда хотелось

зарыться. Сашка любила утыкаться лицом бабушке в живот и вдыхать запах старого передника. Парное молоко, шанежки с творогом, сено в сарае, хозяйственное мыло, что-то ещё непонятно-манящее. Ароматы оживали в Сашкином воображении, приплясывали, растворялись. Будоражили, возбуждали, заводили.

— Любишь меня, любишь. И я тебе сильно-сильно. — Сашка обнимала бабушку за ноги и прижималась крепче.

— Люблю, конечно, — гладила её по льняной макушке бабушка.

— А мама? Она меня не любит?

— Кто тебе такую ерунду сказал?

— Ну я же не с ней, а дети должны жить с родителями. Значит, не любит.

— Любит. Просто твой папа далеко, на небе. Мама одна тебя поднимает, надо деньги зарабатывать. Поэтому она на Севере.

— А разве нельзя здесь деньги зарабатывать? И я рядышком. — Сашка никак не могла уловить логику.

«Взрослые такие странные. Зачем жить на Севере, как мама, или на небе, как папа. Белые медведи могут съесть. Да и на небе что, только облака. Скучотища. То ли дело в деревне».

— Вот приедет, у неё и спросишь, —
отмахнулась бабушка.

Сашка вздохнула и приняла решение дождаться маму и спросить, почему она живёт отдельно, а заодно и кто такая «бедовая».

* * *

Мама приезжала в отпуск летом, когда на лугу созревала земляника. Сашка ждала этого события больше, чем Нового года, потому что мама привозила подарки, всегда разные — жуть, как интересно! Огромный чемодан, с крышки которого улыбались красивые тётеньки на переводных картинках, казался Сашке волшебным ларцом. Чего там только не было! Пупсик с шевелящимися ручками и ножками, плюшевый мишка со стёклышками вместо глаз, яркие книжки — каждый раз новый сюрприз. Повторялся только мармелад в жестяной коробочке, Сашкино персональное лакомство.

Каждый раз перед приездом мамы Сашка сочиняла новую историю, в которой мармелад попадал к ней через приключения. Как в «В гостях у сказки». Например, что мама — прекрасная принцесса, и её заколдовал злой волшебник. Она не может выбраться из замка и поэтому долго не привозит мармелад. Зато помощники-гномы пересылают от неё письма в конвертах с яркими марками и коричневой печатью. Вскрывала их бабушка. Медленно, будто специально испытывала терпение. «Ну ба-ба!» — прыгала вокруг Сашка. Та не спешила. Насаживала на нос очки, протягивала конверт на солнце и отрывала тонкую полоску. Затем вытаскивала листок и принималась читать. Вслух, с выражением.

Письма всегда начинались одинаково: «Дорогие мои родные: мама и доченька». Потом шёл длинный рассказ, какая на Севере погода, как мама выполняет на работе план, на какой фильм сходила с подругой. Сашка ёрзала на стуле и ждала: напишет ли мама, что приедет?

— Ну что, пляши! Скоро приедет твоя красавица. — Бабушка сняла очки и заулыбалась.

— Ур-ра, мама приедет! А скоро, ба?

— Да уже через две недели.

— А это сколько?

— Четырнадцать дней.

Сашка уже умела считать до ста, поэтому принялась отмерять дни. Не просто зачеркивать крестиком в календаре, как бабушка, а по-своему. Делала секретки. Один день — один секретик. Каждое утро шла в огород и между кустами смородины вырывала маленькую ямку. На дно укладывала фольгу, на неё цветной осколок, бусинку или обрывок цепочки. Сверху накрывала эту красоту стеклом и любовалась. Целая картина под землёй! Оставалось только воткнуть палочку, чтобы не забыть, где спрятан секретик.

Четырнадцать дней тянулись медленно. Так бабушка пряла: скручивала мягкий комоч шерсти, оттягивала, наматывала на веретено. Всегда хотелось подлезть и помочь прясть побыстрее.

— Бабушка, а мама меня заберёт? —
волновалась Сашка.

— Если будешь себя хорошо вести —
наверное.

Сашка не понимала, что значит вести себя хорошо, и продолжала жить как жила. Весело и беззаботно. В первые три секретика тайком сбегала на речку с соседом Серёгой, дала дёру от противного гуся, которого сама и раздразила, залезла на высокий забор и разодрала шорты.

— Да что ж ты за бедовая такая, — ворчала бабушка, штопая порванные шорты. — Вон посмотри на соседскую Иринку. Платьвица носит, вежливая, ведёт себя хорошо.

«А-а, “хорошо” это как противная Ирка. Сидеть на лавочке со старухами, исподтишка показывать пацанам язык и носить платя с оборками».

Сашка не хотела быть как Ирка. Подлиза и вредина. И платя не любила. В них неудобно рыть окопы для войнушки и убегать в догонялки. «Ну ладно, если мама точно заберёт, можно и платя надеть», — решила Сашка и, пока бабушка возилась в огороде, зарылась в шифоньере в поисках своих платяев. Они точно где-то были, мама привозила, но не нашла. Зато попались на глаза бабушкины.

Одно, аккуратно свернутое, хранилось под грифом «На смерть». Сашка покрутила его так-сяк: чёрное, длинное, тяжёлое. «Кажется, не очень». Отложила. Другое, бабушка ходила в нём в амбулаторию и в сельмаг, всегда нравилось: коричневое, с кружевным воротником и рукавами фонариком. Сашка потёрлась о платя щекой: мягкое, как сама бабушка. Натянула прямо на одежду, расправила воротник, а чтобы не волочилось, подвязала пояском. Настежь открыла дверцу шифоньера, покрутилась у зеркала и довольно показала себе язык. Платя так платя, лишь бы маме понравиться!

* * *

Встречать маму пошла бабушка. Как только закрылась калитка, Сашка влезла в бабушкино платяе, то самое, для сельмага и амбулатории, убрала с подоконника герань и заняла её почётное место. Неторопливо тикали часы, лениво тянулся в будке Пират, даже куры передвигались по ограде еле-еле. Никому не было дела, что приезжает мама.

Сашка уже задремала, когда с улицы донёлся лай. Она прильнула к окну и сначала даже не поняла, что это мама. Раньше у неё были короткие прямые волосы, а тут красивые локоны, чёлка подобрана ободком. Как актриса с фотокарточки. А может, не мама? Да нет, лицо её. А чего тогда стоит у калитки как вкопанная? Рядом такой же вкопанный коричневый чемодан. Точно мама: её чемодан, видно переводные картинки с красивыми тётеньками.

Сашка спрыгнула с подоконника, подтянула пояс на платяе. В горле стало сухо и захотелось кашлять. Она много раз представляла, как мама сбежит от злого волшебника, примчится к ней и закружит на руках, а сейчас смотрела на дверь и боялась. Вдруг маме не понравится платяе? Или сама Сашка?

Дверь распахнулась. Сначала вошёл чемодан, за ним бабушка, и только потом мама. Не снимая смешные туфли на толстой подошве стремительно направилась к Сашке.

— Доча! — присела на коленку и так сильно стиснула Сашку, что та пукнула от неожиданности. Сашка испугалась, что мама почует запах, и сжалась, как ёжик в минуту опасности, но та как будто не заметила и продолжала тискать. С объятий перешла на поцелуи. Лоб, одна щека, нос, вторая щека. Сашка не любила чмокания, и как только мама на секунду отводила глаза, вытирала ладошкой место, где касались губы.

— Какая ты большая стала! — Мама наконец отодвинула Сашку от себя и принялась рассматривать. — Ой, а барахло-то зачем нацепила!

Мама рассмеялась. Противно, как Ирка.

— Я тебе красивых платьев навезла, смотри. — Мама как фокусник коснулась крышки чемодана, и он мгновенно открылся.

— Это бабушкино. Любимое. А я ненавижу платья, — сквозь зубы выдавила Сашка, вконец расстроенная. Слёзы подкатили к горлу.

Спасла бабушка, подлетела и захопотала вокруг мамы. Сашка шмыгнула в комнату, забилась на корточках в угол, натянула ненавистный наряд на колени и заревела. «Я же стара-а-лась», — размазывая локтем слёзы, бормотала Сашка. Солёная водичка дорожкой текла по пухлым щекам, пробиралась между губ и слегка их покалывала. Жалость к себе сменилась злостью. Сашка ненавидела маму, Ирку и весь белый свет. Сорвала с себя платье и прямо в трусах вылетела через двор в огород. Вот они, палочки между кустами смородины. Захлёбываясь слезами, Сашка выдернула все четырнадцать. Нет больше никаких секретиков!

* * *

В этот вечер Сашка долго не могла заснуть. Прокручивала в памяти каждую деталь уходящего дня. Ёрзала по кровати, считала барашков — сон не шёл. Переживала: не получилось вести себя хорошо. Ну зачем психанула и сломала секретики? Коробку с мармеладом отшвырнула, когда мама подлизывалась. И, главное, не спросила у мамы, кто такая «бедовая».

От волнения Сашка чуть не описалась. Побежала на ведро и увидела, как мама и бабушка пьют чай, о чём-то перешептываясь. Сашка тихонько пописала, на цыпочках пробралась на кровать и легла так, чтобы слышать, о чём говорят на кухне.

— Повзрослела она. Теперь мармеладками не откупишься.

— Ну что мне делать-то, мама. Виктор неплохой мужчина.

— А раз неплохой, чего замуж не зовёт?

— Мать его против. Не хочет, чтоб с ребёнком брал.

— Что за мужик такой, что у матери совета спрашивает. Своей башки нету, что ли?

— Зато помогает. Тяжело мне, мама, одной. Ну не виновата же я, в конце концов, что вдовой осталась в двадцать один да с малым ребёнком на руках.

— Ох, доча-доча. Судьба у тебя — не пожелай врагу. Муж непутёвый был, по пьянке угорел, и Виктор этот ни рыба, ни мясо. А Сашку ты забирай, дети должны при родителях быть.

— Да не рви ты мне сердце. Не могу сейчас. Может, мать его отойдёт — тогда.

Дальше слушать Сашка не стала. Накрылась с головой одеялом, углом подушки зажала рот, как кляпом, и выругалась: «Ну и живи со своим Виктором, и мармеладки ему покупай. Зато мне не надо быть как Ирка, всё равно не забереешь».

В эту ночь Сашка поняла, что бедовая это та, которая живёт с бабушкой и не нужна маме.

* * *

Они шли по подмороженной разбитой дороге. Впереди, не оглядываясь, мама тащила грузный чемодан. Иногда останавливалась, чтобы передохнуть и проконтролировать Сашку. Та плелась, как телёнок, которого отняли от тёплого вымени и ведут к новому хозяину. За ней, осторожно перебирая ногами в суконных сапогах, ковыляла бабушка. Мама забирала Сашку в город.

Автобус уже стоял на площадке. Седой водитель в шапке-ушанке плюнул на огонёк папироски, бросил окурочек в застывшую слякоть и растоптал носком грязного ботинка:

— Ну чё, в город?

Сашка крепко вцепилась в бабушкину руку и по привычке уткнулась в живот. Жёсткая ткань пальто неприятно царапнула лицо. Аромат парного молока остался в переднике, а вместо него — запах осеннего ветра.

— Баба... — Сашка подняла голову и умоляюще впилась в бабушкины глаза. — Я больше не бедовая, да?

Глаза бабушки намокли, она отвела их в сторону автобуса и привычным жестом погладила Сашкину макушку. Через мохнатую шапку та не почувствовала мягкой ладони.

— Заходим, дамочки, заходим.

Мама слегка подтолкнула Сашку в автобус. «Хр-рук», — противный звук резанул по ушам. Скрипучая дверь закрылась.

Сашка приклеилась к окну, расплющив нос. Растопыренные ладони навела к лицу бабушки и гладила в том месте, где та кончиком платка утирала глаза. Внутри открылся краник. Слезы бежали, и вот уже бабушка стала расплывчатой. Автобус тронулся.

* * *

— Ну, доченька, входи, теперь это наш дом. — Мама распахнула дверь.

Сашка замерла на пороге. Напротив окна, заклеенное по краям газетой, по обе стороны от окна — кровати, застеленные одинаковыми клетчатými покрывалами. Ни тебе нарядных занавесок, ни связанных крючком накидок на подушках.

— Ну, смелее!

— Я боюсь, — призналась Сашка, прижимаясь к косяку.

— Чего, доченька?

— Злую волшебницу.

— Не сочиняй, нет никаких злых волшебниц.

— Есть, — упиралась Сашка. — Мама Виктора. Это же она заколдовала тебя и не пускала жить со мной. Вдруг опять украдёт тебя?

— Откуда знаешь про Виктора? — Мама присела перед Сашкой на колени и серьёзно посмотрела прямо в глаза.

— Подслушала, когда ты бабушке рассказывала.

Мама взяла Сашкины руки в свои:

— Не беспокойся, доченька, её больше нет. И Виктора нет. Я тебя больше не оставлю.

Сашка обвила ноги мамы и уткнулась в них. Шерстяная юбка пахла какими-то цветами, совсем не как бабушкин передник. Такого аромата Сашка ещё не знала, и он ей понравился: мама такая вкусная!

* * *

Сашка проснулась и потёрла кулачками глаза. Яркие лучи ослепляли, просачивались между ресницами, заигрывали. До этого несколько дней небо тяжело видело над головой, а тут, надо ж, как будто специально в день её рождения выпорхнуло солнышко.

Сашка сладко потянулась в предвкушении: впервые за шесть лет жизни её ждёт настоящий праздник! Раньше, в деревне, бабушка пекла в этот день творожные шанежки, и они лопали их на обед, а тут мама заказала торт и пригласила гостей. М-м-м, а ещё обещала, что с утра они пойдут на базар за продуктами.

Сашке нравилось ходить на базар. Нравилась шум и гам. Нравилась толстая тётка в белом фартуке — продавец мяса. Она так смешно красила губы: красная помада выходила за линию, прямо как у клоуна. Нравился закоулок на базаре, где продавали вещи. Хоть Сашка там ни разу и не была, всё равно нравился. Манил неизвестностью. Всякий раз, когда они приходили на базар, Сашка тянула маму в глубину прилавков.

— Ма-ам, ну пойдём, посмотрим.

— Что там смотреть, тряпки одни.

— Ну пойдём тряпки посмотрим.

— Чего смотреть, если не покупать. Барыги такие цены ломают за импорт ношенный, что никакой зарплаты не хватит.

Сашку такое объяснение влекло ещё больше: хотелось узнать, кто такие барыги, импорт, и почему мама произносила это с раздражением.

«Ба-ры-ги», «им-порт» — иногда по слогам проговаривала Сашка. Как же они звучали! В воображении плыли красивые женщины из журнала в парикмахерской, сапоги-чулки воспитательницы и помада «Елена», которую маме подарила сестра. И ещё больше хотелось нырнуть в этот мир и посмотреть, как там. Ну хоть глазком! Самое обидное, что от добрячки с клоунскими губами до барахолки всего-то несколько шагов по дощатому тротуару. Только вот идти туда без мамы нельзя.

Уже купили мясо, и Сашка по привычке потянула маму за руку в сторону мечты:

— Ма-ам, ну пойдём.

— А пойдём! — вдруг радостно подхватила та, и они направились в сторону закоулка с вещами.

Это был такой же рынок, что и продуктовый: кучи мусора вдоль забора, сколоченные прилавки из почерневших досок. Никаких тебе барыг, обычные люди, правда, без белых фартуков, как у тёти-мясника.

Сашка с мамой медленно шли мимо рядов с разноцветной пряжей, яркими платками и музыкальными пластинками. У некоторых прилавков мама задерживалась, брала что-то в руки, спрашивала цену и возвращала на место. Сашке тоже хотелось трогать, но не осмеливалась, и тут... Яркое оранжевое пятно. Сашка замерла. Такой красивый цвет она видела только один раз, когда мама принесла перед Новым годом авоську с апельсинами. Что это? На белой ткани лежало платье: низ — цвета новогодних апельсинов, верх белый, с оранжевой оторочкой, а на груди красовалась аппликация с весёлой акулой. Платье было таким красивым, что Сашка вскрикнула:

— Мама!

— Да не любит она платья. Всё в брючках.

Та остановилась.

Продавщица упёрлась взглядом туда, где у Сашки был лоб, и скомандовала:

Из-за прилавка тут же выскочила продавщица и защebetала:

— А ну, иди сюда!

— Ой, оно как раз для вашей дочки. Хорошее платье. Кримпленовое. Вот проверьте.

Ловко подхватила платье и приложила к Сашкиной фигуре.

Женщина сжала низ платья в кулак, ткань чуть скрипнула.

— Ну вот, по размеру, я же вижу. Ой, а цвет как идёт к голубеньким глазам, смотри. За тринадцать возьмете?

— Натуральный кримплен, не мнётся. Сколько лет девочке?

— Не знаю даже, — мялась мама.

— Семь. Сегодня как раз исполнилось.

— Десятка. Больше уступить не могу.

— Ой, тем более надо купить. Подарок ей будет. Фирменное. Подруга-офицерша из Германии привозила моей дочке. Ой, всего несколько раз надевала, мало стало. Ой... — продолжала тараторить женщина.

Мама склонилась и в самое ушко, что стало щекотно, прошептала:

— Доча, оно мне тоже нравится, только это дорого. Ты же не любишь платья, купим и будет висеть.

— Тётя, а вы барыга? — прервала Сашка. Ей никак не терпелось получить ответ на свой вопрос.

— Люблю, люблю! — Сашка обхватила маму за шею. — Просто раньше я думала, что платья надо носить, чтобы тебе понравиться. А теперь ты победила злую волшебницу и забрала меня.

Мама дернула Сашку за руку, мол, не болтай ерунды, и чтобы оправдать Сашку, спросила:

— Ой, щекотно, — хихикнула мама и потрогала ухо. — А давай, доча! В честь дня рождения. И в ателье сходим, в нём сфотографируешься, и фотку бабушке отправим, пусть порадует. Мы возьмём его.
— Мама достала из сумки кошелёк.

— А сколько стоит? Дорого, наверное.

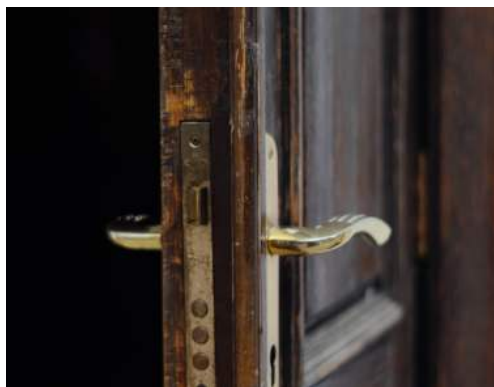
Женщина выпрямила спину и поджала губы:

Внутри Сашки сжался комочек и разорвался на сиксилиарды бенгальских огней.

— Хм, барыга. Вот ещё придумала. Продаю, потому что дочке маленькое. И недорого для такого. Пятнадцать рублей.

— Ур-ра! — запрыгала Сашка. Какая же у
неё добрая мама. И барыга добрая. И она

больше не бедовая. Она мамина.

Дверь квартиры №36

Алексей Смирнов

«Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

Густой храмовый чад, бряцание кадила. Нина Ивановна, блеклая и тучная вдова с повязанной косынкой, пыталась выудить утешение в монотонном гундеже иерея.

Для покойного мужа бог был тремя иконками в пластиковой оборке на панели скрипучей «десятки». И раз в год, весной — куличом, обтекающим сладкой глазурью.

Когда хор плакальщиц по-козлиному заблеял «Веечная пааамаяять», что-то прорвалось в Нине Ивановне, скривило рыданием рот и обдало присутствием незримого. Его хлебное дыхание касалось макушки. Близко до мурашек. С того момента Нина Ивановна всегда чувствовала, что он неотступно рядом.

Его присутствие умаслило жизнь, выправило на проторенную дорогу из молитв, свечек и исповедей перед усталым священником. По вечерам — чтение писания. Вслух, чтобы слушал взрослый сын. Или полушёпотом, шевеля губами. Читала взхлёб. С трепетом — о мстительном самодурстве ветхозаветного бога и с надеждой — о бунтарской жертве плотника. Дом наполнился иконками, постом и чудесами из отрывного календаря.

Вся эта медовая благодать христианства нравилась сыну Илье, от природы постному и замкнутому. Домашний, привязанный к матери, он, тем не менее, искал общения со сверстниками, не бурного, как закваска, а камерного, тихого. Искал единомыслия. И нашел: в своем же приходе встретил Веру — неловко сбитую девушку, похожую на сову из латинского бестиария. Фигура скована, а взгляд суматошный, колючий. И тихий настойчивый голос.

Нине Ивановне Вера понравилась. Таковую и хотела пару для сына: пряной красоты и жесткого, как проволока, нрава. С чуткими женскими пальцами, алчущими штопать и ласкать.

Жизни Ильи и Веры сплетались, как лоза. Сухо, древесно-настойчиво. Без драм и волнений, без добрачной близости. Не прошло полгода — обвенчались, стали плотью единой и пышущей. Съехались, жили отдельно от матери. Навещали всё реже. Та скучала и в елейной тоске шептала благодарности незримому: детки — две половинки, нашли друг друга.

Так проходили годы. Нина Ивановна жила от встречи до встречи. Все, что между — тоска воспоминаний и молитвы. Сидела затворницей в квартире номер 36 на предпоследнем этаже хрущёвки.

Дверь квартиры была тяжёлая, навязчиво пахнувшая железом, как прокушенная губа. Поверхность покрыта черным глянцем, местами облупившимся и обнажившим ржавчину.

Другие три двери на этаже были похожи, как сёстры. Лёгкие консервные жестянки. Невзрачные, заспанные, они изредка обменивались скрипучими сплетнями. Когда солнечные лучи, проникая в окошко, скользили по блеклым стенам, двери дрожали от предвкушения. Лучи поочередно падали в дверные стеклянные глазницы, и уродливые сёстры жадно пялились на низкие ступеньки, забредших дворовых котов и непохожую на них дверь, стерегущую ограниченный мирок квартиры 36.

В год, когда Нина Ивановна осталась одна, заменила личинку замка. Сосед снизу помог. Со старой личинкой жить боялась.

Она почти не выходила из квартиры, только по нужде — купить продуктов, мыла, порошка. Не считая редких хозяйских отлучек, дверь всегда была пристегнута к стене надутой желтой цепочкой, блестящей и несуразной, как цыганская бижутерия.

Каретная стяжка с внутренней стороны двери делила бордовый дерматин на пухлые ромбы. С годами дерматин потерялся, где-то стала проглядывать сетчатая ткань, закрошился желтый поролон. В прихожей вязко пахло старостью и тушёной капустой.

Когда Илья последний раз навещал — Нина Ивановна уже и не помнит. Она сидит на вельветовом кухонном диванчике-уголке за окоченевшим, торжественным столом, облаченным в толстый слой лака, темно-бурого, как подгоревший сахар.

Причудливые лапы стола вросли в линолеум. Он равнодушен и к одиночеству стареющей женщины, и к агонии вербной веточки, оторванной от апрельской природы и брошенной на него неделю назад, да так и

забытой на краю стола. Серебристые мухи соцветий, сытые и мохнатые, усеяли ее тонкий стебель. Жизнь в ней затихала. Плёночка коры источала еле уловимый запах воска и ладана.

На столе рядом с парой яиц, окрашенных луковой шелухой, черствел кулич, кротко надрезанный утром и ничем не прикрытый. Вокруг разложены альбомы, рисунки и зеленые тетрадки с пляшущим детским почерком.

Горячими пальцами Нина Ивановна перебирает листочки с мазками гуаши и линиями фломастеров, вытаскивает фото из плёночных кармашков альбомов. Смотрит туманно, сквозь. Улыбается воспоминаниям.

Задребезжал звонок двери. Нина Ивановна очнулась, будто вынырнула из топкого киселя. В голове заметались мысли, вспомнила. «Сын звонил накануне, обещал заехать, как могла забыть!»

— Иду, иду! Ох. — Нина Ивановна пролезла между уголком и столешницей, встала. Грузно дыша, заковыляла к двери: — Сейчас, сейчас!

Сквозь блики света в мутной оптике глазка растянулась фигура сына. В руках розовые цветы. «Наконец-то! — заулыбалась, прикрыла глаза, после нахмурилась: — А чего один-то? Не дело порознь». И то ли по привычке, то ли поддразнивая сына, вслух недовольно крякнула:

— Кто там?!

— Ма, это я! Привет!

— Илюша?

— Да, мам, открывай.

— Ой, сыночек! Неужели доехал? — Голос размяк, гласные потянулись. Но Нина по-прежнему хмурилась и не отрывалась от глазка. Спросила приторно, словно выстилая: — А Верочка где, на работе? — Нашарила колёсико замка, прокрутила. Замок щелкнул. И еще раз. Отлипла, наконец, от стёклышка. Что-то неуловимое тревожило её. Движения стали вязкими и густыми, как во сне. Потянулась к ручке.

— Ма, ты чё опять, чё за цирк? — Голос Ильи вмиг треснул. Стоя за дверью, он наклонил голову и тихо выдохнул: «Бля-я-я». Мать всё возилась, не открывала. «Вот на хера мне это». — Ма, ты же всё знаешь! Шесть лет как разошлись.

Рот Нины Ивановны распахнулся, как у пойманной рыбы. Она нажала ручку, толкнула дверь. Та икнула, поплыла и дернулась на цепочке. Из проёма потянуло кошачьей мочой и тюльпанами.

— Как?! Ты чего, Илюш, вы венчаны! Вас Господь сочелал, — потянулась, хотела цепочку скинуть. — Илюш, она жена твоя!

— Да пустишь меня уже?! — Илья сунулся в узкий проем.

Увидев его, мать съёжилась, лицо перекосило. Перед ней был чужак, подменьш: сыновья фигура, ушки его небольшие, тёмные волосы, редкие и упрямые, как газон, а вместо лица — кожаное полотно. Как подушечка пальца. Ни глаз, ни губ, ни носа: нет лица. Только дыхание тёплое, говяжье. Голос сына где-то далеко. Заревев по-медвежьи, мать

резко дернула ручку назад, захлопнула дверь и щелкнула колёсиком замка.

— Ма! Ты чего! Что с тобой? — Илья кричал, дёргал ручку, ломился в дверь.

— Батюшки, да что это! — Нина Ивановна, громко дыша, причитала, слезы лились, глаза омертвели, застыли. — Надо Илье позвонить, рассказать! Ох! Сыном прикинулся, надо же. — Встрепенулась, дребезжаще крикнула: — Уйди прочь, милицию вызову! — Прикусила кулак и торопливо зашаркала на кухню с кулаком в зубах.

Илья, весь багровый, выругался, пнул со злостью дверь и швырнул тюльпаны в пол. Бутоны смялись, как ветошь, кафель окрасился тёмной влагой.

Нина Ивановна, войдя на кухню, щипала запястья, корчилась и причитала. Во рту было солоно, хотелось пить. Глаза шарили по столу и влипли в альбомные листы. Озадаченная, она подошла, повернула к себе рисунок домика с окошком и кирпичной трубой, пускавшей кругляшки дыма. Звонки в дверь продолжались, но уже не истерично. Голос за дверью глухо бубнил. Тоже будто спокойнее. Нина обмякла, опустила на продавленную обивку. Отложила рисунок. Потянула фотоальбом, стала перебирать карточки. Вот Илюша с надувным крокодилом в Анапе, девяносто второй год. Море касается его пяточек, Илюша такой счастливый. Перелистывает дальше. Слезы подсыхают, оставляя дорожки белёсой соли. А вот с венчания. Какие красивые и нежные они с Верочкой. Глаза Нины Ивановны подёрнулись мутью. Губы растянулись в отрешенной улыбке.

Дом с любовью

Юлия Белашевская

До дома деда нужно было добираться так: поезд Самара — Харьков, метро до вокзала, автобус Харьков — Ахтырка и четыре километра пешком. Примерно двое суток. Юлька устала, но торопилась: у деда Ивана Васильевича сегодня день рождения, надо успеть, восемьдесят лет, есть с чем поздравить.

Дорога с автовокзала была знакома с самого детства. При словах «дорога домой» Юлька всегда вспоминала не ухоженный тротуар около своего сегодняшнего дома, не потрескавшийся асфальт около родительской хрущевки, а именно эту дорогу — то асфальт, то грунтовка, то срезать через тропинку в парке. Наконец, родной поворот с улицы Пушкина на Леси Украинки, пройти под большой ивой, подняться на крыльцо...

Но дверь никто не открыл. Юлька колотила почем зря, ветеранская звездочка на двери жалобно звенела. Никого. Нагнувшись, посмотрела в замочную скважину и в ужасе закрыла рот рукой. Прямо за дверью на табуретках стоял гроб.

Выдохнула и осела на ступеньки.

И тут сонный дед открыл дверь.

— Да девочки из совета ветеранов приходили. Ко дню рождения на выбор предложили — набор продуктов или гроб, правда, без крышки пока. Я подумал: помру —

где вы в деревне будете гроб искать. Пока банки в него поставил.

Юлька сказала всё. И про девочек, и про совет, и про гроб, и про дедово знаменитое чувство юмора, доводившее семейство до нервного тика. Вдвоем они оттащили подарок ветерану в сарай и сели, наконец, на крыльцо, пыхтя и злясь друг на друга.

— С днем рождения, — буркнула Юлька. — Уж и не знаю, доставать ли подарок. У тебя, оказывается, такие пристрастия, сомневаюсь, что угожу.

— А всё-таки пробилась моя кровь в тебе, ишь как разозлилась! — неожиданно с удовольствием сказал дед. — Я всё смотрел на тебя маленькую и думал: ну какая она худая и тихая, господи ж ты, боже мой! Глаза да коленки, никакой жизни! А смотри-ка!

— То есть нормальная отличница, которая проблем не создаёт, тебе не нравилась?

— Да приятно, конечно, соседям рассказывать про внучкины пятерки. Но жизнь-то поди не в оценках.

Иван Васильевич немного отодвинулся, чтобы посмотреть на Юльку. И она вспомнила, когда первый раз заметила, что он смотрит на нее так же с интересом и даже, кажется, с восхищением.

Она тогда на свидание ночью по крыше сбежала. Дед орал: «Поймаю — ноги обоим вырву, все четыре!» Но глаза блестели не злостью, а азартом. Потом в двадцать лет у соседей первый раз в жизни самогон выпила из бутылки, заткнутой початком, как в мультике, и высказала всё, что давно хотела, подлецу Мишке, который машину свою в наш двор на огород ставил и только сплевывал, когда с ним говорят. И он убрал ведь свой драндулет. Бабушка с осуждением качала головой, а дед утром принес рассол и сказал: «Принцессы самогон не пьют. Но ругнулась качественно». Потом, после института бизнес придумала, за какой не каждый мужик возьмется, родители за голову схватились. А дед крикнул одобрительно. И между ним и внучкой окончательно появилась особенная связь. Какая бывает у тех, кого связывает что-то не очень одобряемое остальными, но очень уж ценное для обоих.

Юлька ожидала, что дед еще съязвит про круглую отличницу, но он одернул рубашку и сказал серьезно:

— Я на жизнь, Люлёк, от финиша уже смотрю, в оглядку. И с этого конца оценки не видеть. Видно дела, которые эту жизнь крутили. Людей видно, которых удалось нажить. Кого надружил, кого родил, главное, всех не растерял. И главное, чтоб дела и люди — с любовью, и чтоб широко внутри было, не мельчить, когда живешь... — Он заметно засмутился своей речью и сменил тон на обычный, несерьезный: — Слушай, а звякни в совет ветеранов? Может, крышку-то дадут к подарку? А то как без крышки?

Седой чуб Ивана Васильевича от порыва теплого ветра встал дыбом. Дед сердито и твердо пригладил его, и Юлька вспомнила про подарок.

— Вот, держи. Набор жениха, как ты любишь.

Туалетная вода, лосьон после бритья, новая бритва, пена, гель для укладки волос и

новая васильковая рубашка в полоску — точно под дедовы яркие глаза.

— Спасибо. Намекаешь? — Он вроде не обиделся и даже улыбнулся.

— Нет! Правда, поздравляю. Ты и так красивый, а будешь пуще прежнего. И болеть не будешь, красивые ведь не болеют. Ты мне еще лет пятьдесят будешь нужен, а то и сто, очень нужен.

Они обнялись, и Юлька решила в этот приезд ничего больше не говорить про дедово жениховство. Хотя появление в его жизни Елены Андреевны ее не радовало. Невеста без места, семьдесят пять лет. Дед катал ее на машине по городку, пускал работать на огороде, ел ее вареники, разговаривал разговоры и, наверное, даже пел ей «Туман яром». А это всё было бабушкино! И нельзя занимать ее место, даже если бабушки давно нет. Юлька знала, что это глупо, но не могла заставить себя сделать приветливое лицо при Елене Андреевне. И добрейшая женщина робела при старшей дедовой внучке, боялась что-то сделать не так, никогда не оставалась надолго, приносила вареники с вишней:

— Йишь, Юлечка, они таки укусни.

Юльке было вкусно и стыдно. Надо бороться эту детскую ревность, хватит уже.

Через два дня, практически одновременно, прибыли поздравлять Ивана Васильевича и остальные гости: дети и внуки. Юлькины родители: мама, которую дед называл Наталка, и длинный умный отец Валера, а еще дядя Сергей с прибалтийской женой Галей и двумя подраженными детьми.

К седьмому гостю радушие деда заметно убывало. Дом заполнился людьми, чемоданами, обувью, которую нужно было перешагивать, а главное — разговорами, следить за которыми он не успевал. Гости были родные,

долгожданные, но рядом с ними никак не

получалось быть молодым, все восемьдесят лет вылезли на поверхность и страшно мешали деду радоваться. Особенно он расстроился, когда на три новых анекдота Сергея смог ответить только одним, да и то его уже знали. Раздражение просилось наружу, и Иван Васильевич не стал ему отказывать.

— Тихо! Сейчас новости будут! Сами слушайте и мне не мешайте!

Он быстро и громко пробежал к лестнице на второй этаж, под которой был прикручен «бормотальник» — круглый пластмассовый репродуктор, воткнутый в радиоточку. Бормотальник нельзя было выключить — только убавить на минимум, а ручка громкости была чуть свернута и на ноль не крутилась. Поэтому каждые шесть утра в уютной тишине из-под лестницы раздавалось тихое пикание и такой же тихий гимн. Все гости чуть шевелились, не просыпаясь, переворачивались и смотрели похожие сны с встроенным в них гимном...

Иван Васильевич ловко повернул ручку громкости до максимума и со свирепым видом обернулся на семейство, готовый отразить все претензии.

— Витаємо вас, шановни слухачи! — заорал бормотальник. — Президент Виктор Ющенко закликає політичних соратників підписати пакт...

— Дедушка!

— Пап!

— Иван Васильевич!

— Начало-о-ось...

Гости дома начали разбегаться кто куда. Вновь прибывшие внуки, подхватив сумки и стуча пятками, стали подниматься на второй

этаж, чтобы раскидать вещи по привычным кроватям и уже, наконец, обменяться своими новостями, которые не стоит рассказывать родителям и деду. Юлька очень их ждала и уже даже немного репетировала, как расскажет им весь год, который они не виделись. Она была старшей, ей было аж двадцать семь, и у нее был уже целый свой муж. Муж остался в Самаре, что давало Юльке возможность побыть никакой не женщиной, а незрелой внучкой.

Катя и Мишка — погодки, им по семнадцать: тонкие, кудрявые, голубоглазые, несколько заграничные на вид. Свои семнадцать лет они провели между латвийским Даугавпилсом, русским Питером и украинским городком Ахтыркой. Отец-военный — лучший способ путешествовать, а также создать удивительный микс из латвийских (совсем иностранных!) маек и причесок, питерского прононса и украинского аппетита.

Дед внуками был горд. Юльку хвалил за авантюры и успехи, Катю — за красоту и ловкие руки, а Мишку... Мишку в этом доме не хвалили, а обожали и превозносили. Безусловная любовь, не позволяющая разделять его на отдельные качества. Всё в нём вызывало у деда восторг, нежность и веру в то, что его ждет самое необычное и светлое будущее. Мишка не замечал этого особого отношения, но Юлька с Катей видели разницу. И каждый год по ночам обсуждали эту несправедливость возмущенным шепотом, лежа под одеялами на том самом втором этаже дедова дома. И каждый год вздыхали и мирились. Потому что когда-то это был дом не только деда, но и бабушки Тани, которая и породила эту скошенную любовь.

Бабушка Таня создала идеальный дом, который ее сын-военный, Сергей, называл «наш военный коммунизм»: все есть, но ничего нельзя. Дом был обставлен неожиданно для села со вкусом и чувством и содержался в образцовом порядке. Для всего были правила: для обуви, посуды, одежды, гладильной доски, праздничного стола, пачки масла в холодильнике, книг, рюмок, гостей и детей. Даже ловля мух была по правилам: на веранде

их можно хлопать мухобойкой, а в кухне только выгонять в окно. Нарушение правил сопровождалось острым взглядом бабушкиных фиалковых глаз и тихим «Эх, ребятки...» Соблюдение — легкой улыбкой, чуть поднимающей татарские скулы, и кивком аккуратной головы с всегда одинаковыми кудрями. Это было гораздо убедительнее криков и угроз деда.

Они прожили вместе сорок лет, до самой ее смерти. И Юлька не раз слышала, как бабушку спрашивали: что ты в нем нашла? Она молчала. Сама не знала, наверное. Как-то рассказала Юльке про своего первого жениха — красавца военного, правильного, честного, от которого и убежала к своему Ивану. Бабушка Таня все делала идеально: вела дом, работала, воспитывала детей, вкалывала на огороде и выглядела. Когда ее вызывающе белые пододеяльники располагались на веревке во дворе, соседки утаскивали свое белье домой с тихим шипением «дома досохнет». Соседи Таню уважали и сторонились. Больно надо на ее фоне выглядеть косорукими.

Дед, в молодые годы очень похожий на актера Грегори Пека, в это время строил отношения с окружающим миром, как умел. До внуков долетали рассказы о его ссорах на работе, соседи закатывали глаза при звуке его имени. Мест, где он ни с кем не поскандалил, в небольшом городке почти не осталось. Ссорился он яростно, искренне, потом в лицах рассказывал Тане, как дело было, она качала головой и капала ему валидол в рюмочку.

— Да, назвал его сволочарой. Да, при всех. А как еще, если у него для своих работа около дома и денег завались, а нас в поля, на буровую, и полкопейки, и так год! Да что значит, я чужие деньги считаю? Они чужими стали не по праву, вот и считаю! И заявление написал на увольнение. И да, деревья все выкопал, которые около управления им посадил. Около дома вон закопаю, а им дыры останутся, может, попадают в них, полежат и подумают.

Бабушке Тане всю жизнь было неловко за него. В молодости она даже плакала от этой неловкости, сама рассказывала. А еще, как Юльке казалось, от того, что из-за этих глупых скандалов его могли не любить. А ведь в нем было столько всего, за что только и любить! Это всё было так заметно, когда он на праздник пел своим драматическим баритоном «Туман яром, туман долиною», когда хохотал, как подросток, над веселой шуткой, когда вдохновенно варил борщ, когда носил внуков на руках и неуклюже переодевал... А потом опять ссорился из-за глупостей, и никто уже не видел в нем этого хорошего. И Таня, стесняясь и расстраиваясь, любила его за всех. Его и всё, что было на него похоже — его сына и его внука, весь мужской род этой семьи, чтоб уж точно хватило. Несправедливая вышла любовь, перекошенная, но такая искренняя, что никто в семье ее не осуждал. Ну разве только немножко...

Иван Васильевич убавил радио. Бой был выигран, но радости не было. Теперь нужно было мириться. Он пошел на кухню, достал муку, миску, и стал месить тесто на пирожки. Готовил он прекрасно и с удовольствием, но вот пирожки всегда пекла Таня.

Когда чуть позже Юлька, Наталка и Галя заглянули на кухню, в огромной кастрюле сидело и пытело тесто — примерно на сто пирожков. А рядом... Еще такая же кастрюля. И еще поменьше.

— Пап. Что это? — Наталка, того же холерического темперамента, что и Иван Васильевич, быстро пробежала вдоль батареи кастрюль и всплеснула руками. — Это куда?

— Да никак с этим тестом не попадешь! Я то мукички, то водички, то мукички, то водички... И вот. — Иван Васильевич растерянно посмотрел на промышленные объемы теста на маленькой уютной кухне. — Что ж, выкидывать, что ль? Эх, негодный я повар.

— Хороший ты повар, просто внутри широко, вот и наружу прорвалось. — Юлька подмигнула деду. Дед чуток насупился, но потом хмыкнул.

— Дети! — крикнула рациональная Галя. — Мужчины! Проходим на кухню! Дело есть. Огромной важности.

До самого вечера семейство паковало в пирожки всё, что только смогло придумать. Крутили фарш, мяли картошку, рвали ягоды. Недавно прибившийся к дому пёс Дружбан несколько раз прорывался с улицы на кухню с выражением на морде «убейте, но покажите!» Иван Васильевич вышвыривал его обратно с криком «Ты себя видел? Толстый, как поросё! Все туда же!» Дружбан и правда был неожиданно толстый для бездомного, к тому же невероятно лохматый. Попытки его расчесать или хотя бы помыть закончились ничем — он ни за что не давал себя трогать. Ну, если только уши почесать.

Привычные женские пальцы лепили из пушистого теста замысловатые швы на лепешках пирожков, Мишка подметал пол, Валера — единственный человек, с которым Иван Васильевич ни разу в жизни не поругался, — неловко чистил картошку, Сергей отпускал ядовитые шуточки и травил байки, из-за чего с кухни раздавался многоголосый хохот. Иван Васильевич смеялся вместе со всеми. Он больше не был посторонним и старым. Мир, как этому миру и положено, закрутился вокруг него.

К ужину в доме появилась несметная гора пирожков и новое семейное выражение «то мукички, то водички», обозначающее сотворение проблемы своими руками.

Большой стол, белая скатерть с мелким рисунком, тарелки с изящными розовыми цветами, высокие бокалы, перед ужином задвинуть шторы, чтобы никто с улицы не подглядывал за нашим счастьем, место Ивана Васильевича — около телевизора. Танины правила в этом доме не просто жили — они были его стенами, их нельзя отменить или

откорректировать, да никто и не хотел их отменять.

Елена Андреевна зашла с большой миской салата, приговаривая:

— Та я пойду, та не надо мне сидати.

Ее начали усаживать, уговаривать, она всё косилась на Юльку, и Иван Васильевич тоже немного набылся в Юлькину сторону.

Старшая внучка не подкачала: метнулась за тарелкой, вилкой, стала уговаривать вместе со всеми. Чуда не случилось, любви к этой невесте не возникло. Но появилось успокаивающее чувство, что место бабушки она не займет, нельзя его занять. Так что пусть уж, ладно.

К тому же у Юльки появилось тайное дело, из-за чего она была немного рассеяна. Пока она рвала смородину на пирожки, над раскалённым июльским солнцем забором вдруг появилась голова Вадика, ее первой любви. Ну как первой... ну как любви... Как бывает на каникулах в семнадцать лет, когда кажется, что всё, что навсегда, а потом приезжаешь в свой город, и издалека она блекнет, блекнет. Но каждое лето он ждал ее, возил на речку на раме велосипеда, клялся, объяснялся, он был такой красивый, белозубый, сияющий. А потом женился, а потом Юлька вышла замуж. И вот голова над забором, здрасьте. Давай, говорит, просто поговорим, ну пять минут.

Ты что, сказала Юлька, у меня муж, лучше всех в мире, да и кто нам поверит про разговоры. Но как-то так вышло, что она предложила ему поговорить, когда у нее дома все уснут, а она выйдет и зажжет фонарь над гаражом, и он, Вадик, увидит и придет вот сюда, на лавочку. На пять минут!

Были просто разговоры, и правда, ну, за руку подержал, слова наговорил, как он умеет. От этих слов — жарких и приятных — почему-

то любовь к мужу стала в разы сильнее, упрекнуть себя особо было не в чем. Но Юлька чувствовала себя нашкодившей и счастливой. Выгнала Вадика домой и осталась сидеть на лавочке. В пять минут, конечно, не уложились, светало.

Над домом еще висел белый месяц, а небо уже розовело восходом. Юлька смотрела на дом и думала, как много сейчас в нём спит любящих людей. Как любят друг друга ее родители, которых познакомились еще в восьмом классе и всегда вместе. Как дядя Сережа и тетя Галя путешествовали по гарнизонам, и ни разу не поссорились, и ведут себя друг с другом, как будто у них второе свидание. Как привязаны друг к другу Катя и Миша и как сильно они любят ее, старшую сестрицу, несмотря на все ее вредности в детстве. Как любит всех пёс Дружбан. Как все они любят деда и как с ним ссорятся, а потом опять любят, потому что каждый год они, как заколдованные, едут сюда, а не на море, как нормальные люди. Как любит эта пожилая невеста, что все равно приходит, как ее ни встречай. Как все они до сих пор чувствуют бабушкину любовь, хотя и считают ее несправедливой. Какая же она несправедливая, когда вон как дом наполнен любовью, по самую крышу, в окнах светится, из трубы торчит. Сразу заметно, что он не такой, как все другие дома.

Вдруг дверь этого самого дома открылась, и вышел дед.

— Это ты чего тут делаешь? — грозно поднял бровь.

— Не спится. А ты?

— Дружбан где-то тявкает, мало ли, вот, вышел глянуть.

Потянулся, opravил рубашку. Заглянул под крыльцо.

— Юлька! Буди всех! Дружбан родил! А я думал, кобель!

И, не дожидаясь внучки, открыл дверь в дом и громким басом крикнул:

— Бегом сюда! Рожают!

По лестнице застучали пятки:

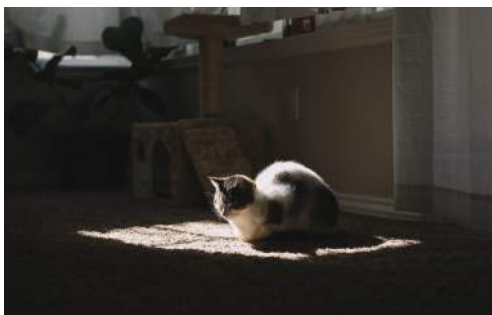
— Пап!

— Дедушка!

— Иван Васильевич!

— Начало-о-ось!

Еще один день

Наталья Волкина

Жизнь прожить — не поле перейти. Жизнь прожить — пройти Блокаду, вспахать целину, на заводе у станка отстоять до самой пенсии. Всё на ногах. Ногам восемьдесят шесть лет. Опять они всю ночь ныли. Особенно колени болят, а пальцы так и крутит, и ничего не помогает. Ноги свесились с кровати, залезли в тапки.

Не потопашь — не полопашь. Да, Тимошка? Пора тебя кормить. Еще тёплой воды нужно попить. Для организма очень хорошо. Все шлаки вымывает. Таблетки тёпленькой запивать полезно. Геркулес тоже полезно, на льняном масле особенно. С ложкой мёда вкусно. Таня вчера привезла баночку натурального. В субботу снова приедет. Батяка Танин тоже овсянку любил. Когда Юры не стало? Десять лет назад? Нет, двенадцатый год пошёл. Хороший Юрка был. Добрый мужик, работающий, по дому помогал, с собакой гулял, только много «Беломору» курил. Отмучился быстро, слава Богу. Земля ему пухом.

Алло, Таня! Ты мне в следующий раз селёдку в баночке привези. И хлеб ты опять не тот купила. Мне подовый нужен, в синей упаковке такой. Да, таблетки приняла, сахар мерила. Пока, целую.

Тимошка, кыш со стола! Пульт уронил, зараза такая! Опять в Белгороде по нашим стреляют, всё не угомонятся никак. А хорошо было у Гали в Валуйках. Домик пусть и небольшой, зато сад огромный, сливы вёдрами собирали, по пять банок варенья увозила, всю зиму потом ели. Головка у Гали совсем плохая последнее время, никого не узнаёт, ничего не

помнит. Не буду ей звонить. Зинке лучше наберу.

Алло, Зиночка, как дела? Лежишь всё? Ты водичку тёпленькую натошак пей. Слышишь? Тёпленькую, говорю, пей. Малышева так и сказала, всю гадость из организма вымывает. Я-то? Шевелюсь потихоньку. Ну давай, Зин, воду пей, только тёпленькую.

Зинка не ходит лет пять, может, больше. Рано она себя уложила, конечно. Пожалела себя, изнежила, сестрица. А я сиделки не хочу. Неизвестно еще, какой человек попадётся. Вдруг не понравится, а пока я сама себе хозяйка. Самой-то уж всяко лучше. Успеется належаться.

Открытки надо в интернете всем разослать. «С добрым утром! С добрым днём! И пусть счастье будет в нём!» Поделиться. «Замечательного четверга! Отличного настроения, позитива и добра!» Поделиться.

Очки опять потерялись. «Вторая на нотном стане». Р-Е. Подходит. «Голубизна на веках». Т-Е-Н-И. Подходит. «Хлопок в медицине». В-А-Т-А. «Войско царя Дадона». Пропустить. Надоело. Где пульт? Пик. «Лавров призвал Запад уважать других членов мирового сообщества». Пик. «Поезда между Ямалом и Петербургом начнут курсировать в июне». Пик. «Врач-диетолог перечислил продукты, от которых не поправляются». Пора обедать. Котлеты, картошка отварная, щи кислые, сметанки побольше. Всё полезно, что в рот полезло. Правда, Тимошка?

Ходили бы ноги, в Таганрог бы поехала к Наде, на Азовское море. Как там красиво! И болячки все сразу проходят. Море-то, оно всё лечит. Теперь-то уж куда? В ванную не залезть, ноги не задираются. Надо было сразу душевую кабину ставить, как у Зинки. Её прямо на коляске завозят и моют, а мне лишний раз не ополоснуться. Тимошка, да не цапай ты! Видишь, ноги какие больные. На, ешь сердечко свеженькое, и я с тобой поем.

Устала что-то. Потихоньку, по стеночке, только бы до кровати доползти. В коридоре валяться не хочу, лучше в постели. Таня в субботу приедет, бельё поменяет. Давно пора.

Ложись, Тимошка. Открытки выберем. «Уютного вечера!» «Доброй ночи!» «Добрые сны приходят вслед за спокойными мыслями!» Вот эта, с розочками, красивая. Поделиться. Цветы забыла полить. Завтра уже. И декабрист сфотографирую. Так хорошо цветет в этом году. Зинке отправлю.

Рано как темнеет. Завтра заморозки и гололёд обещают. На улицу нельзя. Весна придёт, тогда и выйду, на скамейке посижу, воздухом подышу. Лишь бы ноги не подвели. Спи, Тимошка, спи.

Жизнь с нуля

Оксана Акульева

«Всё к чёрту! Далеко. К морю. Да. Именно», — громко уговаривала сама себя Светлана, сидя на больничной кровати.

Прошел час с того момента, как врач принес документы на подпись. Договор, где сообщалось, что, прежде чем её тело будет передано родственникам для захоронения, доктора проведут операцию, во время которой достанут мозг для пересадки. Его даже заморозят, пока не будет найдено донорское тело. И в случае, если операция пройдет успешно, рассказывать об этом категорически запрещается.

Светлана положила ручку на одеяло возле себя, перевела взгляд на окно:

— А вдруг Бог есть? И он ждет меня. Он послал мне эту гадкую болезнь, чтобы я искупила при жизни свои грехи, отмучилась тут. Вдруг мне уготовано место в раю, где я вот-вот должна встретиться с мамой и папой, бабушкой и дедушкой, стать невидимым ангелом-хранителем для своих детей и внуков? А не является ли это греховным: такое наглое вмешательство в устройства жизни? Может, сейчас врачи и я, мы вместе, выкладываем себе ровную брусчаточку в Ад.

Светлана приложила руки к груди и стала щипать себя за кожу, нащупывая цепочку с крестиком. Опомнившись, что никогда не носила православную атрибутику, она махнула рукой на невидимый Рай:

— Глупости какие-то, кыш отсюда. Никогда не верила, а сейчас лезет это в голову в самый неподходящий момент.

Светлана похлопала по одеялу справа, отыскивая ручку, а затем долго выводила свои инициалы на втором листе, рассматривая каждую написанную букву и думая, что после перерождения у нее будет новая фамилия и надо будет придумать новую подпись. Закончив с подписанием документа, она закрыла глаза, откинула голову на спинку кровати:

— А как это: жить и знать, что ты умер для всех, кто тебе дорог? А если купить домик рядом с детьми, подружиться по-соседски, ходить в гости, пить чай. А можно устроиться к ним помощницей по хозяйству. И больше не быть их мамой?

Светлана почувствовала, как глаза намокают под веками.

— Нет, лучше уехать. Быть рядом, но не обнимать своих детей. Я так не смогу. А Игорь? Интересно, как скоро после моей смерти он найдет себе другую? А муж? Будет ли ему хоть чуть-чуть жаль, что меня больше нет? Надеюсь, что да.

Прошло четыре месяца...

Телефон завибрировал и заёрзал по столу, задел вилку, она шмякнулась на пол, телефон за ней. Игорь испуганно влетел в комнату. Мобильный жужжал на полу, дергался, как застрявшая в паутине муха.

— Алло, да, — отрезал Игорь.

Он знал, что когда-нибудь ему позвонят, но не был к этому готов. Еще чуть-чуть, и ком в горле будет такой огромный, что Игорь не сможет дышать. Он перебил, чтобы закончить:

— Когда похороны? Хорошо, спасибо...

Игорь сделал шаг вперед, занес вверх правую руку, готовую швырнуть телефон в стену, наступил босой ногой на валяющуюся вилку: «Ууууууууууууфф», — заскулил он.

— Лана? Ау. Это ты тут вилки раскидала? Это же ты, я знаю, ты всегда как ураган, ну давай, скинь еще что-нибудь, подай мне знак, что ты здесь, со мной.

Игорь крутил головой направо и налево, пытаясь рассмотреть пространство, не двигаются ли предметы, не шуршат ли занавески. Образы Ланы тут же, как диафильмы, стали перещелкиваться в его памяти. Вот она смеется, никогда не прикрывая рот руками, откидывая спину и плечи назад, заливаясь, заражая хохотом остальных. А вот она читает, как будто не глазами водит по странице, а бровями. Две темные и длинные, доходящие почти до висков линии двигаются вверх-вниз, сдвигаются к носу, поднимаются выше на лоб.

— Сколько же в тебе было жизни, моя Ланочка. — Игорь сжал кулаки и вдавил их в глаза. Жалость к себе ударила куда-то в область грудины, он кашлянул. Как жить без ее запаха, голоса и блестящих серых глаз?

Тем временем Светланин муж перелистывал фотографии в поисках той,

которую надо будет отнести на кладбище. Он уже часа два, прерываясь на покурить, сидел возле ноутбука и никак не мог выбрать. Тут она смеётся, его ужасно раздражала привычка жены запрокидывать назад голову, заливаясь, чуть ли не катаясь по полу, громко, привлекая к себе внимание. Тут с детьми, тут с собаками, тут в полный рост стоит, зачем-то напаялив на свою уже немолодую фигуру короткое облегающее платье, тут с книгой в руке. Как же он злился каждый раз, когда в отпуск она тащила с собой печатные книги, потому что не могла читать на телефоне.

— Вот, наконец-то нормальное фото. Интересно, где она и с кем. А впрочем, какая разница, ведь всё это закончилось: поездки, отели, маршруты, вечная тяга к приключениям. — Дмитрий выдохнул, тут же испугавшись того облегчения, что зарождалось в нем.

Похороны Светланы прошли по самому обыкновенному сценарию, принятому в России. Благодаря Светланиной открытости, она успела накопить множество друзей, хороших знакомых и сохранить отношения со всеми своими бывшими коллегами. Игорь тоже пришел проститься с любимой под видом одного из сослуживцев.

Очнувшись после наркоза, Светлана стала вспоминать сегодняшнее число.

— Я умерла и ожила? Я это еще я? Или меня уже похоронили? Или я спала? Мамочки, я ничего не понимаю. Кто-нибудь! Алло! Есть тут кто-нибудь? — Светлана не закричала, а вырвала из груди громкий и не свой голос.

В дверь влетела испуганная медсестра:

— Светлана! С вами все в порядке?

— Да! Какое сегодня число? Где мой телефон? Я страшно хочу пить.

Молоденькая медсестрица подняла своей пухлой ладонью телефон с тумбочки и протянула его Светлане.

— Мне страшно, я ничего не помню. Расскажите мне, что со мной произошло. Я это я? Или уже нет?

Медсестра сощурила глаза, сдвинула брови, подумав секунду, направилась в двери:

— Я сейчас позову доктора, он просил сообщить, когда вы проснетесь.

— Стойте, просто скажите, FaceID сработает?

— Нет! Воспользуйтесь паролем, он записан на бумажке, которую вы еще тогда спрятали между телефоном и чехлом.

День за днем Светлана проводила часы возле зеркала, рассматривая и изучая свое новое изображение. Было сложно привыкнуть, что теперь она почти рыжая, глаза ее уже, чем были в прошлой жизни. А еще она сама меньше ростом, с крохотным размером ноги, прямым носом и угловатым, каким-то

мальчишески-подростковым телом. Светлана вспоминала себя прежнюю, и казалось, что всё то, что она так безумно не любила в себе тогда, именно это и было её достоинством.

Светлана переехала жить в квартиру, предоставленную ей клиникой. Каждый день утром она выходила на улицу и отправлялась сперва к дому Игоря. Под видом обычной, торопящейся на работу женщины, Светлана шла за Игорем по пятам на электричку. По дороге обычно она обдумывала, как заговорить с ним, познакомиться, привлечь его внимание.

После обеда Светлана отправлялась к своему дому, гуляла по местности в надежде встретить детей.

Вечером она плюхалась в кресло, открывала телефон и часами напролет листала фотографии себя, Игоря, детей и даже мужа. Она скучала по ним, по себе с ними. Чемодан, заготовленный для переезда и жизни у моря, лежал распахнутый в центре комнаты.

— Я обязательно уеду, но сперва просто посмотрю на детей и Игоря, просто посмотрю, просто посмотрю...

Запах малины

Ирина Банах

Весь мир, казалось, был наполнен запахом малины. Тягучим, как свежесобранный мед, с нотками ванили и фиалки. Этот запах напомнил ему о детстве: серебристый «пассат» ныряет среди лесных ухабов, солнечные зайчики пляшут в зеркалах, и Андрей с сестрой подпрыгивают на заднем сиденье. «В старом лапоточке по рытвинам, по кочкам», — все смеются, кроме Андрея. Сбоку — Катюша в желтых резиновых сапожках, ее пальцы цепко ухватились за детское ведерко. Он хотел взять ведерко себе, но сестра не уступила: она старше на два года, с ней не очень-то поспоришь. И ему достался старый белый бидончик со щербинками по черному краю — где ж столько ягод найдешь?!

А в лесу хорошо. Пока желтые сапожки мелькают в зарослях, мама пересыпает в бидончик всю свою малину, подмигивая: «Мы никому не скажем». Птичий хор высоко под куполом сосен, гудение комаров возле самого уха, хруст малинника под ногами. И вкус лета в бидончике, доверху заполненном бархатистыми ягодами. Это было задолго до того, как отец ушел из семьи, а Катя, выскочив замуж, уехала далеко, почти на край земли. Задолго до того страшного диагноза, который располовинил его жизнь на «до» и «после».

...Зрительный зал был полон. В три яруса он высился над сценой, словно кремовый торт, который вот-вот разрежут на куски лучи черных софитов. Но Андрей ничего не замечал. Только возле правого плеча — золотистый нимб ее волос и этот аромат — летний, хмельной. Он никак не мог

сосредоточиться на спектакле, украдкой поглядывал вправо, узнавая о происходящем на сцене лишь из ее жестов и мимики. Вот она смеется, запрокидывает голову, поправляет растрепавшиеся волосы. Иногда он ловил ее взгляд, и сердце заполошной птицей металось в груди. Невозможное счастье!

Неделю назад они с сокурсниками договорились пойти в Купаловский на «Павлинку». Но в последний момент всё посыпалось. Кто-то сослался на долги по исторической грамматике, кто-то на приближение сессии. Алина с Машей «спрыгнули» в последний момент из-за недоделанной курсовой — май не самый беззаботный месяц для студента. Остались они вдвоем: Андрей и Лиза. Он был уверен, что она не придет: где он со своими бесконечными учебными «хвостами» — приходилось подрабатывать курьером, — а где она, лучшая студентка филфака. Всегда первая среди неугомонной свиты смешливых сокурсниц: староста группы, красавица, отличница — ей бы на телевидении блистать!

Но она пришла. И теперь, когда актеры трижды откланялись, когда последний всплеск аплодисментов затих и говорливая толпа вынесла их к Александровскому скверу, они оказались впервые наедине — глаза в глаза.

А весна уже почти завершила свою работу — он только сейчас это заметил: позеленила землю и деревья, усеяла клумбы островками белых и красных петуний. Распределила

стайки голубей, рассадила влюбленные парочки по всему периметру парка. И не забыла про фонтан, накрыв водным куполом чугунную фигуру мальчика и лебедя.

— Давно я так от души не веселилась.

В своей желтой кашемировой кофте Лиза была похожа на дерзкий одуванчик, который своим появлением нарушил зеленую геометрию городского парка.

— Какая ты... яркая. — Андрей споткнулся о ее вопросительный взгляд.

— Ты про кофту? Жёлтый — моя слабость. Почти «кофта фата». Как у Маяковского.

— Нет. Ты солнечная. «Сто сорок солнц», и даже больше. Неизмеримо больше.

Андрей возвышался над ней — статный, безупречно красивый. Если бы не черная повязка по диагонали лица... С самого детства он занимался дзюдо: после уроков, едва сменив рюкзак на спортивную сумку с закорючкой Nike на боку, через весь город мчался в борцовский зал. Он упрямо карабкался по радуге поясов: белый, желтый, оранжевый... Совсем чуть-чуть оставалось дотянуть до черного. Но врач-онколог с забавным армянским акцентом вынес вердикт: ретинобластома — рак глазной сетчатки. И борьба шагнула за пределы спортзала — в душные больничные палаты, пропахшие хлоркой и фенолом.

Мать крутилась на трех работах, надо было хоть как-то вытянуть дорогостоящее лечение. Часто по ночам он слышал ее сдавленный плач — наверняка рыдала в подушку, чтобы сын не слышал. А отец... Отец писал письма, исправно — раз в месяц — присылал деньги, которых не хватало даже на питание. Андрей однажды в сердцах сгреб пожелтевшие конверты в охапку и сжег на заднем дворе дома, возле старой липы. Долго стоял, не отрывая взгляд от костра. Смотрел,

как языки пламени слизывают синие буквы и огненным пунктиром исчезают в воздухе. Болезнь тогда отступила, но левый глаз спасти не удалось, и уродливый шрам приходилось прятать от посторонних.

— Ты похож на Пирата, — улыбнулась Лиза, вглядываясь в его лицо.

— На Джека Воробья или на Корсара?

— Ни на одного из двух, — рассмеялась она. — В детстве у меня был кот. Белый котиче с черным пятном на левом глазу. Мама его за это Пиратом назвала. На него ты и похож.

— А порода его... не сфинкс случайно? — Он стянул бейсболку и похлопал ладонью по голой макушке. — Видишь: лысина. Отполированная... Тебя она не смущает?

— А я люблю лысых. Гошу Куценко обожаю. Есть что-то уязвимое в лысом мужчине. — Взгляд ее стал серьезным. — Помнишь ветхозаветного Самсона? Был назореем — посвященным Богу, почти святым. Скучным донельзя. А когда лишился волос, превратился в обычного человека — ранимого, но такого близкого. Тепло.

— Твой Самсон плохо кончил. Любимая предала, филистимляне ослепили. В темницу бросили... Кому он нужен? Слабый и слепой. — Голос Андрея дрогнул.

Лиза сделала шаг ему навстречу и посмотрела прямо в глаза. Обычно собеседники отводили взгляд от его лица, но она подошла так близко, что он слышал взволнованное дыхание, видел, как растекаются змеистые прожилки в ее глазах. Потом прикоснулась к его щеке, бережно тронула край повязки.

— Я... Я буду твоими глазами.

Чей-то шаловливый малыш испугнул стайку голубей. Они сорвались с места и унесли её слова высоко в предзакатное небо — туда, где в тенистых кущах галдят птицы, где круглый год зреет малина и сладкий сок питает плодоносящую землю. Туда, где нет боли и нет страдания.

Они еще не знали тогда, что спустя три года — целых три года, отвоёванных у смерти, — она будет держать его за руку, неумело

исполосованную лезвием. И шептать пересохшими губами, что жизнь есть дар и никто — слышишь, никто! — не имеет права отказываться от него. Спустя три года в их рай вновь ворвется болезнь с ее запахом хлорки и фенола, страдания и безысходности.

Но этот майский вечер, осененный зеленью Александровского сквера, был пронизан тонким ароматом лесной малины.

Затмение

Дарья Франковская

Случилось это в темную, жаркую ночь. 5 июля 1917 года.

Молодой врач вышел, покачиваясь, в больничный двор. В поисках точки опоры облокотился о шершавую стену и сполз по ней на корточки. Достал папиросу, закурил. Направил усталый взгляд в небо. Он не мог понять, что он там, в небе, потерял, а следовательно, никак не мог найти.

— Юнкера совершили налет на редакцию
— неожиданно прозвучал голос фельдшера.

— Я думал, я тут один.

— Пока еще нет.

Доктор молчал. Его тело отчаянно просило спать, а в сознании на страницах газеты «ПРАВДА» один за другим появлялись множественные огнестрельные отверстия.

— Так себе отпуск, да? — Фельдшер продолжил что-то говорить про большевиков, эсеров, Керенского, но собеседник его уже не слышал.

Пальцы правой руки врача настукивали ритм куплетов Мефистофеля из любимой оперы. Через пару секунд подключилась левая рука с сигаретой. Она интенсивно совершала движения вправо и влево, имитируя

дирижёрскую палочку. Крики с улицы, выстрелы, стенания раненых демонстрантов хором запели: «Сатана там правит бал! Там правит бал! Там правит бал!»

Его постановку внезапно прервал скрип открывающейся двери, следом голос Нины Палны:

— Иван Сергеевич, роженицу привезли!

— Раненая? — Вопрос звучал риторически.

— Нет. — Ответ санитарки удивил врача.

— Зачем меня беспокоите? — В своем голосе он услышал раздражение.

— Роды неблагополучные.

Доктор наспех сделал несколько затяжек. Бросил непотушенную папиросу в надежде, что она сожжет этот мир дотла, и последовал за санитаркой.

В палате он увидел измученную женщину, пот на ее лице высыхал грязными разводами, глаза закрыты, она что-то бормотала себе под нос. Нина Пална ждала его с кувшином воды и накинутым на руку полотенцем. Полотенце привлекло внимание Ивана Сергеевича. Аккуратно вышитые красные цветы в вазе и

слова «Люблю серд. Дарю навеч.» словно насмеялись над ним. Он направился к умывальнику. Вода была практически ледяной, руки жгло от мыла и щетки.

— Сколько раз я их уже сегодня мыл? — спросил он так, словно хотел услышать точный ответ.

— Много, — настороженно, ожидая продолжения атаки, ответила Нина Пална.

Иван Сергеевич встряхнул руки и указал на полотенце:

— А это откуда?

— Чистые закончились, я достала свое. Сама вышивала! — Ее обычно прислуживающий голос прозвучал мягко, бережно и гордо.

Врач почувствовал, как вместе с водой полотенце впитывает раздражение.

— Что она говорит?

— Колдуны хотят уничтожить светило, наказание за прегрешения, Бог наводит страх, — монотонно повторила слова роженицы санитарка.

— Как она из деревни у нас оказалась?

— Ее сначала в фельдшерский домик привезли, доктор направил в город.

«Как будто в городе знают, что делать», — подумал Иван Сергеевич и приказал снять простынь.

От первого прикосновения роженица запрокинула голову и открыла полные страха

глаза.

— Тише... Тише... Как звать тебя?

— Татьяна, Тася она, — отозвалась Нина Пална, но сразу осеклась, увидев, как на скулах врача заиграли желваки.

— Много раз рожала? — спросил Иван Сергеевич, продолжая осмотр.

— Он будет кривой и с пятном, — беспокойно, в никуда произнесла женщина.

— Много раз рожала? — более громко и настойчиво повторил вопрос врач.

Роженица медленно моргнула, тяжелые веки потянули вниз за собой голову.

— Значит, опытная. Выжившие есть?

— Ага.

— Много? — По ее глазам он понял, что этот вопрос был ошибкой. Тася вцепилась руками в операционный стол и издала пронизанный смертельной мукой крик.

— Потерпи. Сейчас я исследую изнутри.

— Не место мужикам видеть, как бабские дела делаются! — Она схватила его руки своими потными руками, защищая право на смерть.

Иван Сергеевич растерянно обернулся. Словно из ниоткуда перед ним возник фельдшер, в руках маска и склянка с хлороформом, во взгляде читалось: «Связаться с дураком и сатане накладно». Врач кивком дал согласие на наркоз, пошел вновь мыть руки и еле слышно произнес:

— Сегодня я здесь решаю, что кому видеть.

Роды Иван Сергеевич видел пару раз во время обучения, дальше сразу на фронт. Помогая руками, он рассматривал раскрывающуюся матку и искал сравнение с пулевым ранением. Снаряд остался в теле, врач представлял, с какой начальной скоростью попала семенная жидкость в полость женщины, какое расстояние было до поражаемого объекта, были ли преграды, словно умение извлекать пули должно было помочь извлечь ребенка, понять, каким образом произошло разрушение тканей роженицы, а следовательно, каким образом лежит снаряд.

Сделал глубокий вдох и на выдохе ввел руку в матку в поисках ножки. Тело Ивана Сергеевича мгновенно напряглось в сопротивлении новым ощущениям. Кисть почувствовала тепло, которое стало подниматься к предплечью, плечам, растекаться по спине, заполняя собой все внутреннее пространство доктора. Звонко зазвучали мысли в сознании врача: «Нет тебя и их. Есть только целое. Позволь родиться его новой форме». Сопротивление отступило, он почувствовал, как сливается с роженицей и плодом.

— Просыпайся! — Фельдшер потряс родившую за плечо.

Тася посмотрела на младенца снизу вверх.

В свете операционной лампы она могла разглядеть только его темные очертания, похожие на фасолинку. «Так колдуны похищают светила», — голос знахарки всплыл в памяти родившей.

Она еле слышно произнесла:

— Нельзя смотреть в темноту.

Не смотреть не могла. Сладковатый аромат манил. Тася устало подняла руки, но младенец проплыл мимо ее взгляда и упал в руки Ивана Сергеевича.

Врач смотрел на новорожденную сверху вниз.

Немного синюшная, сморщенная, словно чернослив, который только что ложкой вычерпали из кастрюли с компотом. Чернослив с сыроподобным налетом.

«Хорошо, что не сахарным, не успели местные знахарки закинуть рафинад в утробу, чтобы выманить младенца», — подумал Иван Сергеевич.

Фельдшер довольно закурил папиросу, перебив все запахи больницы, околоплодных вод, крови. Сквозь дым пробилась тревожная тишина. Руки врача, от которых требовалась уверенность, начали ее утрачивать, он поторопился. В голове вертелись пугающие слова из учебника «печальные последствия», «опасность». Эти печальные последствия он и пытался обнаружить, вертя и похлопывая новорожденную, к своему успокоению не находил. Руки, ноги в верном положении, поворот выполнил вроде без последствий. Только не кричит, передал Нине Палне.

Санитарка окунула младенца в таз с холодной водой, горячей, еще раз в холодную. Раздалось громкое кваканье.

«Неужели лягушки?» — подумал Иван Сергеевич, через мгновение понял, что кричит девочка. Превращается в лягушку, так и до человека вырастет, — усмехнулся врач.

— Они боятся тьмы и за своим страхом не видят света Бога, — с этими словами Нина Пална положила младенца на грудь родившей, как каравай на стол.

То, что происходило с Тасей сейчас, было абсолютно не похоже на предыдущие роды. Она не находила в себе страха и беспокойства. Она не находила в себе ничего. Чувствовала только свои глаза, как будто только они от нее и остались.

Лучи лампы стали отражаться от кожи девочки, проникать внутрь этого существа. Теперь она стала главным источником света в комнате, наполняя светом образовавшуюся пустоту матери. Она была совсем не похожа на ангелов, которых изображали на иконах, но Татьяна точно знала, что ангел должен выглядеть именно так.

Новорожденная на краткое мгновение приоткрыла глаза, в них мама успела

рассмотреть два огромных черных неба и громко засмеялась. Вместе с роженицей засмеялся Иван Сергеевич, смеялась и Нина Пална, только фельдшер брезгливо сплюнул в раковину и удалился из операционной. Помещение вновь наполнилось запахом антисептиков, мяса, крови и слегка уловимым сладковатым ароматом.

Молодой врач вышел, покачиваясь, в больничный двор. В поисках точки опоры облокотился о шершавую стену и сполз по ней на корточки. Достал папиросу, закурил. Направил взгляд в небо. Луна померкла в первом часу.

5 июля 1917 года родились трое: мать, младенец и врач.

Мечта

Рената Брюнеткина

Была зима, и виды за школой №23 в маленьком сибирском городе Удачном становились того же цвета, что и свежесбеленные стены в репетиционном зале танцевального коллектива. Леона Геннадьевна Ильина была окружена тонкими девочками в чёрных тренировочных купальниках с длинными рукавами и открытыми спинами, надетых поверх лосин. Ученицы были готовы броситься в танец, едва Ильина ударит пальчиком по кнопке Play на потертом музыкальном центре.

Леона Геннадьевна — стройная черноглазая девушка лет пятидесяти — легко могла станцевать все восемь частей разминки, не уступив воспитанницам ни в техничности, ни в сценическом задоре. И сейчас она ангельски улыбалась, словно вот-вот выпустит на волю самые прекрасные движения, которые когда-либо видели глаза человека. Музыка заиграла. Девочки запрыгали, завертелись в разные стороны, сбивая друг дружку. Ильина продолжала улыбаться.

— Первая линия, не вижу ваши зубы! — крикнула Леона Геннадьевна. — Хорошо!

Это был третий состав, и для третьего состава танцевали они неплохо. Большинство девочек перейдут во второй, но только лучшие из них завоюют место в основе. За двадцать лет под началом Ильиной «Мечта» ни разу не взяла главный приз. Победу всегда одерживала школа №64, которая поражала зрителей своими шоу: то гигантские декорации, то

балетные па под ультрасовременную рэп-композицию, то светодиодные фонарики, приклеенные к ладошкам танцоров. А вот школьная баскетбольная команда выигрывала почти все матчи и была гордостью города, а И. В. Герин, физрук и тренер «Крыльев», — любимчиком преподавательского состава.

Пока девочки одна за другой останавливались, падали в бессилии на пол или повисали на станке, Леона Геннадьевна продолжала улыбаться, подтанцовывать на сильные доли, и мрачно обдумывала октябрьское поражение, когда «Апельсин» победил секретным оружием — невероятной красоты костюмами, которые чем-то сверкали под софитами, выгодно подчёркивая точёные фигуры танцоров. Судьи были ослеплены! И с тех пор Ильина только о них и мечтала. Но школьный бюджет утекал на реконструкцию бассейна, которую следовало закончить к Новому году.

В строю остались только две девочки — они безнадежно не попадали в такт и путали движения. Очнувшись от сладких дум о костюмах, Ильина остановила музыку.

— Прекрасно! Прекрасно, милые! — нараспев сказала она, аплодируя самым стойким.

Варя Соколова с торжественностью солистки принимала овации. Она была невысокой, крепкой девочкой с шапкой рыжих

непослушных волос, зелёными глазами в пол лица и, вероятно, отличными лёгкими. Варя театрально поправила причёску и стала ждать, когда приму снова попросят.

«Уже третий год она в третьем составе», — тревожно думала Ильина. Ничто не могло остановить Варю на пути к священной фетровой нашивке в виде балерины, которую носят на школьной юбке все девочки основного состава, но до исполнения её желания было оглушительно далеко. Леона Геннадьевна много раз пыталась сказать горетанцовщице, что её талант точно не в хореографии, но, будучи тугой телом и глухой к музыке, Варя не видела в своём танце ничего, что было бы недостойно основного состава, и с ужасающим неверием в своё поражение оставалась в третьем составе после каждого экзамена.

Леона Геннадьевна жила в мире танца: в её голове всегда играла музыка, а душа танцевала, выдавая телу только отголоски размашистых мысленных движений. Порхая по школьным коридорам, она чуть не сбила с ног Алевтину Ильиничну — завуча по воспитательной работе. «Вот вы где, — отчеканила по слогам завуч. — Вы не получите одобрение на эти глупые расходы, так и знайте».

— Но послушайте, это же касается всей школы! Всех моих девочек, которые уже давно заслуживают главный приз о-о-области, не то что города, — взволнованно возразила Ильина, раскидывая руками.

— Так и везите их в область, Леона Геннадьевна, — почти не разжимая челюсти, выдавила Алевтина Ильинична. — И пусть их оценят профессионалы, а не кучка школьных учителей, которых можно удивить фонариками в ладошках. Тогда, может быть, и голого таланта хватит для победы. Или крепко держите серебро и будьте довольны! — выплюнула завуч и скрылась за поворотом школьного коридора. «Крепко держите серебро», — возмущённо повторила Ильина себе под нос и стукнула пяткой.

Возвращаясь в танцкласс на очередной экзамен, Леона Геннадьевна на мгновение забыла, что там непременно будет Варвара Соколова. Ильина обдумывала, как выкроить собственный бюджет, чтобы сшить костюмы к следующему октябрю, а как с бассейном будет покончено — подать на компенсацию.

Двадцать девочек замерли в четырёх ровных линиях. Варя заняла место солистки и любовалась своим отражением в огромном зеркале. Как только музыка заиграла, стройные ряды в блеклых концертных платьях (в них танцевало не одно поколение) синхронно задвигались, излучая обаятельные улыбки. Варя с лицом математика на пороге решения какой-нибудь теоремы бежала вперёд музыки. Не то чтобы она совсем её не слышала — просто хотела показать, что знает все движения и ни у кого не подсматривает. Леона Геннадьевна не отрывала от неё восторженных глаз, но снова оставила в третьем составе.

— Раз уж в основной состав вы меня упорно не берёте, — дрожащим голосом буркнула Варя, — то позволю себе сказать, что вы, кажется, разучились оценивать людей по достоинству! Может, именно это и стоило вам победы?!

— Это были костю-у-умы! Сверкающие костюмы вроде того, что на вас. Кстати, что вы сделали с платьем? Правую ногу отдала бы за него! — сказала Леона Геннадьевна, не думая уже ни о чём, кроме своей мечты.

— Я расшила списанный костюм пайетками и бисером, — заявила Варя, поправляя рукав.

— Варя, птичка ты наша, какая ты молодец! Я его у тебя куплю...

— Продать платье? — перебила Варя. — Я его просто передам той, кто займёт моё место в основном составе, когда я окончу школу.

— Но Варя, тебе никогда не быть в основном составе. Именно это я и пытаюсь сказать каждый раз. Взросление — это, наконец, понять, к чему у нас есть таланты, а к чему нет. Ты прекрасная девочка, но нам всем приходится жить со своими недостатками. В конце концов, это же здорово, что у кого-то есть талант к танцам, а у кого-то нет. Такова жизнь.

Варя смахнула солёную каплю с румяной щеки и пошла к выходу, низко опустив голову. Закрывая за собой дверь, она оглядела танцевальный класс, частью которого ей никогда не стать, и тихо добавила: «У кого-то есть красивые костюмы, а у кого-то нет, Леона Геннадьевна. Такова жизнь».

Ильина долго пялилась в закрытую дверь, а потом пошла в кабинет и открыла папку «Хореографические конкурсы республики Саха». Через несколько часов все подходящие заявки были заполнены и отправлены организаторам. Когда эйфория от принятого решения немного развеялась, она вспомнила о Варе и со смесью жалости и страха начала листать журнал в поисках телефона Соколовых.

— Здравствуйте, это учитель танцев, — робко сказала Ильина. — Могу я поговорить с Варей?

— Только что ушла, — ответили в трубке. — Такая самостоятельная девочка она у нас. На макраме или английский ушла, наверное. Или что-нибудь ещё, — засмеялась мама. — Мы в поисках таланта.

— Вот как? — удивлённо продолжала Ильина. — И где-нибудь есть особенные успехи?

— Везде понемногу. Это сын у нас родился с баскетбольным мячом в руках. С детства нашёл своё призвание — уже который год чемпион, — не скрывая гордости, заявила мама Вари.

Зимнее солнце скрылось за белоснежными сугробами, и школа почти не издавала звуков. Ильина сидела в пустом танцклассе на длинной лавочке для запасных и смотрела в окно. То на холодные свежeweбеленные стены, то на переливающийся под тёплым светом фонаря свежий снег. Впервые в голове было предательски тихо и неподвижно. Дверь открылась. На пороге стояла Варя с платьем в полиэтиленовом чехле и протягивала его Ильиной.

— Варя! — очнулась Леона Геннадьевна. — Благодаря тебе я кое-что поняла: понять, в чём мы талантливы, а в чем нет, — это еще не всё. Важно понять и то, способны ли наш талант оценить те, от кого мы ждём признания, понимаешь? — воодушевленно тараторила Ильина. — Видела объявление о наборе команды по плаванию в наш новенький бассейн? Впрочем, это всё неважно, — одёрнула себя Леона Геннадьевна. — Мы поедем на региональный конкурс и заберём главный приз в старых костюмах. Но, если позволишь, я оставлю твоё платье на стене славы нашего коллектива — только сначала похвастаюсь домочадцам, что сотворила моя ученица, — гордо воскликнула Ильина.

Тут лицо Вари расправилось, а из глаз брызнули слёзы. Она обняла учительницу и вприпрыжку выбежала из зала. Ильина еще долго украдкой наблюдала за Варей, пока та изучала объявление о наборе в плавательную секцию. Должно быть, у пловцов тоже будут красивые нашивки, и её форма будет висеть дома у всех на виду рядом с баскетбольной курткой брата.

Рецензия писателя Дениса Гуцко:

«Отличный рассказ, совсем не ученический уровень.»

Пытался угадать, куда повернётся история — и не угадал. Финал не угадал тоже. Умение находить неожиданные сюжетные ходы — очень важное и полезное (во всяком случае, в моём представлении: я люблю сюжетную прозу, в которой самое важное рассказано языком драматургии). Язык живой во всех отношениях: усложняется там, где это необходимо, чтобы задать смысловой акцент, сфокусировать внимание читателя на ключевой детали. Мастерская работа с деталью (священные фетровые нашивки прекрасны).

Довольно сложная задача: от лица главного героя прямо высказать центральную мысль произведения — и сделать это так, чтобы не

выглядело кондово. Автор с этой задачей вполне справился — за счёт сочетания динамики, нарастающего эмоционального градуса и многоплановости сюжета (плотность художественного вещества оправдывает простенький приём, он смотрится гармонично).»

Комментарий писателя Романа Сенчина:

«В целом история есть, героини тоже. Скелет рассказа мы имеем. История достойна крепкого рассказа.»

Мы

Ева Зоруна

Вчера прощалась со старой квартирой и думала о нас с тобой. Пыталась понять — когда расцвел наш сад? Когда это округлое, гладкое слово «мы» дало свой первый зрелый побег? Вспомнилось, как клеили обои сразу после свадьбы — зеленые, с цветами. Мне двадцать два, ты на год старше. В рабочем комбинезоне — все равно самый красивый.

А может, я ошибаюсь, и это случилось раньше? Помнишь венерины башмачки, темно-розовые орхидеи, которые росли сорняком во дворе нашей музыкалки? В разгаре мая воздух почти засахаривался — настолько сладко они пахли ванилью; а в августе доходили семена, и стоило коснуться влажного, тугого мешочка, надутого под цветком — перед глазами с треском разлетался фейерверк крошечных бусинок. Большой взрыв, рождение мира в миниатюре.

И вот ты приходишь на урок сольфеджио, а в руках свежесобранный букет. Очки на носу — большие и толстые, как два бутылочных доньшка; будто намеренно скрываешь глаза. Целуешь меня в щеку, торопясь, затаив дыхание. Я за последней партой, улыбаюсь в ладошку, и в носу щиплет счастье. А у доски, за пианино, сидит учитель, Юлиан Антонович и, мягко перебирая клавиши, говорит: «Запомните, музыка — это язык чувств».

Потом другая подборка воспоминаний: выпуск из университета, свадьба, ремонт в нашей квартире. Все делали сами, без родителей. Я хотела казаться взрослой, а для тебя это был вопрос ценности: чем сложнее в начале, тем важнее итог.

Помню новенький магнитофон, залитую солнцем гостиную, как голубые пылинки танцуют в лучах. Из колонок льётся музыка; ты берешь с пола отрезок плитуса и мешаешь в ведёрке клей. Перламутровая воронка кружится все быстрее, не поспевая за компакт-диск. Ворсистый валик радостно хлюпает, и я вдыхаю едва уловимый, пресный запах крахмала: флизелиновый клей и промокшая бумага — так пахнет любовь.

Ты отрезаешь обои. Мгновение, и бумажная щека тяжело припадает к стене. Стягиваешь полотно чуть ниже, сводя рисунок — стебель к стеблю, лепесток к лепестку, пока там, где мгновение назад зияла плешь штукатурки, не расцветает желтый бутон — первый в нашем саду. Берешь щетку, мерно проводишь вверх, затем вниз — будто не обои клеишь, а разворачиваешь нашу любовь — свежую, гладкую, во влажном разноцветье маков и роз, чтобы продышалась, пустила ростки и ползла по всем стенам, до самого потолка. А потолки в нашем доме — целых три с половиной метра.

Я сказала, что теперь это наш сад. Что наш сад — это и есть мы. Ты улыбнулся в ответ и сказал, что ничего не понял. Помнишь?

А потом все переменялось. Я закрываю глаза и вижу другую подборку воспоминаний. Бледность больничного коридора, бесцветный, будто обеззараженный свет ламп, компьютерная томография. Слова того неприятного молодого доктора (будто ему происходящее казалось пафосным); как выговаривал его розовый, усатый рот:

«Возьмите снимок. Видите пятна, похожие на лепестки? Это метастазы». И ты в коридоре, задыхаясь, уже после: «Да что этот идиот знает об онкологии?! Кто вообще рак сравнивает с цветами?!»

А мне теперь, знаешь, кажется, что он был прав: ведь рак пускает побеги в вечность. Возвращает нас туда, откуда мы пришли.

Прости, если говорю ерунду. Но ты заметил, что у твоего изголовья, прямо за плитой, теперь тоже выросли башмачки? Должно быть, ветер случайно принёс семечко. В жизни что-то всегда рифмуется. Выходит, что наша рифма — от начала и до конца цветы.

Потому мне и нравится наше с тобой общее представлять как сад. И потому прощаться с квартирой, с нашими обоями, было так сложно. Вроде как мы сами есть, только пока есть наш дом. Когда дочка впервые привела покупателей, у меня горло щипцами сжало. Это были молодожены — красивые, юные, будто повторение нас. Девушка коснулась обоев и сказала: «Какие красивые», а парень поморщил нос и спросил: «Сколько лет вы их не меняли?» Будто любовь всегда о новизне. Им невдомек, что наш с тобой сад полнился многолетниками.

Я тебя не утомила? Анна Алексеевна, мой бывший психолог, говорила, что записывать мысли на бумаге терапевтически полезно, мол, так горе проживается быстрее. А мне кажется, что я и правда пишу тебе — вот оставляю конверт прямо здесь, под камешком, и ты придёшь, как за кусочком хлеба на рюмочке — присядешь в тишине, прочтёшь, призадуматься.

Очень я упиралась не продавать квартиру; да ты и сам видел. Но дочь все твердила: «Мам, ну три года уже прошло, как папы нет, пора жить дальше». А Анна Алексеевна твердила, мол дом — всего лишь дом, и срывать обои — не значит предавать память.

Ещё она говорила (и вскоре мы расстались — ее рассуждения стали мне претить), что любовь метафорична, и оттого разлюбить так сложно: она проникает всюду, становится цветами на обоях, бликами солнца на фотографиях. Но вместе с тем это иллюзия, и живет она в голове — и вот теперь ее надо срезать, сложить в коробку, скажем, из-под обуви, и убрать подальше, на самую верхнюю полку памяти. Мол позабыть — в этом и суть прощания.

Но я думаю, что все иначе. Что память — это не коробка сухоцветов; напротив, в воспоминаниях все цветет. И прощание — это последний, самый красивый бутон в саду нашей истории. Прощание — это апофеоз встречи. И теперь наше «мы» окончено, неизменно, оно навсегда замерло в благоуханной вечности; и его не позабыть. Ведь саму нашу встречу не отменить, как не обеззвучить уже прозвучавший звук. И наш сад будет цвести даже вне гостиной — кто бы там ни жил, и в какой бы цвет ни перекрасил стены.

Рассказала об этом дочке. Она улыбнулась и ответила, что ничего не поняла — совсем как ты. А вчера вечером подписали бумаги, передали ключ новым жильцам. Все равно тоскливо: я за порог не успела выйти, а муженек уже блещет ножом, поддевает обои — проверить, отстанет ли полотно. Отошло легко, без сопротивления. Слышно было, как тихо хрустнул клей. И в воздухе — всего на мгновение — будто бы снова была ваниль.

Неперерабатываемый пластик

Евгения Приходько

Я пнула пластиковое ведро для органических отходов, благо пустое. Оно долетело до стенки кухни, отскочило и так и осталось лежать на боку. Кимчи, трехногая рыжая собака, поджав хвост, выбежала в гостиную. Я выволокла чемоданы из своей комнаты, погладила собаку, которая испуганно смотрела на меня, и закрыла за собой входную дверь.

Говорят, если хочешь потерять друга, заведи совместный бизнес. Я же считаю, что нужно всего лишь пожить вместе. С Джесси мы были знакомы с детства, выросли на соседних улицах. Когда я ей написала, что переезжаю в Бостон в сентябре, она тут же с воодушевлением предложила снимать вместе: в августе съезжает ее сосед, комната будет свободной. До моей работы недалеко, и она поможет с мебелью: у ее бабушки, который живет в этом же штате, в подвале точно есть добротный деревянный стол и уютное глубокое кресло. Кровать с матрасом придется купить, но она одолжит машину у друга и поможет с доставкой. А может быть, повезёт, и стул, и кровать, и что-нибудь еще найдем на улице в последнюю неделю августа, когда все съезжающие по каким-то злостным риелторским законам Бостона должны освободить жилье до 31 числа. Эту неделю называют августовским Рождеством: студенты выносят на улицу все, что не берут с собой дальше: мебель, домашнюю утварь, одежду.

Последний раз мы с Джесси виделись перед тем, как уехать учиться по разным городам: она выбрала новомодное направление по потреблению водных ресурсов

в городском пространстве. Ее темные волосы мягкими волнами опускались до плеч; на комплименты о своей причёске она, улыбаясь своей калифорнийской улыбкой, отвечала, что подстригла их сама. На ней была длинная юбка и белый топ без рукавов: Джесси, активно жестикулируя, без стеснений демонстрировала кущи темных волос под мышками. За несколько лет, что мы не виделись, из многочисленных сториз в Инстаграме я поняла, что она стала веганом и взяла собаку из приюта: Джесси периодически постила видео Кимчи и статистику про вред окружающей среде от потребления говядины. Так, при производстве мяса в количестве одной порции в неделю, помноженной на год, выбрасывается столько парниковых газов, как если бы слетать шесть раз из Нью-Йорка в Лондон. Я с удовольствием отметила, что наконец-то буду жить с кем-то, кто не готовит в полночь стейк, запах которого потом полночи преследует меня во сне.

Наш медовый месяц соседства длился недолго. Все началось из-за пластиковой упаковки. Я пришла с работы позднее обычного, в руках ужин: индийское карри на вынос. Джесси готовила тофу на кухне, белые кусочки соевого сыра шкворчали на сковородке, разбрызгивая масло на вымытой мною вчера плите. Кимчи кинулась ко мне в ноги. Джесси через плечо неодобрительно кивнула в сторону упаковки из пластика и посоветовала не брать в ближайшем индийском ресторане еду на вынос. Этот тип пластика не перерабатывается, а прямиком идет на свалку, объяснила она. Я посмотрела на упаковку корма Кимчи из такого же материала, но решила промолчать.

После этого меня постигла череда неприятных сюрпризов: неоднократно несмытый за собой унитаз во благо экономии воды; пакет с пищевыми отходами в морозильнике рядом с моим хлебом. На мой вопрос, нельзя ли утилизировать отходы, а не хранить у нас в холодильнике, Джесси удивилась моей чувствительности. У нее не было времени отнести ведро в пункт приема органики для компоста, посему она, чтобы не пахло и не разводились фруктовые мухи, решила сунуть пакет в морозильник.

Дом постепенно стал пространством риска. Рыба, упакованная в магазине в пластиковый пакет, который Джесси победоносно выудила из мусорки — скандал. И использованные ватные палочки, не прошедшие должным образом сортировку — измаранный ушной серой хлопок к органике, а палочка на переработку, — скандал. Купленные мною диски — скандал. Я рассердилась и спросила, как мне стирать лак для ногтей. «Я использую старые тряпки, то же самое!» Пронеслось вихрем возмущения в моей голове: макияж мне тоже тряпкой снимать?

Я начала замечать, что вопреки своим собственным убеждениям о необходимости заботы об окружающей среде начала брать пластмассовые трубочки, когда заказывала кофе в Старбаксе. Или в те дни, когда Джесси вечером не было дома, я заказывала индийскую еду навынос, упаковку которой потом прятала в своей сумке, чтобы выкинуть где-нибудь по дороге на работу. После чего я шла и самозабвенно принимала долгий горячий душ. Сначала медленно наносила шампунь на волосы, потом методично скрабила тело, затем церемониально шла очередь кондиционера для волос, и наконец оставалось потереться с ног до головы мочалкой. Двадцать минут запретного удовольствия под горячим душем. Позже мне становилось стыдно, когда в Инстаграме я видела сториз с мероприятия по защите окружающей среды, где участвовала Джесси с докладом о правильных практиках потребления воды в быту. Она, в отличие от меня, принимает пятиминутный душ строго через день и перед этим занимается спортом, чтобы иметь причину расточать воду.

Краеугольным камнем преткновения в доме стал термостат. Когда пришли холода, Джесси установила температуру в доме на пятнадцать градусов. Несколько вечеров, когда она уже спала, а мы с Кимчи в обнимку для обоюдного обогрева смотрели Нетфликс, я вылазками подкручивала термостат до восемнадцати градусов. Утром я просыпалась с холодным кончиком носа и находила стрелку по-диктаторски установленной на цифре пятнадцать. Вечером разразился скандал. Неужели я не могу надеть пару свитеров и носков вместо того, чтобы тратить деньги на газ и способствовать загрязнению окружающей среды? Я не нашлась что ответить. Я стояла перед Джесси в толстых спортивных штанах, заткнутых в вязаные носки, в большом кардигане, напяленном на шерстяную водолазку. Со злорадством подумала, что, когда она уедет через три недели на конгресс по озоновым дырам в Вашингтон, то устрою гавайскую тематическую вечеринку и подкручу термостат до двадцати шести градусов, опять же назло Джесси.

Тем утром, когда я решила съехать, в районе шести часов сработала пожарная сигнализация на кухне: я сонная выскочила из комнаты и столкнулась с Джесси, завернутой в полотенце. «Oh, I am sorry!» Ее мокрые волосы после душа, с которых падали капли, прилипли к оголенным плечам. Босиком, она одной рукой придерживала полотенце, а другой, в варежке, доставала сгоревший хлеб из духовки. Я открыла окно и осторожно, стараясь не наступить на мокрые следы из ванной в кухню, вернулась в свою комнату. Через час, проснувшись от будильника, увидела сообщения от Джесси. «Извини, что разбудила! Угощайся розмариновым хлебом! Могла бы ты еще выгулять Кимчи перед работой?» Сонная, я на кухне сварила кофе и съела подгоревший пресный хлеб с последним кусочком масла. Выкидывая упаковку, заметила на дне мусорного ведра коробку из неперерабатываемого пластика, всю в желто-оранжевых пятнах от остатков карри. Озарением вспомнилась на удивление свободная от готовки кухня вечером накануне и запах индийской еды, витавший в гостиной, когда я пришла домой. Это стало последней каплей. Я позвонила боссу, сказала, что заболела. Написала подруге, попросив

переночевать у нее несколько дней. Выгуляла
Кимчи и начала собирать вещи.

Никому и ничему, потому что никто не помнит

Валерия Фролова

Когда-то мы разговаривали по ночам. Он переползал ко мне в кровать и смеялся. Я слушала тихо. Мне казалось, между вдохами он успевае́т что-то сказать — только надо прислушаться. И я слушала.

Мы пили кипяток. Не любили чай. Прятались от грозы. Учились свистеть и писать — буковки, эсэмэски. Я была младше, а он старше. Он был брат, а я была сестра.

Он был Гера.

Вот он приходит теперь, разучившийся улыбаться, покосившийся, как старый трухлявый дом — сам из деревяшек, а крыша рыжая-рыжая, когда-то красная. Гера, кричу ему. Гера меня не слышит. Иногда я думаю — вдруг Геру подменили на глухого? Тогда он вдруг начинает подпевать рекламе из телевизора.

Я знаю, Гера меня обманывает, но не понимаю, в чем именно.

Странно, что мы с Герой живём одни. Но просто так вышло. Мама наша умерла, папа наша умерла, баба наша умерла, деда наша умерла — я люблю притворяться, что это считалочка. А квартира наша осталась, как баба говорила.

Гера никого не водит домой. Ко мне приходят соседки, дают конфеты и говорят,

что видят его под подъездом, жмущегося губами к чьим-то щекам — щеки краснеют так, что на всю улицу пекло, даже лица не разберёшь. Они меня спрашивают:

— Как её зовут?

Кого? И днём мне всё снится, как я ползаю по чьим-то огромным щекам, шершавые пятки жжёт и немного колет. Щёки поднимаются горкой — и я куда-то падаю, несусь в огромный улыбающийся рот, к самым зубам.

Гера почти не разговаривает со мной. Вот какой он обычно:

— Я устал. Я пойду полежу.

— Гера, а что ты делал? — я так его спрашиваю.

— Я работал.

У Геры есть работа. У меня тоже!

Каждое утро я просыпаюсь и работаю усиленно — чтобы сравняться с Герой. Но он почему-то не замечает. Только редко-редко я вижу его улыбку, такую большую, что, мне кажется, это он вечно съедает меня в том не умеющем кончатся сне.

Моё расписание на день висит на меловой доске у нас в комнате, прилеплено тигром-магнитом:

1. Сделать зарядку;
2. Почистить зубы;
3. Заправить свою кровать и Геры кровать;
4. Разогреть кашу;
5. Вести себя хорошо;
6. Никому не открывать.

Иногда нужно достать курицу вечером из морозилки — или другой животный трупик, но это редко. Мы с Герой ужинаем йогуртами, он очень любит вишневый, а я — нет, потому что вишня круглая и чтобы Гере больше досталось. Я люблю персиковый.

Гера говорит, что работа у него очень трудная. Я бы хотела стараться больше, чтобы ему помочь, но только не знаю, чем и зачем.

Есть правило, которое я не выполняю — оно нестрашное. Я просто открываю кому попало. Я только поэтому теперь знаю, что её зовут Марина.

Марина была маленькая, почти с меня ростом, только чуть-чуть повыше, и какая-то нитка с грязными, как молоко, бусинами стягивала её шею. Марина постучалась в мою дверь. Марина сначала не прошла. Мне показалось, она удивилась.

— Вы ко мне? — Я ко всем обращалась на вы, даже к таким низким и растерянным.

Она спросила меня. Я хотела соврать, но мне так понравилось её удивленное лицо, а ещё я поняла, что за щёки покраснели на всю улицу и мешали мне спать — и я назвалась своим именем. Она зачем-то переступила порог, как будто я пригласила её войти.

— И ты сидишь здесь совсем одна?

— Нет, с Герой. Но он только вечером приходит.

У нас сразу получилось говорить. Она погладила меня по волосам. От неё пахло абрикосами — а ведь абрикосы похожи на персики. Мне понравилось, как она коснулась меня.

А дальше она сама закрыла в квартире дверь. Сняла свои сапоги. Посмотрела вокруг — я не знаю, обрадовалась или расстроилась, но руки сложила серьёзно. Прошла по комнатам.

Я плелась за ней по нашей квартире, как гостья, и ничего не показывала — кажется, я ничего не могла рассказать. Только когда она посмотрела на список на доске, я ей кивнула:

— Это — моя работа!

Она ещё раз коснулась меня — где-то возле щеки и шеи, даже щекотно. Я не видела слез, но, мне кажется, она тогда плакала. Я почувствовала это через движение её крохотных детских пальцев.

Когда Гера пришёл, меня закрыли в комнате и сами о чём-то говорили долго. Вышли, когда я допивала йогурт — вишневый, в этот раз другого не осталось, а очень хотелось есть.

— Ну, чем ужинать будем?

Гера развёл руками, как ребёнок. Я только повторила за ним.

— Всё с вами ясно, — как-то весело сказала она и стала одеваться.

Я подумала, что сейчас уйдёт, и Гера тоже погрустнел — вернее, стал таким же, как в обычные вечера.

— А ты чего сидишь? Одевайся давай, в магазин пойдём. Ребёнка кормить надо, — она наклонилась ко мне, очень близко, и я вся оказалась в её абрикосовом запахе, — ты подожди нас, мы скоро.

Ушли. В квартире стало тише обычного. Гера всегда по вечерам был дома, шуршал одеялом. Я села в кухне. Вдруг они меня бросили? По потолку скрипели пенопластом плиты — одна собиралась упасть. На столе ежилась клеенка, розовые цветы на ней вяли и как-то некрасиво, отчаянно ссыхались. Я долго смотрела в одну чернеющую точку на нарисованном смородиновом листке — и мне казалось, она ширится, ширится и ползёт на меня. Дверь заскрипела.

— Ну, вот и мы.

Было отчего-то страшно встать, поэтому я сидела, сама став частью тишины.

— Купили немного, но вкусного. Сегодня не будем ничего готовить серьёзного! Так, просто посидим. Семейным кругом.

И она стала шуршать, шумно доставая из пакетов какие-то пластиковые контейнеры — с ярко-рыжей тертой морковкой, и с болотными водорослями, тонущими в майонезе, и с криво завернутыми сине-коричневыми баклажанами. Взяла батон хлеба и целый мне дала:

— Кусай так, если хочешь. Или отламывай себе. Так всегда вкуснее.

Гера принес стаканы, налил мне сок, уселся рядом. Положил руку мне на голову и, смеясь, стал о чем-то рассказывать, глупо и натурально изображая чужих, незнакомых людей. И я вдруг стала совсем, как будто снова, маленькая.

Обмену и Возврату не погложит

Екатерина Вереникина

— Может, сфотографируете на память? — наконец огрызнулась Алина.

Женщина в очереди, увлечённая беседой, явно не ожидала, что кассир обратится к ней в подобном тоне. Ошарашенная, она принялась пародировать здешних аквариумных обитателей, выпучив глаза и хватая ртом воздух в надежде на то, что вместе с ним в голову залетит ответ поувесистей. Её собеседница обходилась кислородом, поступающим исключительно через нос, но втянутые, чтобы не ляпнуть лишнего, щёки и ей придавали сходство с тропическими рыбками. Первый в очереди покупатель невнятно пробормотал «пасибо» и, заталкивая сдачу в карман, поспешил сократить число свидетелей надвигающегося скандала.

Да и пожалуйста!

Ни ему, ни остальной очереди, ни даже Косте, который уже семенил с другого конца торгового зала, Алина не собиралась объяснять, «какая муха её укусила» и отчего она так раздражена.

— Лина, займись, пожалуйста, ценниками, — с вежливой улыбкой подоспел управляющий.

— Хорошо, Константин Андреевич, — с безупречной артикуляцией отчеканила Алина.

Она прошагала вдоль очереди чуть ли не строевым шагом, гордо подняв голову, как на параде, и не без ехидного удовольствия продемонстрировала клокочущим дамочкам свой дресс-код: короткие шорты поверх тёмных колготок и изрядно поношенные кеды. Маразматички старые. Думают, Алина не заметила, как они на неё пялились и шушукались? Они и сейчас косятся на её выкрашенные волосы и татуировки. Да они даже не настоящие! А и были бы настоящие, так не их дело!

Лавируя между аквариумами и клетками с пернато-хвостатой братией, Алина начала успокаиваться. Зря она сорвалась на её покупателей: перед Костей неудобно. Он-то к ней хорошо относится, по-взрослому. Тем более, стыдно было бы признаться, что вовсе не из-за косых взглядов она так взъелась. Ей не привыкать: дома все так же смотрят.

Телефон издал короткий сигнал.

«♥Олечка Игоревна♥ поделилась записью...»

На стене подруги красовалось свежее фото дорожного чемодана с хэштегами #2022давайдосвидания!#выпуск2023.

Затолкав телефон вместе с чемоданом и всем его содержимым в задний карман, Алина стиснула зубы. Обида никак не проходила.

Впервые услышав о желании дочери слегка изменить облик, её старики единогласно заявили, что спонсировать *это* не собираются. Поэтому Алина нашла подработку в торговом центре, в секции зоотоваров, что всё же не спасало от неодобрительных взглядов, которыми родители встречали каждое её ноу-хау. А теперь Алина не может поехать с друзьями встречать Новый год, «потому что там не будет никого из взрослых»! Желание провести новогоднюю ночь с теми, с кем в будущем она, скорее всего, будет видеться только на встречах выпускников, предки сочли очередной прихотью.

— Всё потому, что она единственный ребёнок в семье, — как-то заявил папа.

Интересно, в этом тоже она виновата?!

Тяжёлые шаги распугали квартировавшихся неподалёку джунгарских хомячков. Алина сделала глубокий вдох.

У одного из террариумов, как приклеенный, стоял мальчишка. Встав на цыпочки, он упёрся ладонями в витрину и с открытым ртом разглядывал равнодушных к бесконечным смотрам рептилий.

— Они не любят, когда на них так глазеют, — рассчитывая отвести мальчугана от изрядно запотевшего стекла, выдала нравоучение Алина.

Мальчик выпрямился, втянул голову в плечи и, насупившись, уставился в пол. Всем своим видом он показывал недовольство по поводу бесцеремонного вторжения в его личное пространство.

Какие мы нежные!

— Ты здесь один? Родители где? — Алина осмотрела магазин.

Покупателей больше не было. Мальчик упорно молчал и, плотно сжав губы, натужно засопел. Из сжатого кулачка торчал край оранжево-красной купюры.

Многовато для такой козявки, но одет, вроде, прилично.

— Кто дал тебе деньги? — без лишних реверансов строго спросила Алина.

— Дядя Лёша, — после недолгих раздумий капитулировал молчун.

— А он знает, что ты здесь?

Паренёк пожал плечами.

— Понятно, — протянула Алина, — Костя, у нас мальчик потерялся. Я отведу его к эскалатору. Объявлю по громкой связи.

— Давай! — дал добро начальник.

— Ну, пошли. — Кивнув потеряшке, она направилась к выходу.

Тот без возражений пошёл следом и, к чему Алина отнеслась с пониманием и благодарностью, не изъявил желания взять её за руку.

Дойдя до будки, в которой находился громкоговоритель, она уточнила:

— Как тебя зовут?

— Ваня, — прозвучало в ответ простенькое имя.

В отсутствие дежурного Алина включила громкую связь:

— Алексей, подойдите к эскалатору на втором этаже. На скамейке вас ждёт Ваня, — и, вспомнив похожие объявления, добавила, — мальчик в зелёной куртке.

Новоявленный Иван сидел тихо, только изредка шмыгал носом, но скорее из-за насморка, чем от избытка переживаний. Алине же спокойствие давалось тяжелее — за Ваней никто не шёл. Повторив сообщение несколько раз, она решила всё же отвлечь мальчика разговором. Вот только о чём принято говорить с маленькими детьми, Алина не знала. Она же единственный ребёнок в семье!

— Да где твой дядя Лёша? — нервно оглядываясь, выдавила Алина.

— Он мне не дядя! — тут же отозвался хмурый мальчуган.

— А кто?

— Временный папа.

— Временный? Новый мамин муж, что ли?
— не поняла она.

— Нет, он старый. А мама тоже новая. На время, — не поднимая глаз, объяснил Ваня.

Не вникая в смысл услышанного, Алина отозвалась одобрительно, лишь бы им снова не молчать:

— Круто. Мне иногда тоже хочется родоков поменять, — припоминая накопившиеся обиды, съязвила она.

Впервые за всё время мальчик прямо посмотрел на собеседницу широко раскрытыми глазами. В них явно читалось недоверие: кто же в здравом уме будет родителями разбрасываться?

— Подрастёшь — поймёшь, — скрестив руки на груди, раздражённо отмахнулась от негомого вопроса Алина.

Она поморщилась. Сильно смахивало на излюбленный родительский аргумент: «Свои дети появятся, тогда поймёшь!» Все споры в их семье обычно этим и заканчивались.

Ха! С такими методами воспитания внуков могут и не ждать!

Снизу, со скамейки, донеслось:

— Они меня отдадут. Я у них деньги взял.

Мальчик разжал кулачок. На протянутой ладошке лежала смятая пятитысячная купюра.

Брошенное ребёнком слово осело на краю сознания, придавая новый смысл всему сказанному.

— Как отдадут? — оторопела Алина.

Мальчик, такой маленький, что его ноги болтались над полом, будничным тоном подтвердил:

— Другие отдавали.

Холод, сковавший Алину, никак не вязался с румянцем, выступившем на щеках.

— У них ты тоже деньги брал?

Она не знала, что делать и что говорить.

— Нет, — пристыженно ответил Ваня.

— А сейчас зачем взял? — логичные вопросы давались проще всего.

Главный вопрос Алина задать не решалась.

— Черепаху хотел купить, — робко сознался тот.

Трогательное признание вызвало у нее улыбку.

— Почему черепаху? — Алина села рядом с мальчиком.

— Они живут аж триста лет! — встрепенулся Ваня.

Он как-то сразу оживился: рассказал всё, что только может знать маленький мальчик о черепахах; стал беззаботным, счастливым ребёнком. Хотя бы на время.

— А они настоящие? — заморожено глядя на ее изрисованные руки, спросил Ваня.

— Нет, это футболка, — оттянув рукав, посмеялась Алина.

Она заговорщически подмигнула, и мальчик расплылся в улыбке.

На верхние ступени эскалатора, тяжело дыша, поднялся растерянного вида мужчина. Поправляя съехавшие на нос очки, он посмотрел в сторону скамейки. Похожие очки с толстыми линзами в потёртой белёсой оправе Алина видела только у бабушки. Куда они делись после его смерти, она не знала.

— Вот ты где! — Спотыкаясь, гореводитель подбежал к сыну. — Я так перепугался!

Ваня втянул голову в плечи.

— Забыл телефон в машине, пришлось возвращаться на парковку. Извините, не сразу сообразил, что это вы про моего. Сказали, мальчик в зелёной куртке, а я, представляете, забыл, в какой Ваня курточке! — затараторил мужчина. — Спасибо вам большое!

Алина с Ваней переглянулись. Ну, видимо, вся надежда на «новую» маму.

Алексей, взяв мальчика за руку, направился обратно к эскалатору. Не теряя времени, Алина рванула в магазин.

Только бы успеть!

— Подождите! — догнала их Алина. — Вот. У нас акция. Ваня выиграл.

Переводя дыхание, она протянула ничего не понимающему пареньку тёплую шапку. Недоумение на детском личике быстро сменилось восторгом, когда в шапке зашевелилась сонно перебирающая лапками черепаха. «Временный папа», напротив, озадаченно поправил очки. Если он и думал что-то возразить, Алина не предоставила ему такой возможности. Уже с эскалатора, махая Ване на прощание, она прокричала:

— Живой товар! Обмену и возврату не подлежит!

Она достала телефон, под записью подруги написала: «Желаю удачной поездки, весёлых праздников и счастливого Нового года!». После возвращения в магазин Алина ещё долго не могла перестать улыбаться.

Надо бы позвонить родителям — без шапки по морозу далеко не уйдёшь.

Рецензия писателя Дениса Гуцко:

«Отличный рассказ, прочитал с интересом. Главное получилось: автор точно описал вселенную современной молодёжи с её ревностным отношением к личному пространству и болезненной эмпатией, прикрытой показной отстранённостью; автору удалось выстроить плотный и содержательный подтекст, который при этом считывается легко (что важно: как по мне, «зашифрованность» подтекста в коротком жанре не столько добавляет глубины, сколько неоправданно усложняет чтение), и, наконец, найден яркий финал с поворотной точкой, которая любому сюжету добавляет нерва и колорита.

Я бы предложил минимальные технические правки.

Прежде всего, начальный эпизод не то чтобы абсолютно прозрачен.

— *Может, сфотографируете на память?* — *наконец огрызнулась Алина.*

Почему «огрызнулась»? Огрязнулась — это ведь в ответ. А тут Алину вроде бы никто не задевает.

Женщина в очереди, увлечённая беседой...

В целом непонятно, что происходит, из-за чего сыр бор. Если бы, скажем, она слишком долго рассматривала рыб — а тут она в очереди, беседует. Возможно, она слишком громко и бойко разговаривает с соседкой по очереди — и Алина предлагает им сфотографироваться на память (но в тексте «сфотографируете», а не «сфотографируетесь»)? Словом, эта неясность сбивает и напрягает читателя.

В эпизоде с приёмным отцом, на мой взгляд, не хватает одной-двух деталей, которые обозначили бы — какие отношения выстраиваются между ним и ребёнком. В них явно нет и не намечается близости? Есть попытка близости, но пока что неловкая и безрезультативная? Мужчина открыт, но ребёнок по инерции соблюдает режим «задрать все люки»? Мне кажется, это ключевые детали, ради которых во многом и стоило рассказать эту историю. Та часть истории, которая со стороны Алины, выписана вполне объёмно — но есть ещё сторона мальчика. И катарсис рождается именно из соединения этих ракурсов. Поэтому стоило бы ещё немного уточнить, как выглядит мир, из которого пришёл мальчик.

И несколько мелочей.

Недоумение на детском личике быстро сменилось восторгом, когда в шапке зашевелилась сонно перебирающая лапками черепаха.

Уменьшительно-ласкательная форма «черепашки лапки» указывает на её размер, здесь нет интонации умиления. Но в «детском личике» эта интонация есть. Само по себе это намерение — вызвать умиление — верное, здесь оно точно к месту. Но делать это в лоб, посредством речевых конструкций — плохой выбор. Считаю, что отстранённый тон быстрее заставит современного читателя сочувствовать героям. В 21 веке, когда написано и прочитано столько всего, мы охотней сочувствуем тем, кто недополучает сочувствия. Напротив, если автор уже пожалел своего героя — или мимоходом умилился ему посредством суффикса, это как будто даёт читателю право сэкономить свои собственные эмоции.

Ошарашенная она принялась пародировать здешних аквариумных обитателей...

Точнее тут, на мой взгляд, «пародировать обитателей здешних аквариумов».

В целом же автор хорошо пишет —
стройно, образно, иронично.»

Рецензия

Плохие вещи

Екатерина Чижова

Снег хрустит под валенками и лезет за воротник. Аля идет из школы домой. Ей шестнадцать, но в это трудно поверить. Она похожа скорее на маленького взлохмаченного воробья, чем на юную девушку. Бурая цигейковая шуба, доставшаяся от старшей сестры, вязаная шапочка, из-под которой торчит красный, пощипанный морозом нос.

На севере темнеет рано. Звезд не видеть — небо покрыто фиолетовыми грузными облаками.

Дорога из школы долгая: сначала вдоль пятиэтажек, потом — по частному сектору, мимо железной дороги. Где-то лают собаки, но Аля не боится — она ходит этим путем уже не первый год.

Аля слышит шаги сзади. Как будто ее скрипучее движение повторяет кто-то еще. Девочка резко оборачивается и видит метрах в пяти мужчину. Молодой. Высокий. Дубленка распахнута, клетчатый шарф обмотан вокруг шеи. Мужчина пристально смотрит Але в глаза и идет прямо на нее.

Думать некогда. Аля припускает бегом.

— Стой, барышня! Ты варежку потеряла!

Аля не ведется. Бежит по дороге что есть мочи. Но вдруг оскальзывается, падает на колени, больно подвернув левую ногу. Не

успевает подняться и чувствует, как на нее наваливается тяжелое тело.

Аля лежит лицом на грязном протоптанном снегу. Мужчина дышит ей в ухо:

— Что ты, дорогая, в такую ночь гуляешь. Плохие вещи в такие ночи случаются.

Запах. От мужчины пахнет потом, лимонным одеколоном и чем-то еще. Резиной как будто. На Алиных губах привкус грязи. Лоб холодит снег. Девочка мычит и пытается выползти, но тщетно. Мужчина возится с ее шубой, рейтузами и юбкой.

В голове пусто. Аля уже не здесь. Витает где-то там, среди облаков и снежинок и смотрит, как два тела копошатся на дороге.

Она перестает дышать и чуть поворачивает голову влево.

«Я почти дома. Вон уже забор дяди Гриши».

Аля вскрикивает и делает рывок. Мужчина, кажется, не ожидал от девчонки такой прыти. Он хватает ее за ногу, и в его руке остается маленький черный валенок.

Лаает собака. Аля несется к соседскому дому:

— Дядя Гриша-а-а!

Собака надрывается. Пальцы не слушаются, отпереть калитку не выходит.

— Куда пошла, падла! — Мужчина хватает ее за волосы и тащит куда-то в ночь.

Аля всеми силами держится за калитку и орет. Собака орет вместе с ней.

И тут дверь дома открывается. Выходит дядя Гриша, за ним Павлик — его сын.

Девочка чувствует, что никто ее уже не держит. В горле клокочет рыдание, она висит на калитке не в силах разжать пальцы.

Аля плохо запомнила, что было дальше. Как прибежала мать, как она отпаивала Алю чаем. Как ходили в милицию писать заявление. Она плохо помнит соседку тетю Машу, которая уговаривала мать заявление забрать: ведь ее недавно приехавший из города сын ничего плохого не сделал. Да и молодой он совсем, кровь горячая.

Аля не помнит, что говорила мать, не помнит лиц всех этих людей. Те события сплелись в мутное серое пятно: хочешь разглядеть, да не можешь.

Совсем забылись выпускные экзамены, последний звонок, голубое платье из тонкого ситца, сшитое мамой на выпускной.

Она начала приходить в себя только в городе, куда поступила учиться после школы. Потом работа, замужество, дети. Через семь лет поменяли дом, в котором жили мать с сестрами, на небольшую квартиру в многоэтажке с цветущим двориком. Мать

ворчала, но Аля вздохнула с облегчением — ей хотелось держаться подальше от малой родины, от дороги вдоль рельсов, от ночного лая чужих бесполезных собак.

Аля редко вспоминает ту историю. Только никогда не ходит в поздний час домой одна: ищет подружек, чтобы идти вместе. Слезно просит мужа встречать ее после работы и деревенеет, если, выходя из автобуса, не видит его на остановке.

Иногда Але снятся сны: сумбурные, странные. Кто-то идет за нею по пятам, а она не может оглянуться. Она бежит, и неизвестная сила мчится следом. А иногда снятся лишь запахи: жженой резины, лимона и кислого пота. Аля просыпается с прыгающим сердцем, прижимается животом к мужниной спине, вдыхает запах дома, тепла и безопасности и снова проваливается в сон — теперь уже без сновидений.

Прохладный летний вечер. Сирень цветет так, что никуда не спрятаться от ее сладкого запаха. Весь город раскрашен яркими фиолетовыми пятнами.

Аля торопится в гости к подруге. Пакет тянет руку: апельсины, яблоки и пара бутылок вина, чтобы сварить глинтвейн. Аля чуть подпрыгивает, поджидая лифт, предвкушая особенный вечер.

Хлопок двери, шаги — кто-то еще зашел в подъезд.

И вдруг волной — запах. Жженой резины, пота и лимонного одеколona. Аля застыла. Лифт открылся.

— Входите, барышня. — Насмешливый голос с хрипотцой. Тот самый.

Аля заставляет себя сделать пару шагов. Голова кружится, мышцы свело от ужаса и

напряжения. «Как корова на убой иду», — думает Аля.

— Какой вам этаж?

— Пятый. — Она смотрит на мыски своих туфель. Боже!

— Погода сегодня хероватая. Так ветрено.

Двери закрылись. Лифт тронулся.

Безвременье. Вакуум. Вонь его тела и свежесть Алиных апельсинов в пакете. Она слышит биение сердца в голове. Зубы кусают щеки изнутри.

Она поднимает взгляд:

— Да.

У него серые глаза с желтыми крапинками. Кожа в буграх и морщинах. Вся голова седая, ни одного черного волоса.

Сквозь ужас, оцепенение и боль проступает какое-то новое чувство.

Я это преодолела. Я смогла.

Она вкладывает в свой шепот все достоинство, которое ей удалось сберечь с той снежной ночи пятнадцать лет назад:

— Плохие вещи случаются в такую погоду.

— Она неотрывно смотрит в его пустые глаза. Чуть поднимает подбородок и дышит: тихонько-тихонько, чтобы не спугнуть силу, которая в ней зарождается и крепнет.

Мужчина вздрагивает всем телом. Его глаза мечутся по ее лицу, прическе, одежде. Он сглатывает, шмыгает носом, порывисто отворачивается:

— Что вы знаете о плохой погоде?

— Я знаю о ней все. Был у меня учитель...

Мужчина как будто сдувается с каждой секундой. Аля смотрит на его лысеющий затылок, на цыплячью шею, грязный воротник. Видно, как ему не терпится покинуть эту капсулу времени: он то переминается с ноги на ногу, то почесывает ухо. Пауза длится лишь мгновенье, но это мгновенье гремит победным маршем Алиного величия.

— Простите, выхожу. Всего хорошего!

Лифт открывается.

— А вам всего плохого.

Мужчина рванул, не оглядываясь. Аля прислонилась к стене лифта и улыбнулась.

Побег

Анна Сващенко

Они сидели на краю обрыва и смотрели на море. Солнце припекало. Мара скинула куртку, оставшись в одной майке. Пашка то ли улыбался, то ли щурился: низкое солнце светило им прямо в глаза.

— Не вернешься?

— А смысл? — Мара задумчиво жевала травинку. — Жить по его правилам и указке? Он же не слышит меня. И не хочет ничего знать о моих желаниях.

— Если тебя это утешит, то я когда-то выслушивал от своих предков то же самое — «будешь бомжом, если не закончишь высшее». А потом успокоились. Или я повзрослел. Я к тому, что для этого не нужно сбегать на другой конец страны.

Пашка был взрослее, мудрее, он давно и счастливо женат, и когда Мара появилась в мотоклубе, сразу взял ее под свою опеку. Он был как старший брат, о котором она всегда мечтала. И сейчас Мара была согласна с Пашкой. Нельзя убежать от себя и обстоятельств, даже если убегаешь далеко.

Пятью днями раньше

— Ты подашь документы в несколько вузов и поступишь! Хватит болтаться то со своими художниками-бездельниками, то с

байкерами. Одни занимаются не пойми чем, прикрываясь творческими поисками. Другие носятся на своих мотоциклах, как сумасшедшие. Значит, так. Мои условия: если не поступишь в нормальный университет, заберу мотоцикл и лишу денег.

Ор отца был слышен, наверное, даже на первом этаже. Отлично, теперь все соседи в курсе. Впрочем, как и всегда. Такие «милые» беседы у них случались регулярно на протяжении уже почти двух лет. И всегда бурно и громко.

— Мария, ты слышишь, что я тебе говорю?

— Во-первых, я не глухая, хватит так орать. Во-вторых, я Мара, а не Мария.

Лицо отца побагровело.

— Пап, выдыхай. А то еще инфаркт случится, откачивать тебя придется. — Мара осознавала, что хамит, и специально доводила отца. В последнее время ей доставляло какое-то странное удовольствие его злить. Она хотела, чтобы ему было больно. Так же, как и ей. За то, что так быстро забыл маму. За то, что унижал ее недоверием. За то, что навязывал свое мнение. Просто за то, что не любил. Ведь когда любят, не делают больно?

Она отстраненно наблюдала, как отец пытается ослабить узел галстука. Как он со

злостью схватил графин с водой и неловким движением задел стакан. Как стакан разлетается мелкими осколками на керамической плитке пола. Всё происходило как в замедленной съемке. Мара смотрела этот фильм и хотела нажать на паузу.

Отец стал собирать осколки, порезался об один из них. И Мара увидела, как на плитку густыми темными каплями стала капать кровь.

— Ты, неблагодарная дрянь, — выдохнул отец. — Идешь в свою комнату и сидишь там, пока я не разрешу выйти. Никаких друзей, гулянок и вечеринок. Денег ты не увидишь.

Мара молча вышла из кухни. Вошла в комнату, закрыла дверь. Услышала, как повернулся ключ в замке, запирая ее.

— А в туалет как я буду выходить? — Она пнула дверь.

Что ж, она все равно не собиралась здесь задерживаться. Для себя решила еще полгода назад, что уедет. Тогда же и начала готовиться к отъезду. Копила деньги, готовила к сезону байк. Очень удачно, что отец еще год назад оформил генеральную доверенность на «Кавасаки». Три года назад он купил себе мотоцикл. Именно так он «убегал» от мыслей об умершей жене. Поездил, пощекотал нервы скоростью, а потом как-то это увлечение сошло на нет. И так сложилось, что Мара, разделявшая интерес отца к мотоциклам, стала единственной владелицей «железного друга».

«Нашел, чем зацепить, денег он меня лишит. Да лишай. Больно нужны они мне. Сама заработаю», — зло подумала она про себя. Побросала самое необходимое в рюкзак и написала сообщение Пашке, что готова ехать. Они согласовали дату отъезда еще месяц назад. Как раз в клубе родилась идея поехать на Урал, проверить славянские изыскания парней. Правда, все единогласно проголосовали сначала заехать в Крым. «В

Москву через Хабаровск», ага. Но на море хотелось всем. И вот день икс настал. Мара не стала заранее ставить в известность отца, сообщила об отъезде сегодня. Поэтому и случился скандал.

«Ты готова? Ждем у подъезда». Звук входящего сообщения прозвучал резко и тревожно в тишине ночной комнаты. Мара отбила ответное «иду, выкатывай мот». Она давно дала Пашке дубликат ключей. Поставила в отложенные сообщения о своем отъезде. Отец получит его, когда они будут уже далеко.

Подхватила шлем, закинула легкий рюкзак за плечи, открыла окно и по пожарной лестнице спустилась из квартиры. Этот путь она освоила два года назад, когда отец впервые запер ее в комнате. Он так и не догадался об этом. В тот раз она вернулась до того, как отец обнаружил пропажу. Она легко спрыгнула с последней ступени, и ее тут же подхватили сильные руки Пашки. Здесь уже ждали ребята и её «Кавасаки».

Через неделю после побега

В тишину кабинета ворвалась трель мобильного. Григорий Романович вздрогнул и посмотрел на экран. Машка. Наконец-то.

— Да, — резко выдохнул в динамик. — Машка, ты меня в могилу сведешь...

— Григорий Романович? — прервал его незнакомый голос. — Кем вам приходится Мария Радова?

— Дочь, — голос плохо слушался, — это моя дочь.

— С вами разговаривает следователь Иванов. Сегодня на трассе «Дон» произошла авария с участием мотоциклиста и фуры.

Сожалею, вашу дочь спасти не удалось. Вам необходимо приехать на опознание.

Краем сознания Григорий Романович зафиксировал место, куда нужно подъехать. Он плохо помнил, как вызвал такси. Сам за руль сесть не рискнул. А потом бездумно смотрел на мелькающие перед глазами дома на набережной. Взгляд по привычке выцепил одно здание, над которым они с Машкой всегда смеялись. Смеялись. Они больше никогда не будут смеяться вместе. В какой момент у них все пошло наперекосяк? «Когда умерла Оля», — пришел ответ. Сначала он погрузился в свое горе, забыв про дочь. Потом пытался убежать от себя, играя со скоростью на мотоцикле. Лишь бы не чувствовать, лишь бы не вспоминать. В тот период было все: и бары, и пьяные сборища байкеров, и разные женщины, имена которых он даже не старался запомнить. И все это время Машка была одна. А теперь уже поздно. Ужас сковал его. К горлу подступила тошнота. Он открыл окно, глубоко вдохнул влажный воздух Невы. Хотелось выть. И этот невысказанный крик комом застрял где-то в груди.

В морге областной больницы его встретил следователь и проводил в помещение для опознания.

— Вы готовы?

Нет, он совершенно был не готов. Не готов видеть здесь свою девочку. Следователь откинул простыню. На столе, с кровоподтеками на обезображенном лице, лежала не его дочь.

Он еще несколько секунд смотрел на девочку, что лежала перед ним. И не мог поверить, что всё закончилось. Что у них с Машкой еще есть шанс.

— Григорий Романович? — Он слышал голос следователя как будто издалека. И не мог ответить. Ком, что застрял в груди, разросся, мешая говорить. Он мог только мотать головой.

— Это не ваша дочь? — догадался следователь. Григорий Романович смог выдавить из себя ответное «нет» и, пошатываясь, вышел. На крыльце стрельнул у проходящего мимо полицейского сигарету и закурил. Руки тряслись. «Убью мерзавку. Просто задущу в объятиях. Господи, спасибо!» Мысли хаотично скакали. Он глубоко затаился, пытаясь успокоиться.

Когда эмоции улеглись, позвонил знакомому байкеру, владельцу мотосалона. Купить мотоцикл и взять у друга экипировку удалось без лишних проволочек. Заодно он узнал, куда рванула дочь. Хорошо, хоть не одна. Ребятам из клуба, особенно Павлу, он доверял. Разузнал, каким маршрутом они поехали и в каких точках могут быть остановки. Похоже, в одной из таких точек, в кафе на трассе М-4, Машка и забыла телефон.

А потом была скорость. Но в этот раз он не убежал. Он летел на встречу с дочерью и шансом, который дала им судьба.

Рецензия писателя Дениса Гуцко:

«Ядро рассказа сформировалось, но по прочтении остаётся ощущение, что история недорассказана, рука тянется дописать.»

Нынешний финал яркий и драматический, но в драматургическом плане несколько произвольный: драматургия рассказа прерывается как будто на полуслове — как если бы пьеса «Ромео и Джульетта» закончилась на эпизоде, в котором монах готовит зелье. Драматургия всегда о чём-то говорит, высказывает какую-то мысль, подталкивает к каким-то мыслям. Что сообщает она в этом рассказе? Что отец, несмотря на напряжённые отношения, любит свою дочь — думаю, это. Не маловато ли? На мой взгляд, финал фатально упрощает эту историю. К том уже в начале фокальный персонаж Мара, в финале — её отец. Что усугубляет эффект.»

Как пройти тропой эклектики, чтобы она не раздражала, а воспринималась как стилистическое решение? Довести эклектику до предела — но выдержав при этом внутреннюю логику. (Если надеть два разноцветных носка с офисными брюками, это ещё не стиль. Но и если надеть на левую ногу кроссовок, а на правую — ботинок, стиля не получится. Важно уловить грань).

Добавленный после сцены в морге эпизод с отцом, который покупает байк и едет по байкерским точкам искать дочь (самое начало этого поиска — только чтобы читатель понял, о чём речь, иначе никаких объёмов не хватит, тут сюжета на роман) позволяет вывести историю на новый, более содержательный уровень: как только прижало по-настоящему,

отец готов на что угодно, чтобы переломить ситуацию и вернуть дочь.

Открытый финал в такой истории будет вполне уместен — самое главное рассказано уже тогда, когда отец отправляется на поиски Мары. И в процессе будет думать о ней, о том, как так случилось, что между ними образовалась пропасть.

И еще от прямого описания эмоций чаще всего стоит отказываться. Оставляйте читателю эту простую работу — понять, что здесь происходит по описаниям действий и поведения персонажей.»

Пожар

Наталия Тагер

Анна той зимой всё реже стала покидать пространство не только квартиры, где её согласилась приютить сердобольная подруга, но и своей комнаты, которая в свою бытность до Анны была причудливой смесью библиотеки, кладовки и гостиной. Возможно, поэтому внезапно возникший тут разложенный диван и вешалка с одеждой не контрастировали ни с пыльными книжными полками, ни с по-жиряфьи изогнутым пылесосом в углу, ни с деревянным кофейным столиком цвета чая, разбавленного молоком.

Объяснения затворничеству Анны было два. Во-первых, у неё почти не было денег, чтобы куда-то ходить, а бесцельно гулять по промозглому, будто бы вечно готовому расплакаться городу она не хотела, чтобы сохранить хоть крупицы оптимизма и без психологических потерь дожить до весны. Во-вторых, она боялась. Страх этот был и страхом смерти, и страхом жизни одновременно. Её заболевание регулярно напоминало, что каждый день может быть последним, но это не побуждало её путешествовать, безумствовать или знакомиться с людьми. Вместо этого она часами вязала бесчисленные пледы и свитера под убаюкивающий звук подкастов и сериалов.

Анне было немного совестно за то, как она подселась к подруге, поэтому она всеми силами старалась слиться с интерьером отведённой ей комнаты, задрапировать себя пледами и подушками, стать бесшумным продолжением своего дневника. Она приехала погостить на пару недель, а потом найти своё жильё, но время шло, а средств от подработки

хватало в обрез, чтобы отдавать долги и покупать себе еду и пряжу. Она понимала, что её подругу Варю в первые месяцы тяготило такое соседство, но потом с удивлением стала замечать, что оно будто бы стало важным для них обеих.

Варя была сокрушительно, безнадёжно влюблена. Эта любовь цементным катком прошла по её жизни, оставив после себя клубок мыслей, в котором невозможно уже было распутать, где заканчивается её реальность и начинается его. Она цеплялась за его реальность, потому что в ней он был хорошим человеком, который просто пока по объективным причинам не может быть с ней, но её реальность, не выдерживая долгого сжатия, приходила к ней во сне. Каждую ночь в четыре утра она просыпалась с ощущением, что тонет, и резко приподнималась на локте, чтобы шумно отдышаться, а потом шла на кухню выпить воды и неизменно встречала там Анну. Никто из них не пытался завести светскую беседу или расспрашивать о сложном. Они просто молча сидели там без света под звук закипающего чайника, смотрели на один горящий фонарь за окном и этого единения было достаточно, чтобы унять тревогу.

За неделю до сочельника Анна все же позволила Варе уговорить себя пойти на рождественский рынок. Они еще издали стали различать звуки толпы, которые, как волны, то свирепо накатывали и взрывались нетрезвым гогогом, то отступали и шуршали неразборчивым шепотом. Быстро выпив приторно-сладкий глинтвейн и положив в

карман брецель с крупными кусками соли, Анна вцепилась в локоть, скрытый под ирисовым пальто подруги и взглянула на неё глазами, полными ужаса и растерянности, призывая как можно скорее выбраться из этого хаотичного места.

Домой шли пешком. Варя смотрела на семьи с детьми и собаками, которые так же, как они, возвращались домой с рождественского рынка, и пыталась представить себе свою будущую семью, но картинка рассыпалась, потому что объект её любви постоянно растворялся, уходил, исчезал из статичной фотокарточки, оставляя её одну с детьми и собаками. Анна тоже смотрела на семьи с детьми и думала о своей матери. Они обе отчаянно хотели нежности, но смертельно боялись быть отвергнутыми, поэтому

изолировали себя на всякий случай от всех, даже друг от друга. Она улыбнулась, подумав о том, как всю жизнь не хотела быть похожей на маму, но, конечно же, именно такой и оказалась.

Уже подходя к их квартире, Анна вдруг заметила, что около другого дома на их улице будто бы организовали еще один рождественский рынок: скучная бежевая пятиэтажка утопала в мигающем неоновом-красном и неоновом-синем, а из двух окон прерывисто показывалось пламя, превращая здание в модный ночной клуб. Анна достала припасённый брецель, отломилась половину и дала её подруге. Они издали смотрели на мерцающую суету, неспешно откусывали соленые куски хлеба и впервые за долгое время им было странно хорошо в эту минуту.

Сигнал

Мария Цюрупа

Бывают плохие дни. Как этот понедельник. Вцепившись в руль и затравленно бегая глазами — зеркало заднего вида, приборная доска, клочок грязной дороги перед капотом — Аня неровным темпом ползла по пустому району. Не пустому — сзади блеснули фары! Нет, пустому: свет вильнул и исчез...

Сжатые ладони дрожали на руле, а локти напряглись и никак не могли расслабиться, отчего спина неудобно зависла, не касаясь сиденья. Правая нога забыла рефлекс и ёрзала невпопад, слишком резко давя педали, а потом так же дёргано их отпуская. Как сказал бы сейчас Максим: «Куда крадёмся? Кому жужжим? Не жги мне сцепление».

Аня водила плохо и злилась на себя за это. Она водила плохо уже много лет и никак не могла перебороть внутренний ужас перед дорогой, перед движением среди других машин. Среди других водителей — уверенных, самостоятельных, взрослых людей, — она была самозванцем. Твой внутренний возраст — тринадцать лет, — говорил Максим. И Аня мысленно с ним соглашалась. Какая-то она и правда была несамостоятельная, нерешительная и ни на что не способная. Но нужно было наконец взять себя в руки. Повзрослеть. Уже очень-очень пора.

Аня была несчастлива в браке и украдкой мечтала о том, как уйдёт наконец-то из этой невыносимо тоскливой, надоевшей жизни, и построит новую, счастливую, как полноценный и самостоятельный человек. При

этом она понимала, что никуда она, скорее всего, от Максима не денется, потому что у неё в жизни не хватит смелости. Остаться одной в квартире с ребёнком? А если заболит ребёнок? А если они заболеют одновременно? А если навалится тоска и страх, и будут вокруг только стены, и вместо того, чтобы винить и ненавидеть Максима, ей останется винить и ненавидеть только саму себя? И как вообще может жить сама женщина, для которой даже парковка при свидетелях — невыносимый стресс?

Но так, как есть, больше нельзя. Нужно шаг за шагом взять свою жизнь под контроль. Налево, притормозить на перекрёстке. Прямо или направо? Прямо или направо? Направо. Так, правильно. Теперь успокоиться. Глубокий вдох. Медленный выдох. Паркуемся перед домом. Знакомое упражнение — заезд в бокс. Нужно просто не бояться. Ну, не влезет она со второго раза — влезет с третьего. С четвёртого, пятого. Никто не узнает. В следующий раз получится лучше, потом ещё лучше, так потихоньку и справимся.

А потом справимся и со всем остальным.

Кругом было тихо. Мелкие крупинки снега кружились в свете фонаря и плавно оседали на дерево, на забор, таяли на стекле машины.

Аня решительно положила руки на руль, провела пальцем по знакомому кожаному шву.

— Ну помоги же мне! — обратилась она не то к машине, не то к коричневому зимнему небу, сыплющему крупой. — Услышь меня. Помоги мне. Пожалуйста.

Первая. Крутим руль, забираем носом вправо, к самому тротуару. Теперь задняя. Вдох-выдох. По зеркалам — и поехали.

И тут заверещал парктроник.

— И чего тут сложного? — сердился Максим, выворачивая шею, чтобы взглянуть назад. От этого движения брови у него почему-то ползли вверх, а глаза таращились. Он спустился во двор прямо в домашних штанах и был недоволен. Аня пристыженно сидела на пассажирском сиденье.

— Ну как, как можно сюда не влезть?

Машина задним ходом прошла по изящной дуге и без труда встала в парковочное место. Никаких лишних звуков, никаких проблем.

— Слушай, я пробовала несколько раз! Там ничего нету — а он пищит.

— Почему у меня не пищит?

— Не знаю.

— Дурью маешься, — вынес вердикт Максим и заглушил мотор. Аня, отвернувшись, смахнула слезу со щеки, но на её месте тут же появилась новая.

Бывают хорошие дни. Как этот вторник. Аня водила чудесно. Она храбро съездила в центр по делам, справилась там с параллельной парковкой, мастерски повернула налево с трамвайных путей, тронулась в горку на светофоре, почти не жужжа. Она ехала и чувствовала, как уверенно

лежат на руле её руки в изящных перчатках, как отдыхает спина, как слаженно, даже лихо двигаются колени и локти. Вернувшись в знакомый район, она так расслабилась, что позволила себе включить музыку и подпевала, барабанила пальцами по рулю. Она может так же, как все. И точно ничуть не хуже Максима. Манёвр совершенно понятен.

Аня взглянула по зеркалам. Знакомым движением вывернула шею, подняла брови и выпучила глаза. И тут же вечерний шорох зимнего двора нарушил мерзкий пронзительный писк. Вторая попытка — то же самое.

— Так. — Аня решила, что не позволит мелкой неприятности вывести себя из колеи. — Что бы делал уверенный в себе, опытный водитель?

Она открыла водительскую дверь и посмотрела назад. Пусто. Вылезла из машины и оглядела безлюдный пяточок снега между багажником и стенкой дома. И решила посвятить вечер экспериментам.

Она чистила тряпкой машину — то место, где, по её разумению, могли находиться сенсоры, замеряла расстояние шагами, по несколько раз убеждалась, что между её задним бампером и стеной дома нет никаких преград — но стоило ей включить заднюю передачу, как тишину прорезал неприятный писк парктроника. Когда кто-то хотел протиснуться мимо, она отступала и делала круг по двору, а потом возвращалась и пробовала снова. Ане мерещились трубы, торчащие из снега, бездомные коты и дети, играющие в прятки среди припаркованных машин. Где-то через час, в состоянии, близком к истерике, встав раскорякой среди двора и заблокировав проезд соседям, она снова была вынуждена ждать, пока Максим, матерясь, выскочит из дома в ботинках на босу ногу.

Бывают дни, когда больше не можешь. Например, та среда.

— Еду домой, — позвонила Аня с работы.
— Заеду на сервис, пусть посмотрят, что с парктроником.

— Да всё нормально с парктроником! — заорал Максим в трубке. — Голову свою проверь лучше! Ничего не пищит. Это в мозгах у тебя пищит. Просто паркуйся и всё. А не можешь — не води. Всё, жду.

«Это в мозгах пищит», — повторила Аня, включая заднюю передачу у дома. Двор заполняли рыжие зимние сумерки. Её взяла злость. Просто игнорировать это звук нафиг. Победить напасть. «Паркуйся — и всё». Паркуйся — и всё. Она отчаянно вдавила педаль газа, взревел парктроник, машина с визгом рванулась назад. Всё.

Аня заглушила мотор и осталась сидеть на месте. Наконец ей не нужно ничего решать. Не нужно ничего делать. Всё как-нибудь устроится само. Приедут люди — полиция, скорая. Они всё объяснят, подскажут. Спешить некуда.

Ей не нужно было вылезать, проверять, смотреть глазами. Она почему-то и так знала, что произошло. Возможно, по звуку. По звуку, который производит человеческое тело, попавшее между кирпичной стеной и несущейся тонной железа. На этот раз Максим ждал её во дворе.

Но совершенно другое занимало Анины мысли сейчас, когда она сидела в машине, ковыряя знакомый кожаный шов на руле. Не этот леденящий душу звук, не смерть мужа, не собственное будущее. А неожиданное и оглушающее понимание: она не одна. Её слышали.

Рецензия писателя Дениса Гуцко:

«Очень хорошо — вплоть до финала идеально, в финале есть один нюанс. Сугубо технический: на протяжении всего рассказа описывается параллельная парковка (и я даже думал предложить её в качестве названия для рассказа), но в финале, судя по описанию, парковка уже другая — кажется, у инструкторов это называется «задним ходом в гараж» (именно так проще всего задом автомобиля насмерть сбить человека, не заметив его в зеркало). И я бы добавил тут это уточнение — что парковка в этот момент другая, не параллельная. Аня заезжает во двор и видит свободное место, на котором можно припарковаться задом по дуге. И поскольку в параллельную в своём исполнении она не верит, она спешит встать на это место — и не замечает Максима.

К языку никаких претензий: легко, изящно, иронично — и при этом содержательно. Подтекст отлично выстроен. Саспенс, опять же. Эмоция.»

Рецензия писателя Романа Сенчина:

«Написано хорошо. К технике у меня претензий почти нет. Текст по-настоящему художественный, есть психологизм. Ближе к финалу начинаешь подозревать, что может получиться анекдот из жизни женщины за рулем, но сам финал трагический, сильный. Правда, не понял я последние слова рассказа: «А неожиданное чёткое понимание: она не одна. Её услышали». То есть, что Максим вышел ее встречать? Или высшие силы сделали так, что мужа — нелюбимого — теперь нет?.. В общем-то, открытые финалы мне как правило нравятся, но если возникают вопросы к автору, то это плохо. Может быть, она почувствовала облегчение, поняв, что раздавила мужа, или опустошение... Нечто такое нужно, более определенный намек читателю.

По тексту. «Аня водила плохо и злилась на себя за это. Она водила плохо уже много лет» — очень хороший повтор слов, этот повтор работает на усиление.

«Бывают хорошие дни. Как этот вторник. Аня водила чудесно. Она храбро съездила в центр по делам...» — отличный переход, буквально мажорное звучание фраз. Только я бы посоветовал убрать «Аня водила чудесно». Ведь выше сказано, что Аня водила плохо много лет. Противоречие. Или тогда усилить то, что сама героиня чувствует, что водит сегодня хорошо. Во всяком случае не так должно выглядеть это предложение, и слово «водила» здесь неточное.

«Аня взглянула по зеркалам». Мысль понятна и почти точна, но только ведь «взглянула», это нечто разовое, а «по зеркалам» — наоборот. Взглянуть можно в одно зеркало, потом взглянуть во второе, потом взглянуть в третье... Замечания, так сказать, косметические, не покушающиеся на фундамент. Надеюсь, они помогут сделать рассказ лучше.»

Сон Иннокентия

Анна Мушмакова

Далеко за полночь Иннокентий облачился в новую пижаму со слониками и с удовольствием вытянул ноги, забравшись в прохладную постель. Он долго ворочался, но никак не мог заснуть. Перекатываясь с одного бока на другой, он высовывал из-под одеяла левую ногу, снова заворачивался в одеяло или полностью сбрасывал его, распластавшись по кровати, как Патрик Стар, лучший друг Губки Боба. Наконец, он провалился в долгожданный сон.

Оглянувшись по сторонам, Иннокентий понял, что находится в темном подъезде своего дома и не может вспомнить номер квартиры. Сердце его сильно колотилось, на висках и на носу сверкали капли пота. «Ну прямо в лучших традициях С. Кинга», — подумал он, в очередной раз пробегая свой третий этаж и звоня во все квартиры.

Возле одной из дверей Иннокентий услышал приглушенный голос, который звал его по имени. Он со всей силы дернул на себя потертую чугунную ручку, шагнул и... полетел в пропасть.

Так и не достигнув дна, Иннокентий проснулся в окопе. Он попытался выглянуть из траншеи и стукнулся каской об огромный бульжник. Вокруг него гремели взрывы снарядов, раздавался нескончаемый гул пулеметных очередей и слышались крики людей.

Иннокентий понял, что оказался в эпицентре боевых действий и попытался

разобраться, что происходит, почему и от кого они обороняются. Но все, что он смог понять — это то, что они защищаются от точно таких же людей, как и он сам. Была лишь одна деталь, которая отличала их, — это неестественно счастливые широкие улыбки на лицах нападавших, как будто у них всех неожиданно заклинило лицевой нерв в момент переживания самого счастливого события в их жизни. Оборонявшиеся явно были застигнуты врасплох, в их глазах он увидел ужас и непонимание происходящего.

Вскоре нападавшие прорвали оборону, многие стали разбегаться, не решаясь вступить в открытый бой. Иннокентий был в их числе. Вместе с несколькими молодыми людьми он спрятался в одном из подвалов высотного бизнес-центра.

Спустя несколько часов двое смельчаков решились сделать вылазку. Когда они вернулись, их лица были пепельно-серыми, а взгляд неподвижно устремлен сквозь окруживших их людей.

— Ну, рассказывайте же! Что вы видели? Почему вы молчите? — закричала одна из девушек. Ее пальцы судорожно вцепились в пепельно-русую копну волос, сама она опустилась на каменный холодный пол и, покачиваясь, продолжала смотреть безумным вытаращенным взглядом на вошедших.

— Мы видели, как чудовища утаскивают людей в наш бизнес-центр, — начал один из

парней. — Но мы не видели, что они с ними делают.

Он резко замолчал, беззвучно шевеля губами, видимо, пытаясь подобрать слова. На помощь пришел его товарищ, который продолжил хриплым, слегка дрожащим голосом:

— Мы только слышали громкие безумные крики боли. Но уже спустя несколько минут пленные выходили в строю с чудовищами, так же счастливо улыбаясь.

— Как будто чудовища разорвали в клочья их души и им больше ничего не оставалось, как прятать за этой страшной улыбкой зияющую в них теперь пустоту, — еле слышным голосом закончил первый.

В подвале воцарилась полная тишина, они все вместе забились в угол и просто ждали рассвета.

К утру битва была закончена. Мир, внезапно переполнившийся болью, как будто остановился. Все вокруг было заполнено либо растерзанными телами людей, либо стройными рядами шагающих улыбающихся чудовищ.

— Если мы хотим выжить, мы должны научиться быть незаметными в толпе чудовищ. Они должны принимать нас за своих, — поделился своими мыслями Иннокентий, устало отбрасывая волосы с мокрого напряженного лба. Было решено, что необходимо сделать несколько вылазок, чтобы понаблюдать за чудовищами в их среде, изучить манеры и повадки.

Когда Иннокентий вызвался добровольцем, остальные с облегчением выдохнули. Осторожно пробираясь между этажами бизнес-центра, он уже несколько часов наблюдал за одной группой чудовищ. Иннокентий сделал вывод, что им свойственны достаточно жесткая

субординация и ярко выраженное коллективное начало. Он так увлекся своими наблюдениями, что не успел вовремя заметить двух появившихся в конце коридора чудовищ.

Эти чудовища явно были более высокого ранга, чем те, за которыми наблюдал Иннокентий до этого. Они вели светскую беседу о влиянии на Кафку творчества Ф. Достоевского. «Деперсонализация и дегуманизация личности после столкновения человека с окружающим миром — вот база, на которой Кафка выстраивал конфликты в своих произведениях...» — невыразительно и без каких-либо эмоций продекламировало одно из чудовищ с безумно счастливой улыбкой на лице. Второе чудовище согласно кивнуло ему.

Иннокентий почувствовал, что не может пошевелиться, ноги стали как ватные, сердце с силой ударялось в ребра. Между тем чудовища были все ближе. Ощущая неприятную сухость во рту, Иннокентий взял себя в руки и, натянув на лицо такую же фирменную улыбку, невозмутимо прошел мимо чудовищ. Завернув за угол, он на подгибающихся ногах поспешил в подвал к своим товарищам.

Дни шли за днями. Вылазки теперь делались всё реже и реже и только для поисков еды. Иннокентий радовался каждой такой возможности выбраться из темного подвала и вдохнуть полной грудью свежий ночной воздух. При встрече с чудовищами он уже автоматически натягивал на лицо широкую счастливую улыбку.

Однажды, проснувшись утром, они поняли, что что-то изменилось. После того как двое из них сходили на разведку, эти ощущения подтвердились: в бизнес-центре никого не было. Не успел Иннокентий опомниться, как все его товарищи радостно устремились наружу.

Иннокентий вышел из бизнес-центра на центральную улицу города. Был солнечный ясный день, и вся улица была заполнена людьми. Никто не обращал внимания на растерянно-улыбающегося мужчину.

И тут Иннокентий перестал улыбаться. На лицах прохожих была счастливая улыбка чудовищ. Иннокентий мгновенно побледнел, его кулаки судорожно сжались. Он застыл посреди улицы, пытаясь привести в порядок путавшиеся в голове мысли: «Может быть, они просто не знают, что чудовищ больше нет, и поэтому продолжают изображать их? Или это и есть чудовища, которые никуда не пропали? И весь мир теперь — это такие чудовища?»

Оторвавшись от своих страшных мыслей, Иннокентий, наконец, увидел то, что не смог

осознать сразу, выйдя на улицу: все прохожие были его точной копией. Он почувствовал, как на лице помимо его воли расплывается счастливая широкая улыбка...

Иннокентий снова проснулся, подушка почти насквозь была пропитана потом. Его дыхание все еще было учащено, а губы дрожали. Осознав, что это был всего лишь ночной кошмар, Иннокентий радостно вытянул из-под одеяла свои пяточки, грея их в лучах уже по-летнему жаркого солнца.

Стежки

Дарья Оверникова

Теперь Халибс уходил на запад, к холмам — от запертых комнат, развёрнутых к стене фотографий, надоевшего за годы работы моря. Лёгкие горели, сапоги скользили по траве, но с каждой неделей получалось зайти дальше. Холм с сосной он обнаружил через месяц.

Под деревом на покрывале сидела, накинув на плечи куртку, женщина с короткими седыми волосами. Халибс застыл, тяжело дыша. Она писала — рука так и носилась над блокнотом.

— Можете присесть, — сказала она. — Я вас не обижу. Наверное.

Халибс сел осторожно, будто на лотосовый лист. Она продолжила писать.

— Как вас зовут? — спросила она на третий день.

От привычки к молчанию слова застревали в горле каштановой скорлупой. Он откашлялся.

— Халибс.

Женщина одними губами повторила имя.

— Приятно познакомиться. Зовите меня Ирга. Если хотите.

Он кивнул. Внизу раскинулось лоскутное одеяло полей, ещё зелёных по весне, с заплатками люпина. На лоскутках мать когда-то научила Халибса шить, и он удивлялся тому, как несколько кривых стежков могли удержать вместе разрозненные обрывки. Впрочем, возможно, странным это казалось только теперь, спустя шестьдесят лет.

***

По дороге на рынок Халибс заметил, что люди шептались больше обычного. Сказал себе, что не о нём.

— Что, сбежал твой мальчик? — спросила продавщица, отмеряя для него фасоль.

Он приподнял брови. Лицо женщины окаменело.

— Внук твой сбежал. В Иркеш, к старшему твоему. А ты и не знаешь.

Он не знал. Но знал, почему. В ушах у него зазвенело — как когда-то вскрикнула тарелка, разбившись о стену.

— Сходил бы ты в центр, — сказала она, отдавая фасоль. — Думаешь, долго один протянешь?

Халибс буркнул что-то себе под нос — так, что и переспрашивать не захотелось. Звон не отстал, пока он, придя домой, не заглушил его старой опереттой.

В один вечер Ирга рассматривала собственную руку, словно удивляясь тому, что она пуста.

— Забыли блокнот? — спросил Халибс.

— Нет. Просто день сегодня не для письма.

— Вы пишете книгу?

Она усмехнулась.

— Я пишу глупости. Поверьте, издатели в очереди не выстраиваются. Но иначе было бы ужасно скучно.

Содержимое блокнота слилось в воображении Халибса в чернильную стену. Он мог бы спросить, но это казалось диким — будто коснуться чужого лица.

— Я прихожу писать сюда, — продолжила она. — А иногда к морю. В центре сожительства обстановка не та.

Халибс нахмурился. Не было похоже, что она нуждалась в спасении от бесконечных пустых дней.

— Не знал, — сказал он.

Ирга пожала плечами, накидывая плотнее куртку.

— Понимаете, я могу жить сама. Но я не хочу быть одна.

Ночью фраза колотилась в висок, мешая ему заснуть.

***

— Я не хотел, — сказал Халибс на другой вечер.

Ручка Ирги перестала шуршать.

— Не хотели чего?

— То, что обо мне говорят. С сыновьями, с внуком. Не говорю, что не виноват, но не хотел.

— Халибс, я не знаю, что о вас говорят. И про внука вашего тем более.

— Забудьте.

Он отвернулся. По долине скользил серебряной змеёй дальний поезд — на таком, должно быть, уехал внук. Было ли ему уже восемнадцать? Кажется, было.

— Знаете, — сказала вдруг Ирга. — Моя мама всегда говорила, что старается как может. И я думала, это чушь, пока однажды не сказала так дочери. От бессилия, конечно.

Халибс повёл челюстью.

— Не знаю, поверили бы мои дети, если бы я так сказал.

— Главное, чтобы вы себе верили.

После того как Каллайна умерла, Халибс не старался. Жил — будто спал, и только иногда вспоминал, что их дети не заснули вместе с ним. Он даже не знал, когда они успели стать взрослыми, чужими ему и друг другу. Но он в этом не признался, а Ирга не стала настаивать.

Он не смотрел ей в лицо. Взгляд выцепил расходящийся шов на её рукаве.

— У вас рукав рвётся, — сказал он. — Завтра я могу его зашить.

Ирга склонила голову на бок. Кажется, она не могла найти на его лице ответ.

— Можете? Правда? — спросила она. Он кивнул. — Что ж, шейте. Я ценю любую помощь.

По шее Халибса пробежало что-то странное — словно вставала дыбом невидимая шерсть.

***

Тем вечером он наконец дозвонился до Старшего.

— Папа, — Халибс представил, как сын потирает переносицу, жестом, который ему оставила Каллайна. — Скажи, что это что-то срочное.

— Он у тебя?

Вздых Старшего показался криком.

— Если Никко ещё и тебя подослал...

— Нет, — перебил Халибс. — Он со мной не говорит.

— Его можно понять, — сказал Старший.

Халибс сжал кулак, чувствуя, как давят на тлеющую кожу отросшие ногти.

— Мне жаль, — сказал он. — Мне жаль, что я его таким вырастил.

Старший рассмеялся.

— Ты его вырастил? Папа, это я его вырастил. И я провалился. Не смог ему помочь, не понял, что с ним не так.

— Тебе было шестнадцать лет.

— Спасибо, что помнишь.

На затылок дохнуло горячим.

— Ты не знаешь, как это, — сказал Халибс, — когда женщина, которую ты любишь...

— Не смей! — голос Старшего зазвенел, и Халибс прервался. — Мы тоже её потеряли. Я тоже её потерял.

Пауза была раскалённой.

— Скажи лучше, ты знал, как он обращается с сыном? — спросил Старший. Халибс молчал. — Да или нет, пап? Не знал, или знал, но ничего не сделал?

Халибс смотрел в приоткрытый шкаф, туда, где висело платье Каллайны — жёлтое с белым узором, последнее, которое он ей сшил.

Старший вздохнул. Молчание, кажется, ответило ему лучше, чем мог бы Халибс сам.

— Я надеюсь, у тебя кто-то есть, — сказал он. — Надеюсь, ты обратился в центр, как я тебе говорил. Я не хочу оставлять тебя одного, правда. Но как с тобой жить, я не знаю.

Звонок оборвался. Халибс швырнул в стену чашку — она не вскрикнула, только насмешливо загремела.

***

На следующий день над холмами висел хор первых пчёл. Ирга едва слышно гудела что-то себе под нос. Халибс не слушал. Он не забыл иглу и нить — проклятая память сработала как надо, так что теперь работал над рукавом. Игла слегка дрожала в руках, так и норовила ужалить пальцы.

— Да вы, кажется, злитесь, — сказала Ирга.

— Нет.

Ирга пожала плечами и вернулась к блокноту. Халибс продолжал следить за иглой, ныряющей в синеву ткани.

— Я подумала, — сказала она. — Не хотите как-нибудь выпить со мной чаю в центре сожительства?

— И вы с центром, — вздохнул Халибс.

— И я.

— Вы меня не убедите.

— Я и не собиралась. Иногда чай — это просто чай, Халибс.

Усмешка, всегда прятанная в её голосе, вроде кислой сливовой кожуры, сегодня обожгла.

— Я не такой, как вы, — сказал он. — Мне не нужно, чтобы меня выводили на прогулки, как собачку.

Лицо Ирги заострилось, словно по нему ударили резцом.

— На мне нет поводка. Я живу с людьми, потому что они мне нужны.

— А вы им — нет, — во рту закипала слюна. — Я тоже никому не нужен. Но я не буду заставлять других меня терпеть.

— Что вам тогда нужно от меня?

Он не нашёлся с ответом. Ярость отступила так же быстро, как нахлынула, оставив за собой пересохшее русло.

— Я пойду, — сказала Ирга. — Обратно в конуру.

Разорванная нить зазвенела. Ирга ушла, забрав с собой куртку.

***

Стыд запер его дома. Когда музыка перестала помогать, Халибс обратился к креплённому вину. В яблочном жару он ссорился мысленно с Иргой, потом наяву

набирал Старшего, пока не услышал металлическое «лицо ограничило круг возможных контактов».

Он всхлипнул, но так и не смог заплакать — смотрел в одну точку, пока не упал в сонный водоворот.

Проснулся Халибс с мутной головой, с веками, будто склеенными паутиной. Открыв наконец глаза, он увидел квартиру, будто чужую — пыльную позёмку на полу, скомканную рубашку в кресле, опавшие листья на подоконнике. Как давно он не убирался?

Из пелены его вырвал звонок в дверь. В коридоре стояла девушка в жёлтой форменной куртке.

— Халибс джун-Аян? — считала она с экрана.

Он кивнул.

— Я из центра сожительства. Одна из наших жильцов сказала, что вам нужна помощь.

— Ирга? Это так?

Ему хотелось поспорить. Сказать, что никто ему не нужен, а он им тем более. Но тело напоминало о тяжести между позвонками, о перечной горечи за глазами, которую так и не удалось прогнать.

О том, как слабели стежки, не дававшие ему развалиться.

— Да, — сказал он. — Кажется, я не могу больше... сам. Один.

Девушка кивнула, записала что-то — рука пронеслась над экраном. Халибс отступил в

сторону, готовясь пропустить её в неубранную квартиру.

Рецензия писателя Романа Сенчина:

«Рассказ получается необычным, несколько словно с маревом. Вроде и реальность, а вроде и полумираж. Так и не увидел более-менее определенное место действия, Ирга призрачна, она как бы мерцает в сознании героя. Немного мне напомнил стиль рассказа скандинавскую прозу, повести Кнута Гамсуна после «Голода». Но мир, описанный автором, скорее, то ли тюркский, то ли арабский. Южный...

Про центр сожительства, я думал, будет больше, но тема эта, как говорится, почти не раскрыта. Может, автора стеснил объем...

В общем, потенциально может получиться крепкий рассказ, но сейчас еще, по моему субъективному мнению, это пусть тщательный, но набросок.»

Рецензия писателя Дениса Гуцко:

«Не могу отделаться от ощущения, что прочитал Маркеса — какой-нибудь позабытый кусочек из «Ста лет одиночества».

Теперь Аурелиано Буэндия уходил на запад, к холмам — от запертых комнат, развёрнутых к стене фотографий, надоевшего за годы работы моря. Лёгкие горели, сапоги скользили по траве, но с каждой неделей получалось зайти дальше. Макондо был тогда небольшим поселком из двадцати глинобитных, с камышовыми кровлями домиков, стоявших на берегу реки, которая несла свои прозрачные воды по ложу из белых, гладких и огромных, как доисторические яйца, валунов. Холм с сосной он обнаружил через

_____

Не знаю, согласится ли автор, но манера письма очень похожа: изящное богатство лексики; тотальное остранение; неожиданные повороты не на уровне сюжета даже, а на уровне смыслов и предметного мира — всё появляется и разворачивается как-то вдруг: шитьё, центр сожителства, дети, одиночество, — и при этом эффекта мельтешения не возникает, эта игла работает стремительно, но очень точно. А главное, в отсылке к Маркесу нет никакой вторичности. Текст не смотрится ни пародией, ни фанфиком, ни упражнением на тему.

Многое исполнено мастерски. Например, описание телесного мира:

По шее Халибса пробежало что-то странное — словно вставала дыбом невидимая шерсть.

На затылок дохнуло горячим.

Или, напротив, описание внутреннего мира Халибса через телесность:

Он мог бы спросить, но это казалось диким — будто коснуться чужого лица.

Словом, очень телесный стиль письма (как оно у Маркеса в этом плане, я уже не помню — но это очень талантливо). Даже предметы — живые.

Халибс швырнул в стену чашку — она не вскрикнула, только насмешливо загремела.

Я бы рекомендовал выписать цикл рассказов или сборник в таком же стиле, наполнив его такими же свежими сюжетными решениями — и пробиваться в толстые журналы и издательства.

Кстати, на сакраментальное «о чём хотел сказал автор» ответ не приходится искать в муках — и в здесь всё стройно и внятно. Столь оригинального высказывания о разрушающей силе одиночества — точнее, пассивного прития одиночества, — я в своём читательском опыте не припомню.

В общем, удачи автору! Обязательно прочитаю, как только увижу в журнале или в книжном.»

Сягу, поегу...

Дарья Фомина

Плотный мужчина в синем пуховике, с поношенным рюкзаком Tatonka за спиной, вынырнул из духоты метро в февральскую вьюгу. Вокзал встретил его грязно-серым снегом под трекинговыми ботинками, привычной снующей толпой, переливающимися огоньками кафешек, ароматом кофе, сосисок в тесте и шаурмы. От мерзлых путей исходил едва уловимый запах креозота и дальней дороги. Мужчина раскрыл перед равнодушной пожилой проводницей паспорт и шагнул в вагон.

— О, Санёк!

— Башкатик! Сколько лет, сколько зим!

В купе уже сидели его друзья — Сашка Серых по прозвищу Серух и Вовка Дробинин. Ребята сдружились еще в студенчестве, в Бауманском турклубе. Вообще-то, в Бауманке из всех троих учился только Серух, а Башкатов с Дробининым были залетные птицы из соседнего вуза. Серух работал теперь в Московском НИИ, специализировавшемся на изготовлении робототехники; Дробинин преподавал высшую математику в альма-матер, а Башкатов трудился бухгалтером, допоздна засиживался в офисе с однотипными отчетами, брал работу на дом, чтобы поскорее погасить ипотеку. Каждое утро он с трудом отрывал голову от подушки, привычно отправлял в рот яичницу и плелся в офис. Вот так начинался новый бесконечный день сурка.

Поезд качнулся, и за окном медленно стало удаляться здание Ярославского вокзала, зеленая шапка Кругового депо, поползли

серые постройки промзоны, затем вдалеке показались огни жилых домов. Четвертое место в купе осталось свободным, и Башкатов вздохнул с облегчением. Он вполуха слушал оживленную болтовню Серуха про новейшие разработки в робототехнике и незаметно рассматривал друзей. Ребята ничуть не изменились, как будто и не было этих десяти лет с окончания вуза — всё такие же подтянутые и веселые, всё те же холостяки-туристы, с которыми в юности пуд соли съели: сплавлялись на байдарках по реке Оять, пробирались мимо заснеженных елок и по Каменной реке в Таганае, на Эльбрусе и Ай-Петри поднимали флаг с турклубовским девизом «Напор стихий преодолеть и другу руку протянуть», по очереди тропили по колено в снегу в суровой Кандалакше, тащили лыжи на плечах в новогоднем походе по плато Лаго-Наки.

— Ну как ты, Сань? Сто лет тебя не видел. Смотрю, возмужал, закабанел, — улыбался Серух, дружески хлопая Башкатова по упитанному животу. — Не могу поверить, что Ленка тебя отпустила.

Башкатов в ответ только кивал и улыбался. Он не был в походе с тех пор, как они с Ленкой поженились. Лена, филологиня-библиотекарша, терпеть не могла походы, ночевки в палатке, и предпочитала цивилизованный отдых в гостинице. Она любила огни вечернего мегаполиса, суши-бары и гламурные торговые центры. Через полгода после свадьбы взяли ипотеку, и стало совсем не до походов. Ленка не отпускала даже на выходные: какой еще турклуб, с ума сошел? Сумки с продуктами я из магазина тащить должна? И ремонт сам себя не сделает.

Башкатов соглашался, кивал, как китайский болванчик, но все сильнее скучал по сливочным и таким недоступным теперь вершинам далеких гор, по мягкому влажному мху болот, по длинной осоке под резиновым сапогом, по раскидистым веткам елок, по-приятельски кладущим «лапу» на плечо. Он задыхался в четырех стенах офиса-аквариума с кулером и всегда выключенным кондиционером, безжизненные стены давили, отбирали у него силы. Сосны да березы, нарядное поле с ромашками, путаные козьи тропы, будто намазанные сметаной бока гор, блестящие ледники и каменистые морены снились всё чаще. Дробинин с Серухом то и дело травили душу — присылали фотографии из своих путешествий и всё настойчивее звали с собой. Башкатов ходил кислый и вялый, как высохший лимон, а перед двадцать третьим февраля совсем раскис — лежал лицом к стене, молчал и обводил пальцем узор на обоях. Жена смотрела искоса, вздыхала и наконец сдалась — отпустила на четыре дня на все четыре стороны.

Башкатов взглянул на экран мобильного. Девять пропущенных от Ленки. Он кинул голосовое в ватсап: «Все нормально, в поезд сел». И выключил телефон.

— Да уж, вид у тебя замученный. Унылый, — посочувствовал кудрявый долговязый Дробинин, доставая из рюкзака бутылку настойки, в которой плавали кружок лайма и еловая ветка. — Сейчас реанимировать тебя будем. «Ёлочкой». Станешь как огурчик.

Серух разлил по кружкам «Ёлочку». Выпили залпом — «будем»! Дробинин расчехлил гитару и, вальяжно перебирая длинными пальцами струны, вполголоса затянул свою любимую: «Равновесие не держит наш вагон, словно пьяница шатается в ночи. Только слышен опустевшей тары звон, да в кармане тихо звякают ключи»...

***

В Галиче вышли только они. Дробинин признался, что забыл взять хлеб. В магазине под изумленными взглядами местных пенсионеров — сумасшедшие, идут в поход в такой холод, — друзья закупились пятью буханками бородинского и светло-желтым дырчатым полукругом костромского сыра.

Сделали традиционное групповое фото в начале маршрута. Башкатов поежился и поскорее вынул из рюкзака ветрозащитную куртку. Снега становилось больше. Он заполнял всё вокруг, показывая свое присутствие в этом мире. Он сыпался, как манна небесная, летал, ползал, шевелился, словно живое существо. Идти было трудно, да еще мешал колючий ветер. Но друзья рвались и прорывались, тропили по очереди. Планировали за четыре дня дойти от Галича до Неи — побродить по лесам и замерзшим болотам, посмотреть заброшенные деревни и церкви.

Башкатов чувствовал, что ботинок натирает правый мизинец, но упрямо, стиснув зубы, шел за серым рюкзаком Дробинина с подвешенной на карабин гитарой в кожаном чехле. Гитара явно мешала Вовке идти: то подпрыгивала, то цеплялась за густые еловые ветки, так и норовила соскочить.

В шестом часу, окончательно выбившись из сил, решили вставать на ночевку. Как только Башкатов садился на рюкзак, тут же начинали мерзнуть руки, покалывать ноги. Приходилось все время двигаться. Друзья нашли и завалили сушину, развели костер, разбили лагерь. Башкатов с Серухом утоптали снег под палатку, застелили для тепла лапником, собрали дуги для трехместной палатки, натянули тент, покрепче воткнули кольшки в снег, чтобы палатку не сдуло. Дробинин занялся приготовлением ужина: долго растапливал снег, утрамбовывал его в два кана — один для чая, другой — чтобы сварить еду. Макароны получились недоваренные, пересоленные, с комками жира от тушенки, но Башкатов так проголодался, что ему было все равно. Весь вечер он сушил ботинки, придвинув их поближе к костру, вдыхал запах горячей смолы, стекавшей по полену, слушал, как Вовка с Серухом

вспоминают майский байдарочный поход по Мсте. И чувствовал себя наконец-то свободным, беззаботным и счастливым, как в детстве. Когда костер догорел и стало зябко, переместились в палатку. Вовка взял в руки гитару. И в полусне, натягивая на замерзающую голову спальник, Башкатов слушал тихий голос Дробинина, который лился спокойно и размеренно, будто издалека: «Сяду, поеду, развею грусть, в среду к обеду назад вернусь»... Всю ночь Башкатову снились болота, покрытые свежим мягким снежком.

Утром проснулись рано — от холода и голода, с аппетитом позавтракали бородинским хлебом с костромским сыром, вскипятили и залили в термосы чай, собрали лагерь и отправились в путь.

Снегопад закончился, идти стало чуть легче. В Ваганово осмотрели разрушенную церковь 18 века, под сводом которой свили гнездо вороны. Они, как чернеющие на листе буквы, сидели под куполом и оттуда кидались камнями. На стенах и выступах храма проросли молодые деревья, и их голые ветви, как руки, с мольбою тянулись к небу.

В заброшенных деревнях Афоново, Волково, Никольское друзей встречали покосившиеся крыши, опустевшие и полуразвалившиеся десятки лет назад дома. Башкатову было жаль эти избы, в которых все еще жила душа, мучилась, страдала от одиночества. Мрачные глазницы окон и скрип дверей наводили на Башкатова невыносимую тоску. Почерневшие и прогнившие деревянные стены будто жаловались ему.

Стиральная доска, керосиновая лампа, кровать с рваной периной, обломки русской печи, газеты восьмидесятых годов прошлого века, дырявые эмалированные ведра. Башкатов молча рассматривал оставленные вещи, и ком в горле становился все больше и уже не давал дышать. Башкатов представил себе, что здесь жил чей-то отец, который с любовью строил этот дом, своими руками вырезал каждую балясину для крыльца, плел корзины, складывал печь с лежанкой. Уехав и бросив отчий дом, люди лишились самого

ценного — того, что было у каждого русского человека испокон веков, о чем писали Пушкин, Тургенев, Толстой, — своего родового гнезда. Навсегда потеряли память о предках.

«А чем я лучше них? — вдруг спросил себя Башкатов. — Я ведь сам оставил родной дом, перебрался в Москву. Но стал ли я от этого счастливее?» Башкатов опустил голову и с силой пнул сугроб.

Он вспомнил Александровский район, деревню Соколово, дом за зеленой калиткой, увитый девичьим виноградом. Яблоневый сад с антоновкой и белым наливом, нарядно зеленеющие грядки «синеглазки», моркови и чеснока. Среди кустов крыжовника клюют червяков и кудахчут белые куры с нежными красными гребешками, розовыми лапками и резными хвостами, как у свадебных голубей. Мать в выцветшем сарафане стоит у «мартена» — сезон заготовок. Ровными слоями утрамбовывает в трехлитровые банки пупырчатых зеленых самураев — она так называет огурцы. В каждой банке, кроме огурцов, — соль, головка чеснока и зонтик укропа. Мать заливает их кипятком из чайника. Стенки банки потеют. Все в доме пропитано ароматом укропа и чеснока.

В огороде отец делает грядку: методично и ловко наступает берцем на лопату и переворачивает ровный квадрат земли. Майка на спине отца взмокла. Рядом вертится немецкая овчарка Лада с любопытными карими глазами. Она радуется, сбивает с ног меховым своим хвостом, встает на задние лапы и норовит поцеловать в лицо.

***

Февральские короткие и снежные дни кто-то слизывал шершавым языком, словно кот сметану. Каждый день друзья находили буреломы и непролазные просеки, заросшие молодым леском. Продирались через них медленно — сугробы и деревья не желали расступаться. Елки цеплялись ветками-

пальцами за ляжки рюкзака, кидались снежками, стараясь попасть за шиворот.

В итоге дошли только до Николо-Поломы, встали на ночевку в лесу недалеко от населенки. Оттуда на утреннем автобусе предстояло добраться до Неи и сесть в поезд.

Ночью, окуклившись в спальном мешке Bask, Башкатов всё не мог уснуть. Он чувствовал, как гудят после долгого ходового дня ноги, слушал, как успокаивающе шуршат по тенту палатки ветер и снег, как посапывают рядом друзья, пытался согреться собственным дыханием и думал о том, что поход никогда не повторяется. Он каждый раз другой. Тоже интересный, тоже остаются светлые воспоминания, но оттенки чувств и эмоций всегда разные, даже если идешь с теми же людьми. Башкатову очень захотелось, чтобы они с Вовкой и Серухом вот так же когда-нибудь снова пошли в поход — за новыми впечатлениями и эмоциями. Ведь ради этого и стоит жить.

***

Обратно в поезде ехали молча. Каждый думал о своем. Башкатов почти все время лежал на верхней полке, слушал звон чайной ложечки, которая никак не могла утомиться и металась, пытаясь вырваться из стакана. Перед глазами проносились заснеженные деревья, матово-белые, будто посыпанные мукой поля — простые среднерусские пейзажи, настолько родные и любимые, что сильнее забилось сердце и защемило глаза. Башкатов вынул из кармана флиски разрядившийся смартфон. Надо было поставить на зарядку и позвонить Ленке, сообщить, что все в порядке. Но не хотелось. Он убрал мобильный обратно в карман. Башкатов вспомнил, что завтра придется идти на работу. Толкотня в метро, духота и многолюдность офиса, черно-белые листы бухгалтерских отчетов, — всё это представлялось ему теперь каким-то далеким, неправдашным, будто из другой реальности.

Поезд качнулся в последний раз и встал. На перроне друзья обнялись, попрощались, пристально глядя друг другу в увлажнившиеся глаза. Дробинин и Серух пошли к ждавшей их машине Яндекс.такси, а Башкатов хотел уже повернуть к метро, но случайно взгляд его упал на табло: электропоезд «Москва — Александров» через пять минут.

«Вроде бы, недалеко от Москвы, а дома бываю раз в году. Всё некогда, всё дела, дела», — подумал Башкатов и вспомнил, как на прошлый Новый год на заиндевевшем пеньке кололи дрова вдвоем с отцом. Как потом вдыхали тягучий аромат печного дыма, размачивали пахнущий лесом березовый веник в алюминиевом тазу с кипятком. Башкатов вспомнил, как обжигает стопы снег, когда босиком идешь к проруби, разгоряченный жаром русской бани. Вот оно, счастье.

***

Весь день упрямо сыпался крупный мокрый снег, словно хотел навсегда замести чьи-то следы. Прохожие с недоумением наблюдали, как мужчина в синем пуховике и с огромным рюкзаком бежит, расталкивая всех на своем пути. Вот он влетел в закрывающиеся двери полупустой александровской электрички, отдышался, снял рюкзак и сел на жесткое деревянное сиденье. «Следующая станция — Москва 3», — раздался убаюкивающий женский голос, и электричка, словно гигантская зеленая гусеница, поползла в сторону области. Летящие по ветру снежинки налипали на оконное стекло, как белый пластилин, и не таяли. А мужчина улыбался и напевал себе под нос приставшую как банный лист песню: «Сяду, поеду, развею грусть. В среду к обеду я не вернусь».

Рецензия писателя Дениса Гуцко:

«Рецензировать мне в этом рассказе нечего: он очень хорошо написан. Язык, работа с деталями, умение выстраивать смысловые пласты и сюжетные линии, — всё на высоте. Включая плотный многослойный подтекст, в котором нашлось место и теме неподъёмной русской рутины с ремонтами-ипотеками, и размышлению о современном браке, в котором бытовая успех важнее человеческой близости и душевного комфорта. А столь искреннее, пронизанное тонким лиризмом обращение к теме русских корней, животворной русской глубинки — в ситуации, когда Россия буквально

обнуляется путинской СВО и военизированной версией русского мира, — так и вовсе удивляет и восхищает.»

Комментарий писателя Романа Сенчина:

«Без всяких оговорок можно утверждать, что рассказ получился.»

Талисман

Ксения Белозёрова

Тринадцатый билет — самый счастливый. Канючишь перед преподавателем, что точно не сдашь из-за вредности судьбы. Экзаменатор в ответ успокаивает: «Не волнуйтесь, Юля, дам вам лёгкую деталь». Или: «Ничего страшного, Юля, я помогу». Выигрываешь плюс два балла к реальной оценке. На втором курсе рано судить о красном дипломе, но, если так пойдёт и дальше, приписка «с отличием» мне обеспечена.

Своей удачей я обязана талисману-лошадке. Это замутнённый кусок пластмассы, будто наполненный болотной водой. Благодаря этому брелочку, папа вернулся домой из Афгана без увечий. Я выклянчила лошадку ещё ребёнком. В детстве представляла, как папа скачет на ней к победе. Все враги сдаются в плен. Как-то раз я играла с лошадкой во дворе и нашла сто рублей. Другой случай: талисман лежал в моём кармане, и мороженщица угостила меня порцией лакомства. Стало понятно, что лошадка — такой вот мой конёк-горбунок, исполняющий желания. Когда я пошла учиться, то нацепила брелок на ключи и брала с собой на контрольные и экзамены вместо шпаргалок. Не зря: всегда попадались задания с известными мне ответами.

— Мне бы тоже удача не помешала. — Одногруппница Жанна наблюдает, как я пропускаю лошадку между пальцами правой руки. Жанка — бедолага. Поссорилась с бабушкой, у которой снимала комнату. Обиженная старушка выставила квартирантку на улицу. В общагу не заселяют, потому что у Жанны гражданство чужой страны. Приходится мыкаться по приятелям и невнятным хатам.

Из-за проблем с жильём подруга завалила два зачёта.

— Да получишь ты гражданство. Бабло все любят, — прячу своё сокровище в сумку.

— А вдруг там видеосъёмку ведут? И меня не то, что из универа — из страны выпрут. — Жанка указательными пальцами растягивает и без того узкие глаза в стороны.

— Возьми себя в руки. Будешь дёргаться — спалишься.

Из кабинета термодинамики вышел староста с зачётками сдавших. Я забрала свою и станцевала короткий твист из «Криминального чтива». Фортуна любит радостных. Можно идти домой. Жанка осталась узнать, когда будет пересдача.

Обычная поездка на автобусе. Весна лессировала двор прозрачной оранжевой краской. Подъезд в тонах реки, заполненной крокодилами. Дверь нашей квартиры, как спасательная лодка.

Мама с кухни закричала, что у нас гости. Я сняла обувь и прошла на голос. За столом сидел щуплый мужичок одного со мной роста. Чёрные волосы частично поседел, словно по ним рассыпали кокосовую стружку. От гостя пахло папиросами и корейским бальзамом «звёздочка».

— Это папин боевой товарищ — Анатолий.

— Мама у плиты тушила мясо. Мать ненавидела звук, издаваемый вытяжкой, поэтому у нас на кухне всегда насыщено воняло готовящейся едой.

Гость посмотрел на мои руки.

— Ыб, дай-ка глянуть, — выдернул у меня ключи, — это же трофейная лошадка, ыб. Твой отец снял её со своего первого душмана.

Я сделала два шага назад. Глаза заметались: лошадка, мама, фарш, окно, икона, Анатолий, лошадка. Тяжёлая ледяная змея обвила мой позвоночник.

— Напугал я тебя? — Гость возвращает брелок. Я тру лоб. Кажется, что смотрю на Анатолия через толщу кристальной воды. — Ыб, там нестрашно, здесь страшнее. У нас всего двое погибли, ыб — у одного сердце не выдержало, а второй получил ранение, комиссовали. Ыб, умер от белой горячки.

Отец вернулся с патрульной службы. Я хотела, чтобы папа разозлился на гостя, а он обнял его.

— Толик! Ты чего в феврале не проявился? Мы с пацанами собирались! — Папа правой рукой пожимает Толику руку, а левой трясёт его за локоть.

— Я в командировке отметил, ыб, там тоже наши были. Видал, чё япошки устроили, ыб? Потравить нас хотят, ыб, как тараканов. — Толик смешивает устрашающий голос с открытой детской улыбкой.

— Ваще ошизели. У Юльки подруга тоже узкоглазая. — Папа достаёт бутылку водки из шкафчика над раковиной.

— Думаю в Сирию завербоваться, ыб. — Толик садится за стол.

— Ну не знаю, нам ведь уже скоро полтос. Долбаные пакистанцы Усаму выдали. Теперь всё иначе.

Отец с другом весь вечер разговаривали на кухне. Когда Анатолий ушёл, мне показалось, что у меня в руках порвалась десятикилограммовая сетка, продукты высыпались наружу. Обманчивая лёгкость. Я не стала смотреть новый фэнтези-сериал об интригах вокруг престола, сосредоточилась на учёбе. Завтра зачёт по материаловедению. Обычно перед экзаменами чувствую уверенность, но в ту ночь совсем не спала, наматывала на себя одеяло, как пряжу на веретено. Пару раз вставала. Вышла в коридор, сняла брелок с ключей, но не смогла выбросить, так и положила, как по ритуалу, в сумку.

Утром мы с группой в аудитории ждали преподавателя. Вчера произошёл теракт в Актобе. Никто тогда не мог сказать, что это: несчастный случай или зарождение волны насилия. Жанка переживала, что в миграционном центре её запроверяют на терроризм и, не дай бог, что-нибудь найдут.

— Всё против меня. Взрыв, бабка. Неудивительно, ведь на прошлой неделе была пятница тринадцатая. — Жанка кусает уголок «пляжной» обложки тетради. У подруги уже неделю немытая голова.

— Жанна, при чём здесь пятница? Ты пьяная привела домой какого-то Влада, а он заблевал бабкины тапочки. — Лошадка в моей руке будто скачет по воздуху.

— Вам, местным, хорошо, — Жанка калякает на форзаце тетради завитки, пишет имя Эминема, — мало того, что обстановка тотально помогает, так вам ещё с рождения обереги раздают.

— Забирай, отец его на войне с убитого врага снял, — ставлю лошадку Жанке на тетрадь, — сильный талисман, точно поможет

получить гражданство. Будешь очень счастливо жить в этой стране.

Жанна недоверчиво подняла брови, заморозилась, сглотнула, оглянулась по

сторонам. В аудиторию вошла материаловедка. Подруга забрала брелок. Студенты по списку тянут билеты. Мне достался тринадцатый.

Экзамен

Константин Андреев

Сняв перчатку, я достал телефон из кармана и посмотрел на экран. Имени нет, номер неизвестный. Наверное, кто-то из родителей звонит справиться об успехах своего чада. А может, из оптики — сказать, что пришли новые очки. Метро было уже близко, манило теплом и светом, но я всё-таки нажал на зеленую кнопку и, надеясь на оптику, сказал «Алё».

— Здравствуй, Андрюша. Здравствуй, дорогой, это Галина Михайловна.

— Ой. То есть, здравствуйте. — Я остановился.

— Мама дала твой номер. Я зашла к ней в магазин, она продаёт цветы красивые. Жёлтые, красные, оранжевые. У них ещё название такое...

— Герберы?

— Нет, какие герберы. Тоненькие, листья у них гладкие очень. Я помню, вы с мамой приносили их на первое сентября. — Голос дрожал.

Я увидел, как учительница трогает нежный листок, прислоняет к лицу.

— Галина Михайловна, я так рад. Недавно искал записную книжку, у меня была такая в

детстве с адресами, знаете? Там записан и ваш.

— Взяла у мамы твоей несколько штук, сейчас сижу и смотрю на них, — казалось, хотела добавить что-то ещё, но резко оборвала.

— Помню, мы всем классом пришли к вам в гости. И тогда первый раз танцевали мальчик с девочкой, а вы сидели и смотрели. У вас очень красивая квартира. А вы вообще как?

«А вы вообще как?» — передразнил я мысленно сам себя. Что за вопрос.

— Я смотрю на цветы, — уже открыто плакала Галина Михайловна. — Сижу в квартире. Так тихо. А ведь у нас всегда музыка играла. Музыка играла, а теперь тихо. Никого нет.

Руку больно сводило от мороза. Искал глазами по темнеющей улице: фонари, скамейки, кусты.

— Галина Михайловна, давайте я приеду? — уже без всяких намёков предложил я.

— Ты знаешь, я сегодня решила взвеситься, а там цифры такие страшные. Я никогда столько не весила. Это всё инсульт. Из-за него и вес, и память. Я всё забываю, всё

забыла. А была красивая женщина. Я женщина, понимаешь?

Я не знал, что ответить. Пауза тянулась.

Какой же была Галина Михайловна? Была ли она — женщиной? Закрыв глаза, взываешь к богу памяти. Покажи, бог, ну покажи! Показывает на секунду — и сразу прячет, и Галина Михайловна исчезает. Сухой серый пиджак с накладными плечами делал из неё генерала, командующего нашей маленькой армией. «Запомните, дети, — говорила она почти басом, возвышаясь на учительской кафедре, — если кто-то задирает вашего одноклассника, навалились всей гурьбой и дали сдачи». Иногда Галина Михайловна снимала пиджак и превращалась в кокетливую Галочку (так называла её Снежана Константиновна, классная третьего «В», я подслушал однажды на перемене). У Галочки непонятно откуда возникали большие красные клипсы, прицепившиеся к мочкам ушей. Дома в старой маминой шкатулке лежали такие, я попробовал их надеть и — больно зашипало — сразу снял. У Галочки был тонкий игривый голосок и неловкая, как бы извиняющаяся улыбка. Превращение происходило мгновенно, а иногда Галина Михайловна превращалась туда-обратно несколько раз за час. Например, на прогулке, когда становилось то холодно, то жарко и приходилось то снимать, то — бррр! — снова надевать пиджак.

— Сутулиться-то перестал? — неожиданно спросила учительница.

Я ответил. Наш разговор не клеился, а искусство оригами требует времени, мастерства и умения увидеть красоту заранее, когда перед тобой ещё бессмысленная гора бумаги. Глянув на часы (уже восемь?), я подумал, что мы непременно встретимся, но лучше не сегодня (вечное оправдание) и, попрощавшись, пошёл на деревянных ногах к метро. Внутри было тепло, очки тут же запотели, и сквозь пелену я увидел тучного бездомного, читающего прямо на полу перед эскалатором газету. В его лице было что-то благородное, почти графское. Очки наконец отпотели, и, вздрогнув, я понял, что он

смотрит мне в глаза. Бездомный улыбнулся и приглашающим жестом указал на эскалатор. Я отправился вниз.

— Сегодня я прочитаю вам важный рассказ, — сказала Галина Михайловна и, помолчав пару секунд, продолжила: — его написал Лев Николаевич Толстой.

Пока длилась короткая пауза, Светочка и Жанна перестали шептаться, Егор воткнул остриё циркуля в измученную резинку и замер, а сутулый Андрюша отвлекся от пирожка, который бабушка — съешь, а то не вырастешь, — дала с собой в школу. Впрочем, на словах *Лев Николаевич* всё обратно пришло в движение. Проглотив кусок, Андрюша устроился поудобнее. Ему нравился голос учительницы и солнце, ярко светившее на улице и намекавшее на то, как весело будет идти домой. Ещё и писать не надо!

Начав читать, Галина Михайловна тайком смотрела на детей. Всем третьеклассникам она читала этот рассказ и про себя называла его Экзамен. Экзамен был жёстким. История дружбы, где оба умирают. И что важно? Как поведёт себя класс. Кто что скажет, кто первый спросит *почему*. Слёз Галина Михайловна не ждала.

Андрюша слушал рассеянно и всё время убежал мыслями то домой, то в музыкальную школу, то в без пятнадцати два, когда прозвенит звонок. Опять про животных, лев и собачка. Но на середине рассказа собачка вдруг заболела и издохла, а лев перестал есть.

перестал

есть

Спина Андрея выпрямилась струной как бы сама и сразу согнулась обратно, но уже иначе. Андрей стремительно старел. Морщины в уголках глаз, седой волос в брови, треснутые

очки. Пара предложений — и он уже не нежный третьеклассник, а уставший мужчина, сдающий бесконечный Экзамен, начавшийся когда-то в детстве.

Закрыв глаза, я увидел героев того солнечного дня: вот Светочка смотрит в зеркало и замазывает тональником синяки от побоев мужа, а Жанна лежит с распоротым животом в канаве на краю города, и ноги её застыли в огромном и бледном знаке умножения. Егор ничего, выплатил кредит за машину, но есть ещё два, и уже приходят

домой, звонят каждый день, и просишь детей «а ты скажи, что папы нет».

Галина Михайловна закончила читать рассказ в тишине. Андрей смотрел перед собой на чёрную, испещрённую мелом доску. «Ну как вам, дети?» — спросила Галина Михайловна. «Жалко», — первым ответил Андрей. «Кого жалко, Андрюша?»

Всех.

Кадровый голод

Екатерина Бобровская

— Фу! Смердит-то как! — Калерия Петровна сморщилась и чихнула. Она бы сказала, что это работа не для завуча, сказала бы, что у нее выходной. Но тогда придется попрощаться с премией. Поэтому Калерия Петровна покорно несла за ноги покойную англичанку.

— Имейте уважение, человек, вообще-то, умер! — огрызнулась директриса, перехватывая поудобнее холодные руки.

Тело уложили на стол в кабинете труда. Галина Ивановна задернула шторы, достала из бесконечных складок то ли юбки, то ли боков, мятую записную книжку и посплюнявила палец.

— Пароль от электронного дневника, пароль от почты, телефон управы... А, вот! — Директриса торжествующе потрясла в воздухе блокнотом и смахнула древесную стружку со лба покойной Антонины. Именно в такой уютной обстановке прошел первый в селе Покровка обряд воскрешения мертвых.

Нет, вы не подумайте, никакого самоуправства и разорения могил. Все согласовано. Так что Галина Ивановна не боялась штрафа или тюрьмы. Правда, икону с рабочего стола все же убрала. На всякий случай.

Антонина открыла глаза и захрипела. Галина Ивановна хлопнула ее по плечу, как делала всегда, когда не находила слов, чтобы выразить благодарность коллегам.

— А неплохо получилось. Выглядит даже лучше, чем после семи уроков в субботу.

— Точно, точно, и взгляд такой стал... глубокий. — Калерия Петровна истерично хихикнула и отпрыгнула от Антонины, которая задергала рукой, пытаясь вновь обрести контроль над телом.

— Тогда задокументируем и отчитаемся в район. — Галина Ивановна вернула записную книжку в недра своего костюма и зашагала к двери. Калерия Петровна перекрестилась, сплюнула, постучала по табурету и засемила следом.

Следующим утром Антонина Живцова уже вела уроки по расписанию. Ее сразу воткнули в экзаменационную комиссию и, конечно, вернули классное руководство, а с ним и кружок школьной газеты. И она не просто справлялась — ее ставили в пример. Образцовая тишина и посещаемость.

Мертвый работник оказался во всем эффективнее живого. Антонина не просила зарплату, не жаловалась на количество часов, не планировала декрет и не хотела премию. И

Галина Ивановна не стеснялась об этом говорить на каждом педсовете.

После очередного собрания Антонина так и не смогла встать — мертвые ноги отказались слушаться. Англичанка беспомощно дернулась всем своим вялым рыбьим телом, искривила неестественно шею и заплакала. Как могла, конечно. Слёз у неё уже не было.

— Ну, голубушка, к чему эти драмы, — хлопотала вокруг нее Галина Ивановна, осторожно пытаясь вернуть голову Антонины на место. — Поберегите себя. Завтра поедете к методистам в район, в конце недели уже пробники проверить надо, а там и экзамены!

— От... пу...

— Отпуск? Какой же вам отпуск. Вы и так у нас целый месяц соблюдали постельный режим. Уже лишнее наотдыхали.

— От... пу... сти, — наконец выдавила Антонина и уронила голову на грудь. Голова, и без того непрочно державшаяся на дряблой шее, укатилась под парту. Галина Ивановна прикрыла нос платком и брезгливо отвернулась.

— Калерия Петровна, пожалуйста, попросите рабочего что-то сделать с этим. Скоро приедет комиссия, как я это должна объяснять?

Калерия Петровна хотела напомнить, что она учитель года, что у нее первая категория и стаж. Но стимулирующие за последний месяц увеличились вдвое, и триста сорок рублей терять не хотелось. Поэтому завуч присела и указкой подцепила Антонину Живцову за ухо. Та щелкнула зубами и снова заплакала.

Вскоре Галина Ивановна стала вдохновлять своим примером соседние маленькие школы, каждый раз начиная речь словами: «Лучшие кадры — кадавы!» И ужас

на лице директоров постепенно сменялся живым интересом. Учителей не хватало, а вот на кладбищах недобора не было.

Так бы и запатентовала Галина Ивановна свой уникальный метод борьбы с кадровым голодом, если бы не жалобы. Клязусы строчили как родители, так и сама Антонина. Поэтому в ответ на гневное «Измазала тетради в земле» сразу прилетало «Нагло потерял сознание у доски».

С наступлением лета стало только хуже. Палящее солнце не оставляло шансов сохранить Антонину в приличном состоянии, и трупный запах уже понемногу въедался в мебель и стены. Англичанка же в тепле странно полнела и округлялась, приобретая при этом вид глупый и мечтательный. Галина Ивановна была не только эффективным управленцем по призванию, но и химиком по первому диплому, поэтому насторожилась и тут же пометила себе, что нужно вернуться к этому вопросу не позже ноября и заказать холодильник.

Но роковой ошибкой стало назначение Живцовой на школьные грядки. Увидев жирный чернозем, еще влажный после вчерашней грозы, Антонина упала плашмя в цветник, зарываясь пальцами в почву. Закрыла глаза, улыбнулась и умерла. На этот раз окончательно.

Директриса обошла клумбу по кругу и толкнула ногой труху и тряпки, оставшиеся от истлевшей Антонины.

— Что за люди. А заявление? А отработать две недели?

— Галина Ивановна, сейчас июнь. Как раз в педагогическом будет выпускной. Может, заедем? Наберем молодых, — осторожно поинтересовалась Калерия Петровна.

Галина Ивановна не ответила, взглядом пересчитывая садовые лопаты.

Костик

Светлана Дымшиц

Костик проснулся. Нет, не так. Костик пришел в сознание. Снова не так. Он же в самом деле его не терял. Костик стал осознавать окружающий мир (комнату), людей (маму на кухне) и себя (закутанного в кокон из одеяла). Костик помнил, что сегодня вторник, что делало пробуждение еще более безвыходным. Вторник означал, что впереди шесть уроков, еще и контрольная. Но сначала — вкусный мамин завтрак.

Знай Костик о картине Дали, на которой художник изобразил мгновение до пробуждения, когда разум издевается над человеком и демонстрирует его пребывающему во сне сознанию картину, которая еще только должна совершиться в реальности, он наверняка бы вспомнил об этой картине. Но Костик о ней ничего не знал, а потому в который раз удивился, что мама, ласково воркующая из кухни «Коостик, вставааай, завтрак тебя ждет!», переключалась из его сна в соседнюю комнату.

Костик предвидел резь в глазах от яркого света лампочки. Света, идентичного натуральному, любил повторять приставшую фразочку Костик. Он капитулировал перед наступающим днем и приоткрыл глаза. Сфокусировался на узкой полоске света, пробивающейся из-за двери. Стоит открыть эту дверь, как он окончательно перестанет принадлежать себе. Уроки, дополнительные занятия, дежурство. Еще и маме надо помочь.

Костик вспомнил, как несколько лет назад он с мамой ездил на море. Наше, Черное. «А

что мы там не видели, море — оно везде море, правда же, Костюшка?» Костик не стал возражать, да и бесполезно. Вспомнил Костик и то, с какой завистью слушал рассказы ребят из школы об их каникулах. Куба, Кипр, Мальта... Белоснежные пляжи и голубая прозрачная вода. И рыбки. Вспомнил, как боялся признаться себе, что жжение в груди — зависть. А еще Костик вспомнил, как трудно ему было входить даже в самую теплую — «Водаа — парная!» — воду. Обычно Костик входил, пока вода не закрывала середину бедра. А когда привыкал к воде, плюхался в море одним махом. Так Костик делал каждый день. Одним махом опрокидывал на себя ледяную воду нового дня.

Открыв дверь в кухню, Костик услышал нарочито веселые голоса ведущих утренней передачи по телевизору. Телек в квартире Костика работал бесперебойно, только с перерывом на сон. Тут же обернулась от плиты мама. Улыбнулась, чуть наклонившись, поцеловала Костика в лоб.

— Как спалось?

В ответ Костик хмыкнул.

— Много сегодня уроков? Контрольная будет?

— Уроков шесть, и контрольная будет. Мам, я же тебе вчера еще говорил...

— Ну не кипятись, Костюшка, все будет хорошо, не переживай. Только после школы сразу домой, договорились? Я должна на рынок поехать, а как же я все одна дотащу?

— Ладно, ладно, — пробубнил Костик, принявшись за еду.

Сегодня мама приготовила любимый Костин завтрак: сосиски с яичницей. Она всегда готовила именно сосиски с яичницей, когда чувствовала, что у Костика плохое настроение, что она чем-то недоволен, или вот так — перед контрольной. Жили Костик с мамой скромно. Нет, она даже хорошо зарабатывала, но после внезапной смерти папы решила построить на кладбище богатый памятник, из-за чего перевела семью в режим «жесткой экономии», как сама любила повторять.

— Ничего, Костенька, кто же еще сделает, если не мы. Скоро накопим деньги, сделаем нашему папе такой красивый памятник, будет загляденье. Надо только немножко потерпеть.

Эту мантру Костик знал наизусть, и она была ему противна. Он поднялся из-за стола и, уже входя в ванную, услышал:

— Только теплее одевайся, сынок, сегодня такой ветер, как бы тебе не простыть в середине четверти.

Костик вышел из дома, помахал маме в окно и как только зашел за угол дома, откуда его уже не было видно, стянул с себя шапку и расслабил шарф на шее. До школы было всего пять минут пешком, и под пронизывающим осенним ветром Костик ощущал себя живым.

В школьном коридоре Костик оказался за пять минут до начала урока. Спокойной походкой он направлялся к своему классу и, чем ближе к нему был, тем чаще слышал тонкие голоса:

— Здравсьте, Константин Михайлович!
Доброе утро, Константин Михалыч!

Костик зашел в класс, окинул взглядом учеников и их пугливые, дерзкие, равнодушные, ищущие, голодные глаза. Подумал, что у этих глаз впереди вся жизнь. Вздохнул и будничным тоном произнес:

— Доброе утро, ребята! Достаем двойные листочки.

Стыг

Павел Самсонов

После занятий нужно было остаться в классе для уборки. Каждый день дежурил кто-то новенький. В тот день счастливыми были я и Паша.

Из школьных дней я помню немного: что-то в деталях, а остальное не вижу совсем. Но одно воспоминание тянет за собой остальные, и память возвращается пятнами.

Думаю, это десятый класс. Мне шестнадцать. Я стою посередине кабинета физики со шваброй в руке. Отчетливо вижу тряпку для пола — мешковина грубого переплетения и жестяное ведро рядом. Вижу Пашу в углу кабинета. Он тоже со шваброй. Паша меньше меня на голову, щуплый, черноволосый, и мы дружим. Читаем одни и те же книжки с фантастикой. Еще у Паши родители в разводе, отец — завязавший алкоголик и, кажется, симпатичная мама.

Паше не очень нравится елозить шваброй, мне тоже, но мы оба — мягкие ребята, которые читают книжки и избегают смотреть в глаза девчонкам. Мы особо не спорим, надо мыть — значит, идем и моем.

Убираться несложно. Нужно вынести мусор, вымыть доску и пол. С доской легче всего: сначала смываешь с царапанного пластика остатки мела — поверхность становится темно-зеленой и густо пахнет. Если хорошенько прополоскать тряпку, то потом на доске не остается белесых разводов, и до следующего дня она будет стоять чистая.

После мытья доски переходим к полу. Перед этим нужно поднять стулья: перевернуть вверх ногами и водрузить на парту. Еще сами парты можно выровнять, чтобы стояли ровненько. Двигать их необязательно, но мы с Пашей двигаем.

Теперь можно мыть. Класс пустой, и мы ходим по нему, как хозяева, тут все наше: и парты, и пыль под ними. Высокая дверь в коридор распахнута, оттуда слышатся приближающиеся голоса. Кто-то с криками влетает в класс.

Мы стоим с Пашей по разным углам кабинета и смотрим, как между рядами парт несутся двое: это Таня — высокая и смешливая девчонка с желтыми волосами, собранными в неаккуратный хвост. Груды у нее нет, а ноги прямые, подростковые, и колени такие же. Помню на ней черную юбку сильно выше этих подростковых коленей. За ней бежит Минов. Он гад. Всегда аккуратно подстрижен, спортивный, неплохо учится, но гад, я знаю. И смех у него с резкими вздохами между смешками: «И-и-и». Такой смех наоборот.

На щеках Тани румянец. Минов бежит за ней, смеется и отчего-то совсем бледный. Он догоняет Таньку и хватает ее за руку.

— Давай показывай, — орет он и толкает стулья с парты, куда мы с Пашей пару минут назад их поставили. Они соскальзывают на пол. — Показывай! Стулья падают в разные стороны, сцепившись ножками. Я со шваброй

останавливаюсь. Таня что-то кричит, Минов уже повалил ее на парту. — Трусы показывай, — слышу я его голос. — Ты обещала.

Я вижу, что Таня отбивается, отталкивает его руки, которые тянут вверх ее черную юбку. Трусы у нее белые, и я их вижу. Потом опускаю голову и смотрю на мокрую мешковину на швабре. Смотрю на выцветший линолеум пола, начинаю возить по нему тряпкой. Я не буду смотреть туда, откуда слышатся крики. Мне нужно скорее убрать в классе и пойти домой. Боковым зрением я вижу, что Паша тоже опустил голову.

Я знаю, что рядом происходит что-то плохое, и стараюсь не смотреть туда, но все равно вижу Таню: она лежит спиной на парте, одной рукой отпихивает Минова, другой — держит юбку. Она смотрит на меня, я — мимо.

Потом чьи-то руки вырывают у меня швабру. Я отшатываюсь и вижу нашу одноклассницу Нелли, Танину подругу. Я вижу, как она замахивается и бьет Минова по голове черенком швабры. Вижу, как чёрная коса Нелли перелетает с плеча на плечо. Всё замирает, передо мною остановившееся лицо Минова без взгляда. Он отшатывается и стоит, согнувшись, из его рта вырываются свистящие

звуки. Он начинает смеяться, и в груди у него что-то булькает.

— Сука, — говорит он, — ты су-ука.

Тане удается соскользнуть с парты, и она пятится за Нелли, которая, точно меч, выставила перед Миновым швабру и тычет ему деревяшкой в лицо.

Дальше не помню.

В памяти остался пустой кабинет, раскиданные стулья, темная тряпка на линолеуме и лицо Нелли. Она смотрит на меня и кричит:

— Почему ты просто стоял?

— Я думал, это игра, — вру я. — Я думал, это игра.

Электронный журнал «Пашня» — ежемесячное издание литературных мастерских Creative Writing School. Тексты, представленные в «Пашне», написаны в рамках работы очных мастерских и онлайн-курсов Creative Writing School или созданы специально для литературных конкурсов школы. «Пашня» — это возможность встречи текста и его автора с читателем, возможность посмотреть на мир глазами современных литераторов.

Выпускающий редактор Юлия Виноградова

Художественное оформление Евгения Буравлева, Елена Авинова, Юлия Виноградова

@Creative Writing School, © 2023

@Евгения Буравлева, © 2023

@Елена Авинова, © 2023